

Васёк Трубачев и его товарищи - Книга 1

Глава 1. Новогодний праздник

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытались заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

— Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

— Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки.

Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

— Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

— А вот с серебром! Девочки, с серебром!

— Давайте, давайте скорее! — торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. — Гости ждут.

— А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими

ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколата бумажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

— Мало, эх, мало!

— Малютин уже пошел. Картину принесет, — успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

— Эх, а табличку-то не прибили! — Леня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

— Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

— Зорина, ты чего?

— Как — чего? — Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами.

— Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачев? — Она поднялась на цыпочки. — Васек! Трубачев!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его мигом окружили:

— Ну как, Трубачев?

— У них тоже здорово! Я все посмотрел!

— Лучше, чем у нас?

Трубачев потрянул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

— Нет, не лучше, — сказал он, широко улыбаясь. — Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет, да Мазин и Русаков — какие-то штучки — тогда и вовсе живем! — Трубачев притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина. — Живем!

Девочки запрыгали:

— У нас лучше! У нас лучше!

— Мазин и Русаков идут! — запыхавшись, сообщил Медведев. — Я их на лестнице видел.

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

— Вот они — закадычные друзья! — объявил Белкин.

— Мало вещей? — коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач. Он был начищен до блеска, на, рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

— Ух ты! Здорово! Вот здорово! — одобрительно зашумели вокруг.

Трубачев, забыв про выставку, разглядывал пугач.

— Р. М. З. С.! — громко прочитал он. — Мазин, что за буквы?

— Трубачев, покажи! Дай поддержать, Трубачев! — кричали ребята.

— Подождите!

Трубачев нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

— Р. М. З. С. — что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

— Это буквы!

— Это фабрика! — догадался кто-то.

— Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачева пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

— Много будете знать — скоро состаритесь.

— Ого! Тайна! — фыркнул Леня Белкин, поднимая белесые брови и поглаживая свой колючий затылок. — Ребята, тайна! Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

— Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгреб в кучу все вещи.

— Берете или не берете на выставку?

— Степанова, — крикнул Трубачев, — возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

— Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

— Вот, принес! — задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

— Война! — шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачевым.

— Ты настоящий художник, Сева! — растроганно сказал Трубачев.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

— Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темно-зеленая елка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям:

— «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

— «Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...»

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подсела к малышу и взяла у него из рук бумажку:

— Давай вместе!

— Трубачев! Булгаков! У вас все готово? — крикнул издали Митя.

— Все готово! — ответил Трубачев, устанавливая картину.

— Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стекла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки елки и веселые лица родителей.

— Милости просим! Милости просим! — говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васек увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу веселое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

— Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

— Сюда, сюда, папа!

Васек потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее подготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

— На, запасной.

Васек громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

— Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас!.. Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущенно улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боев с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

— Алеша... Бориска... Толя... — припоминала она своих бывших воспитанников.

— Переросли! На целую голову переросли своего директора! — шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик — школьный сторож. Черные с проседью волосы его были расчесаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

— Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

— Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! — Старик вытер усы. — Ну-ну,

выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, — бормотал он, присаживаясь к столу.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец все стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый северный край. Высокие сосны, скованные морозом озера... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемет.

Пули испарывают легкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползет снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засел противник.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемет... Лыжники летят дальше.

— Этот снайпер... — Директор поворачивает голову.

— Который? Который? — налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливает обветренные щеки снайпера — он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал дзот — это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает ее руку.

Васек и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбужденно рассказывает товарищу:

— Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли. И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. — Он радостно смеется. — Я помню их... в десятом классе.

Глава 2. Огоньки в окнах

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стеклами светились огоньки. Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васек, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

— Пап! Вот этот снайпер Алеша просто богатырь. Да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

— Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила — одно, а сила воли — другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок... — Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васек понимает его.

— Ясно, — говорит он, — главное — спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронес, пап? Под огнем, а?

— Сколько потребовалось, столько и пронес, — строго сказал Павел Васильевич. — У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васек молчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

— А нам еще расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонек.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щеку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о елке.

— Раздевайся, раздевайся, Коленька, — торопила старушка.

— Сейчас, бабушка!.. А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

— Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! — испугалась старушка. — Можно ли эдакое воображение ребенку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь — и все. Самое подходящее дело для ребят.

— Ну, бабочек! — усмехнулся Коля. — Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьезные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были — Р. М. З. С.! — Коля поднял указательный палец. — Понимаешь?

— Да понимаю я, понимаю! — рассердилась старушка. — Только не детское это дело — такие страсти изображать.

— А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

— «Хвалили, хвалили»!.. Вот от наших полярников поздравление тебе, — неожиданно сказала бабушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

— Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идет к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

— Я тогда уже пятиклассником буду, — сказал он, завертываясь в теплое, пушистое одеяло.

* * *

И еще в одном доме горел огонек в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестер и братьев, спросил:

— Нюта с Вовкой давно пришли?

— Давно, — шепотом ответила мать.

— А мал мала спят? — тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестер. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал мала.

— Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

— А я вот гостинцев им принес, — сказал Саша и полез в карман. — Измялись чего-то, — огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик. — Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

— То-то, я смотрю, у тебя пальто все снегом извожено, — спокойно сказала мать.

— Я сейчас почищу.

— Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

— Отец выпил нынче, — шепотом сказала она, — тихий пришел... Все сидел, объяснял мне: я, говорит, токарь... потомственный и почетный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня — женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! — Она покачала головой и засмеялась.

— Он уж всегда так, когда выпьет, — снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки вареную грушу.

— А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! — торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег. — Как ты ушел, так и принесли мне.

— Ого! Сколько денег нам дали! — радостно сказал Саша. — Теперь всего накупим.

— На всех, на всех хватит, — сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: — Вот и тебе подарок от государства — купи себе лыжи, сынок!

— Что ты, что ты! — отмахнулся Саша. — Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

— Бери, бери! Мне в радость это, — мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки. — Ты у меня большак...

Саша поглядел на ее круглое, доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на ее щеках протянулись, как ниточки, новые морщинки.

— Нет, не возьму! — решительно сказал он, засовывая в карманы руки. — Лыжи — это баловство. Захочу — и так достану. — Он встал из-за стола и погладил мать по плечу: — Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонек над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещенными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

— Воображаю, как вы там мерзли! — с тревогой говорила старая учительница, которой все еще помнились эти мальчики такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

— Да там не до мороза. Разотрешь снегом уши, и опять ничего, — застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы.

В одном из классов за партой сидел Алеша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

— Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затерли...

Перед Алешей стоял вожатый Митя.

— А ты, кажется, здесь вожатый теперь? — спросил Алеша. — Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

— В седьмом. А теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! — засмеялся Митя, присаживаясь на край Алешиной парты.

— А что, трудный состав? — деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьезно сказал: — Главное — дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошелся по классу и, остановившись перед Митей, щелкнул пальцами:

— Сразу приучай! А то потом ох и трудно будет! Вот где я это понял — на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алеша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

— Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина — это все!

— Точно! — решительно подтвердил Митя. — Ребят распускать никак нельзя!

Алеша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!.. — с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учебы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

— Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется, — добрейший человек!

— Алеша! Митя! — донеслось из коридора.

Глава 3. Семья Трубачёва

Отец Васька, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил свое дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васек запомнил рассказы отца:

«Стоит пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструмент и давай его выстукивать со всех сторон...»

Васек слушал, и в нем росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить легкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманнами удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич — выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубачевых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

«Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал», — говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезненная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и всегда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать; тихая просьба ее была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васек учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своем лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

«Как же это ты? Язык заплелся или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!»

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он по-прежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васек отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжелым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно бродил из комнаты в кухню и молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскакивал, суетился, перекидывал что-то с места на место, приговаривая:

— Сейчас, сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдем, а?

Васек молча смотрел на него, потом утыкался лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

— Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слезы:

— Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, все свое время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачевых, в квартире жила еще шестнадцатилетняя соседка Таня. Еще при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачевых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала как могла.

Васек любил забегать в маленькую светлую комнатку Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пестро раскрашенный глиняный петух с иголками и нитками напоминал ему раннее детство, когда, бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

— Это что еще такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васек затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

— Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся... Павел Васильевич, оставшись без жены, думал про Васька:

«Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок, который был при жене, боялся в чем-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

— Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь — это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васек, не понимая трудной жизни отца, говорил:

— Не надо... Нам и вдвоем хорошо?

Глава 4. Товарищи

С вызовом сестры Павел Васильевич медлил, боясь причинить сыну неприятность появлением в доме чужой, незнакомой Ваську женщины.

Но один случай заставил его принять окончательное решение.

Павел Васильевич строго-настрого запрещал сыну приходить к нему в депо. Он сам изредка брал его с собой, показывал ему ремонтную мастерскую, с увлечением объяснял назначение всех инструментов, зорко следя за тем, чтобы сын не убежал на железнодорожный путь.

Когда мать была жива, Васек после школы торопился домой. Теперь опустевший дом пугал мальчика. Часто до возвращения отца с работы он бесцельно бродил по городу один или предлагал своим друзьям Коле Одинцову и Саше Булгакову:

— Пойдемте, ребята, куда-нибудь, пошатаемся...

Однажды, чтобы увлечь товарищей на прогулку, Васек, несмотря на запрещение отца, пообещал им показать ремонтную мастерскую.

Выйдя из школы, мальчики прошли тихими улицами и выбрались на окраину. Стоял сентябрь. Осеннее солнце и ветер высушили на деревьях листья и окрасили их в желтые и коричневые цвета. В палисадниках, на клумбах, чахли желтые кустики осенних цветов.

— Вон, вон депо виднеется! Каменное, серое, — указывал товарищам Васек. — Там сейчас папка работает. И знакомых там много... Еще увидит кто-нибудь. Нам напрямик нельзя. Надо через пути перебежать, с той стороны в окно посмотрим. Айда, ребята!

Скрываясь за дощатым забором, мальчики прошмыгнули в калитку и, пригнувшись к земле, побежали через рельсы. На путях стояли длинные составы товарных вагонов, гудели паровозы. По земле стелился белый пар.

— Ребята, вот стрелка... Осторожно, а то как зажмет ногу... — шепотом предупреждал Васек.

Между вагонами в закопченных, промасленных передниках, с молотками и другими инструментами сновали рабочие; слышался лязг железа, стук сцепляемых вагонов.

— Чу-чу-чу! — подражая паровозу, пыхтел Васек, прижав к бокам локти.

— Тра-та-та! Тра-та-та! — вторили ему Одинцов и Саша. Обдирая на коленках чулки, они пролезали под вагонами и прятались за колесами, чтобы не

попасться на глаза рабочим.

— Скажут папе — тогда несдобровать нам, — шептал Васек.

Пробраться незамеченными к мастерским было трудно.

— Подождем, пока рабочие на ужин пойдут, — предложил Трубачев. — Посидим в товарном вагоне.

Мальчики залезли в первый попавшийся вагон. Там валялась свежая солома, в открытую дверь широкой струей вливалось солнце.

Одинцов схватил Васька за рыжий чуб:

— Горишь, горишь!.. Саша, туши его, туши!

Мальчики с двух сторон напали на Васька. Бросали ему на голову свои куртки, барахтались в соломе и хохотали.

Снаружи слышались громкие голоса, заскрипели под ногами мелкие камешки. Кто-то стукнул по стенке вагона молотком. Мальчики забились в угол и притихли.

Кто-то просунул в вагон голову и громко сказал:

— Десятый!

Потом тяжелая, обитая железом дверь с грохотом задвинулась, голоса замолкли.

— Вагоны считают, — неуверенно пояснил Васек, на ощупь пробираясь к двери.

Вагон вдруг с силой дернулся, затих. Потом стронулся с места и медленно пошел. Колеса заскрипели...

— Поехали! Трубачев, поехали!

Ребята бросились к двери.

— Открывай, открывай! — налегая худеньким плечом на щеколду, кричал Одинцов.

Саша и Васек, пыхтя, помогали ему. Дверь подалась. Васек выглянул:

— Стой! Ложись! Мимо депо едем! Отец увидит... Это ничего — это на другой путь вагон перегоняют. От вокзала никуда не уйдет! — успокаивал он товарищей.

— Вот здорово!

— Покатаемся бесплатно!

Но вагон, покачиваясь, ускорял ход. В дверь было видно, как скрылось серое здание депо, остались позади железнодорожные строения.

— Ничего, сейчас назад повернем! — храбрился Васек.

— А вдруг не повернем? — поблескивая круглыми черными глазами, тревожился Саша.

— Трубачев, будку проехали! Тут уж поле, один путь. Разве задний ход дадут, а?

— Не-ет...

Ребята испуганно посмотрели друг на друга.

— Вот так номер! Поехали!

— Открывай дверь шире! Прыгать будем! — скомандовал Васек.

— Прыгать?!

Вагон шел над песчаным откосом.

Мальчики, прижавшись друг к другу, смотрели вниз.

— Тут башку сломаешь... — махнул рукой Саша.

— Ничего, песок — мягко! — соображал вслух Одинцов.

Трубачев, высунув голову, смотрел вперед. Ветер трепал его рыжий чуб.

— Сейчас поле будет. Я первый прыгну. А вы за мной. Вперед прыгайте. И, главное, от вагона подальше... — Он с беспокойством оглядел товарищей. — Сашка, слышишь? Изо всей силы прыгай, понятно?.. И ты изо всей силы... Держите книжки... Не бойтесь... Я сколько раз прыгал, — соврал Васек, чтобы подбодрить товарищей.

Поезд шел все быстрее. Показались скошенные луга. На них, как покинутые дома, стояли стога сена. За ними пряталось заходящее солнце. Около железнодорожного полотна торчали редкие кусты с облетевшими листьями. За лугами синел лес. Земля убегала, плыли стога, лес приближался.

Васек еще раз оглянулся на товарищей. Сердце у него замерло.

— Три, четыре! — чуть слышно скомандовал он себе и, отступив, прыгнул.

Саша и Одинцов увидели, как он упал, потом вскочил, споткнулся и, прихрамывая, побежал догонять поезд.

— Прыгай! Прыгай! — кричал он. — Бросай книги!

«Кни-ги!» — долетело до мальчиков. Одинцов догадался, схватил свои и Сашины книги и бросил их.

Саша неловко затоптался на месте, держа за руку товарища.

— Давай вместе!

— Нельзя, хуже! — крикнул ему в ухо Одинцов.

Задыхаясь от бега, Васек размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не было слышно.

Одинцов отодвинулся от Саши и прыгнул. Он упал неловко и долго не поднимался. Саша побелел и закрыл глаза:

— Убился...

Когда он снова выглянул из вагона, он увидел, как оба товарища, спотыкаясь, бежали по тропинке за поездом.

Саша зажмурился и прыгнул.

Оглушенный падением, он сидел на траве и потирал ушибленный локоть.

Подбежавший Васек обнял его за плечи:

— Ты что?

— Сижу! — радостно ответил Саша.

Через минуту три товарища шли вдоль железнодорожного полотна. Глядя на Колю и Сашу темными от волнения глазами, Васек повторял:

— Обошлось, обошлось, ребята!

Книги нашли в кустах целыми и невредимыми.

— Они тоже прыгали! — сострил Одинцов, похлопав по своей сумке.

Вечернее небо быстро темнело. Где-то далеко слышались гудки паровозов. Свежий ветер трепал курточки мальчиков.

— Если пустить паровоз на полную мощность... — говорил Саша.

— Подожди... смотря какой паровоз!

Васек поднял голову и прислушался:

— Самолет! Ребята! Самолет!

Из-за леса, почти касаясь верхушек деревьев, вылетел самолет.

— Ура, летчик! Ура!

Ребята прыгали, подбрасывали вверх книги и толкали друг дружку.

— Летчик! Возьмите раненого! — кричал Одинцов. — Сашку Булгакова!

— Нет, Одинцова, Одинцова! У него нос разбился!

— Трубачева возьмите! Дядя летчик! Вот он! Вот! Хромает!

Самолет скрылся в облаках.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать дождик. Серое здание депо все еще не показывалось.

— Эх, не туда заехали! — с досадой сказал Васек. — Завезли нас к черту на кулички!

— А ты куда билет брал? — натягивая на голову куртку, осведомился Одинцов.

— Он думал — его прямо с доставкой на дом! — рассмеялся Саша.

Наконец показались первые строения.

Прощаясь на Вокзальной улице, мальчики советовались.

— Может, нам к твоему отцу всем вместе идти? — спрашивали Васька товарищи.

— Нет, чего там! Влетит, так за дело.

Павел Васильевич уже давно был дома. Выслушав рассказ сына, он молча вынул из портфеля конверт и сел писать письмо сестре.

Глава 5. Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич прихлебнул с блюдечка чай и выглянул в окно.

— Так и есть, — сказал он, нахлобучивая на голову меховую шапку и снимая с гвоздя ключ. — Хоть бы одни каникулы отдохнуть дали! И все этот Митя всех мутит! — ворчал он, открывая тяжелую школьную дверь.

У крыльца действительно стоял Митя в синем лыжном костюме, за ним — Саша Булгаков и Коля Одинцов. Все трое тащили на плечах лыжи.

— Опять ноги разрабатывать! Вчера на коньках, сегодня на лыжах, — пропуская их, ворчал сторож.

— У нас в плане лыжная экскурсия сегодня, — стряхивая с шапки снег, сказал Митя. — Не все, понимаете, освоили это дело. За каникулы надо подтянуться, — объяснил он, подбирая парные лыжи. — Да вы идите отдыхайте, Иван Васильевич. Мы только соберемся — и айда!

— «Отдыхайте»! — усмехнулся Иван Васильевич. — С вами отдохнешь, пожалуй...

На крыльце затопали, и в дверь вбежали школьники.

— Здравствуйте, Иван Васильевич! — с опаской поглядывая на сторожа, здоровались они.

Иван Васильевич недаром получил от ребят прозвище «Грозный».

Опираясь на толстую, суковатую палку, во всякую погоду стоял он на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище «Грозный» старик несколько не обижался.

— Я для вашего брата и есть грозный, потому что безобразия в школе допускать не могу, — сурово говорил он.

Увидев перелезавшего через забор школьника, старик звонко стучал об асфальт палкой:

— Куда лезешь? Где тебе ходить приказано?

— Дорогу потерял! — кричал озорник.

— У меня живо найдешь! Носом калитку откроешь!

Школьник с хохотом скатывался с забора и осторожно проходил мимо сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич!

— То-то «здравствуйте»! Дурная твоя голова вихрастая! На плечах ходуном ходит, всякое соображение растеряла! — ворчал Грозный, закрывая за мальчиком дверь.

И вдруг лицо его расплывалось в улыбке, около губ собирались добрые морщинки, и он, похлопывая по плечу какого-нибудь отличника, говорил:

— Инженер! Одно удовольствие от твоего житья-бытья получается. Матери поклон от Ивана Васильевича передай!

Или, грозно сдвинув брови и выпятив грудь, приглашал группу школьников:

— Проходите! Проходите!

Школьники замедляли шаг.

— Артисты! Одно слово — артисты! На собраниях про вас высказываются. Вам в школу, как в театр, на своей машине выезжать надо, а вы пешочком, а?

— Да ладно... уже ругали нас, — подходя ближе, нерешительно мямлил кто-нибудь из ребят.

— Сам! Самолично присутствовал! — ударяя себя в грудь, торжествующе говорил Грозный. — Все собрание тебя обсуждало. А кто ты есть, ежели на тебя посмотреть? — Грозный прищурился и, оглядев с ног до головы ученика, презрительно говорил: — Сучок! Голый сучок, ничего не значащий! А тобой люди занимаются, выдолбить человека из тебя хотят.

— Да чего вы еще! — пробираясь к двери, бормотали оробевшие школьники. — Не будем мы больше, обещали ведь...

— И не будешь! Ни в каком разе не будешь! Мне и обещаний твоих не нужно. Я сам к тебе подход подберу.

— Вот леший! И зачем только его на собрания пускают! Ведь он потом прохода не дает, — возмущались злополучные ребята. — На всех собраниях сидит! Отвернет ладонью ухо и слушает, — смеялись они.

Но сегодня Грозный ворчал для виду. У него было то особое, праздничное настроение, которое не хочется омрачать ни себе, ни другим. Открыв Мите пионерскую комнату, он вышел на крыльцо.

На дворе лежали горы снега. С улицы шли и бежали школьники. Лыжные костюмы ярко выделялись на белизне снега, поднятые лыжи торчали вверх, как молодые сосенки. Грозный улыбался, ласково кивал головой, то и дело приподнимая свою мохнатую шапку.

— С праздником, Иван Васильевич!

— И вас также!

Крепкий морозец стягивал шнурочком брови, красил щеки ребят и белил ресницы.

— Стой, стой! Где же это ты мелом испачкался? И щеки клюквой вымазал, — шутил Грозный с каким-нибудь мальчуганом.

Васек Трубачев торопился — во дворе уже никого не было.

— Иван Васильевич, прошли наши ребята?

— Прогнали, прогнали! А ты что же эдаким мотоциклетом пролетаешь? И «здравствуйте» тебе сказать некогда. Васек поспешно сорвал с головы вязаную шапку:

— Здравствуйте!

— Ишь ты, Мухомор! — любовно сказал сторож. Васек был одним из его любимцев. Еще в первом классе Грозный прозвал его Мухомором за темно-рыжий оттенок волос и веснушки на носу.

— Прогнали, прогнали твои товарищи!

Васек, прыгая через три ступеньки и волоча за собой лыжи, помчался на второй этаж.

В пионерской комнате толпились ребята. Митя, поминутно откидывая со лба непослушную прядь льняных волос, оживленно объяснял:

— Все зависит от правильности хода...

— Трубачев! — крикнул Саша Булгаков. — Сюда! Сейчас строиться будем. Мое звено в полном порядке.

— У меня Малютина нет, — сказал Коля Одинцов.

— А Зорина где? — спросил Васек.

Лида Зорина, запыхавшись, вбежала в комнату. Она была в красном пушистом костюме, черные косички выбивались из-под шапки.

— Я здесь! Девочки все пришли!

— Звеньевая, а опаздываешь! — строго сказал Васек.

— Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила, — оправдывалась Лида.

Школьники выстроились в две шеренги перед крыльцом. На перекличке не оказалось Севы Малютина.

— Ему нельзя, — сказал Саша, староста класса. — Он больной.

— Больной-притворной, — пошутил кто-то из ребят.

— У Малютина порок сердца, — строго сказал Митя. — Смеяться тут нечему... Ну, пошли! — крикнул он, взмахнув лыжной палкой. — За мной!

* * *

Грозный стоит на крыльце, прикрыв ладонью глаза. За воротами, на снежной улице, одна за другой исчезают синие, зеленые фигурки лыжников, красным флажком мелькает между ними Лида Зорина...

Скрип лыж, голоса и смех затихают...

— Ну вот, значит... — говорит Грозный, направляясь к своей каморке.

Но несколько пар крепких кулачков барабанят в дверь:

— Откройте! Откройте!

— А, первачки! Промерзли?.. Ну, грейтесь, грейтесь! — ласково говорит сторож.

Закутанные в теплые платки, толстые и смешные, неуклюжие, как медвежата, размахивая лопатками, вваливаются первачки. За ними, смеясь, поднимается их учительница.

— Мы, Иван Васильевич, только погреться. А вы идите отдыхайте, — говорит она. — Мы во дворе будем.

Клубится снежная пыль. Красные от натуги малыши носят лопатками снег, лезут в сугробы.

Позвякивая ключами, сторож проходит в пионерскую комнату.

На стене возле праздничной стенгазеты висят плакаты и объявления.

Грозный надевает на нос очки:

— Где тут у них планы? На каникулы... Ага... Первые классы... так... Четвертые — экскурсия... так... Шестые — кружок фото... так... Восьмые — международный доклад... так... Шахматисты... — Он машет рукой и прячет очки. — Свято место пусто не бывает.

Глава 6. На пруду

К вечеру мороз утих. Небо было чистое, с редкими звездами. Васек Трубачев, Саша Булгаков и Коля Одинцов возвращались с лыжной прогулки втроем.

Они нарочно отстали от ребят, чтобы зайти на пруд.

— Пойдем? — предложил товарищам Васек. — Не хочется домой еще.

— Пойдем! На пруду, наверно, красиво сейчас. Я тоже не хочу домой... — согласился Одинцов. — Саша, пойдешь?

— Куда вы — туда и я!

Мальчики прошли парк и начали спускаться к пруду. Пушистые берега с занесенными снегом деревьями возвышались, как непроходимые горы.

Старые ели, глубоко зарывшись в сугробы, распластали на снегу свои густые, мохнатые ветви. Метель намела на пруду высокие снежные холмы. Вокруг было так тихо и пустынно, что мальчики говорили шепотом.

— Не пройдем, пожалуй, — провалимся, — пробуя наст, сказал Саша.

— Идите по моему следу. Айда... лесенкой. — Васек поднялся на горку и,

пригнувшись, съехал вниз. Потом снял лыжи и бросил в сугроб. — Сюда! Одинцов! Саша! Мягко, как в кресле!

Мальчики уселись рядом. Все трое, запрокинув головы, смотрели в темное, глубокое небо.

— Смотрите, смотрите! Луна!

Из-за парка показалась огромная желтая луна.

— Ни на чем держится! — удивленно сказал Саша. — Вот-вот упадет.

— Вот если б упала!

— Хорошо бы! Мы бы ее сейчас в школу притащили, прямо в пионерскую комнату.

Саша обвел глазами белые застывшие холмы.

— А что, ребята, тут, наверно, зимой ни одна человеческая нога не ступала? — таинственным шепотом сказал он. Васек посмотрел на чистый, ровный снег:

— Следов нет.

— Тут один Дед Мороз живет... — пошутил Одинцов и осекся.

В лесу раздался треск сучьев. Тихий шум, похожий на завывание ветра, пронесся по берегам. И в тот же миг неподалеку от мальчиков что-то белое вдруг отделилось от сугроба и медленно съехало вниз.

— Трубачев! — прошептал Саша.

— Видали? — испуганно спросил Одинцов.

— Это снежный обвал, — равнодушно сказал Васек, на всякий случай подвигая к себе лыжные палки. Саша засмеялся.

— А меня мороз по коже пробрал, — откровенно сознался он.

— И меня... Идем лучше отсюда, — сказал Одинцов. — Не люблю я, когда снег... ползет.

— Ну, бояться еще! Мы, в случае чего, прямо голову оторвем! — Васек лихо сдвинул на затылок шапку.

— А кому отрывать? — усмехнулся Одинцов.

— Кто нападет! — сказал Васек, приглядываясь к белому холмику, который как-то странно покачивался в неровном свете луны. — Да никто не нападет. Я думаю, это показалось, — прибавил он.

Одинцов зажмурился:

— Ну да, бывает... привидится что-нибудь от снега.

— А вот на севере... — пугливо оглядываясь, добавил Саша. — Мне рассказывали...

Сзади снова раздался треск сучьев и тонкий протяжный вой. Мальчики переглянулись. Васек молча показал на белый холмик. Медленно покачиваясь на гладкой поверхности пруда, холмик полз к берегу.

— Стойте здесь... я проверю, — вдруг решился Васек. Саша схватил его за руку:

— Я с тобой.

— Вместе пойдем, — прошептал Одинцов.

— На лыжи! Становись! — громко скомандовал Васек. Ребята вскочили. Тихий вой, разрастаясь в грозное рычание, пронесся над прудом. В ответ ему из сугробов вырвались звуки, похожие не то на кошачье мяуканье, не то на собачий лай.

— Волки! — с ужасом прошептал Саша.

— Держите палки наготове, — стиснув зубы, сказал Васек. — Мы их сейчас...

— Нет! — испуганно остановил его Одинцов. — Куда ты? Надо домой!

— Домой, домой, — заторопился Саша. — Слышишь? Вой разрастался. Теперь уже казалось, что со всех сторон подкрадываются к мальчикам какие-то непонятные и страшные звери.

— Ничего, как-нибудь дорогу пробьем! — задыхаясь от волнения, сказал Васек. — За мной, ребята!

Зорко вглядываясь в каждый бугорок, мальчики благополучно миновали сугробы и вышли в парк.

— Стойте! — Васек поднял руку.

На пруду снова было таинственно и тихо.

— Тьфу! Что за чертовщина такая! Ребята, сознайтесь: кто испугался?

— Я, — улыбнулся Саша, зябко поводя плечами.

— И я, — сказал Одинцов.

— Ну и я, — сознался Васек, — потому что не волк, не человек...

— А может, просто кошки? — предположил Одинцов.

Все трое засмеялись.

А на пруду, когда затихли голоса, под ветвями ели тихо вдвинулась туго накрахмаленная морозом простыня, блеснул огонек, освещающая глубину темной землянки, и высунулась голова Мазина. Белый холмик быстро-быстро пополз к старой ели.

— Ушли? — шепотом спросил Мазин.

— Ушли, — ответил Петя Русаков, сбрасывая с себя белый халат.

Глава 7. Новости

Встряхивая золотистым чубом, Васек, разгоряченный впечатлениями дня, рассказывал отцу:

— Мы с Митей в лес ездили, далеко-далеко... А потом еще с ребятами на пруд ходили.

— То-то я тебя еле дождался. Хотел разыскивать.

— А на пруду, папа, такая луна, громадная, и свет от нее... Нам даже показалось, что снег движется. Да еще как завоет кто-то, — засмеялся Васек, — мы даже испугались немножко.

— Вот и хорошо, что испугались. Не будете лазить где не надо, — хмуро сказал отец. Он был чем-то озабочен.

— Да ты что, папа, чудной какой-то сегодня? — удивился Васек.

— Чудной не чудной, а... — Павел Васильевич замялся, постучал пальцами по столу и строго сказал: — К нам тетя Дуня едет.

— Едет? — переспросил Васек, не зная, радоваться ему или печалиться.

Тетю Дуню — сестру отца — он никогда не видел. Она жила под Москвой на

какой-то маленькой станции.

Павел Васильевич ожидал, что сын будет протестовать против приезда тетки, и приготовился к серьезному отпору, но Васек только спросил:

— А веселая она?

— Да как тебе сказать... особенного веселья я что-то у нее не замечал. Женщина старая, одинокая, хозяйка. А мы с тобой, можно сказать, холостяки. Где зашить, где пришить требуется, а то и сготовить чего.

— Каша у тебя пригорелая получается, — задумчиво сказал Васек.

— Вот-вот, — обрадовался отец, — самое теткино дело — кашу варить.

— Не хочу я тетки. Нам и вдвоем хорошо, — вдруг решительно заявил Васек.

— Хорошо-то хорошо, а с хозяйством мне все равно не сладить... Да, еще вот какая новость у меня, сынок...

Павел Васильевич почувствовал себя совершенно несчастным: ему предстояло еще раз огорчить Васька.

— Я, Рыжик, недельки на три в Харьков уеду. В тамошнее депо командируют меня. — Он тяжело вздохнул. — Значит, тут без тетки никак не обойтись, сынок.

Васек молчал. Ему было уже не до тетки.

— А когда ты уедешь? — тихо спросил он.

— Когда уеду? Ну, это еще не так скоро. Ты об этом не думай сейчас.

Васек тряхнул головой.

— Не скоро? Ну и ладно! А тетка пускай живет. Мне до нее никакого дела нет, — решил он.

Утром к Ваську забежал Одинцов. Павел Васильевич ушел на работу. Васек завтракал, густо намазывая маслом белый хлеб.

— Новость! — закричал с порога Одинцов. — У нас новый учитель будет после каникул. Мария Михайловна совсем ушла.

Мария Михайловна, прежняя учительница, давно уже не посещала класс, и четвертый «Б» около двух месяцев находился на попечении учителей других классов.

— Собственный учитель? — обрадовался Васек. — А Мария Михайловна что же?

Одинцов махнул рукой:

— Да она с нами состарилась совсем... Не с нами, а вообще... Ей шестьдесят лет скоро будет, а потом, после болезни еще...

— Жалко ее, — сказал Васек, — привыкли мы к ней.

— Жалко, конечно, — согласился Одинцов, — а все-таки учителю я рад. Бежим к Булгакову, расскажем ему!

— Да погоди. Я еще не позавтракал. Вот ешь лучше. — Васек пододвинул товарищу хлеб и масло. Оба с аппетитом принялись за еду.

— Все новости да новости, — сказал Васек. — А откуда ты узнал про учителя?

— Мне Грозный сказал. Я у него для Саши лыжи брал. Приношу сегодня, а он говорит: «После каникул держись, брат! Отменного учителя вам директор нашел».

— Так и сказал — отменного?

— Так и сказал. Уж он не соврет. Говорит, будто учитель на выставке был вчера. Все вещи смотрел. Хорошо, что Мазин свой пугач унес!

— Унес? — с живостью спросил Васек и досадливо сдвинул брови. — Так и не сказал, что за буквы... Ну, пошли к Саше.

На улице было людно. В сквере играли дети, на скамейках отдыхали взрослые. С деревьев, покрытых белым инеем, осыпалась снежная пыль.

Саша Булгаков жил недалеко. Пройдя широкий двор, мальчики постучали в низенькую дверь первого этажа длинного серого флигеля.

Им открыла женщина с приветливым лицом:

— Сашенька, к тебе!

В светлой кухоньке было много ребят. Они, видимо, гуляли и только что пришли со двора. Саша и его сестренка Нюта раздевали их. Маленькая девочка в одних, чулках бегала из комнаты в кухню с мокрым ботинком в руках. Толстый малыш, с такими же, как у Саши, круглыми черными глазами, хныкал, упираясь головой в Сашин живот, — он потерял варежку.

— Куда ты ее дел? — сердился на него Саша. — Найди сейчас же!

Увидев товарищей, он кивнул им головой:

— Раздевайтесь, ребята!

Коля Одинцов пробрался к Сашиной кровати и осторожно присел на краешек, с интересом наблюдая, как Саша справляется с детворой.

— Васек, — крикнул он, — иди сюда! Смотри, сколько детей у них. — Он притянул к себе товарища и зашептал ему в ухо: — У них чуть ли не двенадцать детей.

— Семь, — спокойно поправил его Саша, поднимаясь с колен и отряхивая пыль. — Вон седьмой. На кровати сидит.

Одинцов подпрыгнул и с испугом оглянулся: сзади него, обложенное со всех сторон подушками, копошилось маленькое существо с тремя светлыми волосками на макушке.

— Витюшка, грудной, — пояснил Саша.

— Да они, наверно, орут целый день! — засмеялся Васек.

— Бывает... — Саша поймал за штанишки толстого черноглазого малыша и крикнул: — Нютка, пришей ему пуговицу! Мне некогда.

Он отвернул борт курточки — там торчала иголка с туго накрученной ниткой.

— Я пришью, — сказала мать. — Иди. Товарищи небось заждались тебя. С малышами никогда дела не переделаешь, — улыбнулась она.

— Ну, зашей. — Саша быстро закрутил свою нитку обратно.

— Что это ты иголку с собой носишь? — спросил Васек.

— Ношу. Все время пригождается, — деловито ответил Саша.

Васек пожал плечами.

— Брось! Девчачье это дело, — презрительно сказал он. Саша не расслышал.

— Пойдем в комнату, — сказал он товарищам. В соседней комнате было тихо и просторно. Как только Саша закрыл за собой дверь, Одинцов сообщил:

— У нас новость!.. Трубачев, расскажи.

Васек с жаром начал рассказывать:

— После каникул у нас будет новый учитель. Отменный учитель! Сам Грозный сказал.

— Да что ты! — обрадовался Саша. — Вот хорошо! А то мы...

За дверью вдруг что-то с грохотом упало и началась невероятная возня. Саша тревожно прислушался:

— Кажется, мать ушла. — Он бросился к двери: — Я сейчас! Через секунду он вернулся.

— Ничего. Это они в колхоз играют. Перевернули стулья и везут сдавать зерно, — с улыбкой пояснил он, закрывая за собой дверь. — Ну, Трубачев, рассказывай про учителя.

— Да ну тебя! — с досадой сказал Васек. — Что тебе рассказывать, если ты все время бегаешь!

— Да нет, это я так... думал — мама ушла. Ну, рассказывай, — умоляюще сказал Саша.

— Ну ладно! Так вот, этот учитель только для нашего класса, понимаешь? Это во-первых. А во-вторых...

Саша вдруг рванулся и снова исчез за дверью. На этот раз из соседней комнаты слышался отчаянный визг и плач.

Васек и Одинцов, толкая друг друга, выскочили вслед за Сашей. Оказалось, что толстый карапуз Валерка просунул голову между прутьями кровати и никак не мог вытащить ее обратно.

— Стой! Стой! — кричал ему Саша. — Поверни голову набок...

С помощью Коли и Васька он наконец вытащил братишку. Но товарищи уже собрались уходить.

— Куда же вы? Расскажите хоть про учителя.

— В школе расскажем! — крикнул Одинцов.

Васек только махнул рукой...

Вечером, забравшись к отцу на кровать, он с удовольствием делился с ним своей новостью:

— После каникул у нас будет новый учитель. Мария Михайловна совсем ушла. Ей восемьдесят лет уже.

— Восемьдесят лет! — удивился отец. — Ого-го! Совсем, верно, старушка с вами замучилась! Ты у меня один, и то я с тобой голову себе скрутил.

— Ну тебя! — недовольно сказал Васек, приподнимаясь на локте и заглядывая в лицо отцу. — Я небось председатель совета отряда... а ты говоришь!

— Вот-вот, мне и нужно, чтобы мой сын первый сорт был!

— «Первый сорт»... — протянул Васек. — Я еще не выучился, — он наverts на палец отцовский ус, — а ты нападаешь.

— Я не нападаю, — засмеялся Павел Васильевич. — Не трожь усы, всю красоту испортишь... Да спи уже, а то завтра тебя пушками не поднимешь. — Он обхватил сына за шею. — Спи.

Васек, лежа с открытыми глазами, думал о Саше, об Одинцове и о Севе Малютине.

— Хорошая, папа, картина у Малютина, но сам Севка какой-то тщедушный, — с сожалением сказал он.

Отец не ответил.

— Слышишь, папа?

— Слышу.

— А что ты слышишь?

— Тщедушный, — промычал, всхрапывая, Павел Васильевич.

Глава 8. Мазин и Русаков

Мазин скучал. В землянке под старой елью было темно и тихо. У входа, завешенного белой простыней, валялась убитая из рогатки ворона. Снаружи крупными хлопьями валил снег. Иногда, отодвинув край простыни, Мазин зорко и настороженно оглядывал берег. Он ждал Русакова. Они не виделись с того памятного вечера, когда в их владениях побывал Трубачев со своими товарищами.

«Отец дома. Держит Петьку при себе», — соображал Мазин. Мазин и Русаков жили на одной улице, в одном доме. Дружба их началась с первого класса и навсегда укрепилась после одного случая. А случай, который сделал их закадычными друзьями, был такой. Однажды, стреляя в цель из рогатки, Русаков разбил цветное стекло в угловой даче. Испуганный, он прибежал к Мазину.

— Пропал я, Колька! Отец узнает — за ремень схватится!

Отец Пети рано овдовел и, сдав сына на попечение соседок, с головой ушел в работу. Весь день проводил он на обувной фабрике, где считался одним из лучших работников. Возвращаясь домой, он бегло интересовался здоровьем сына и, найдя в дневнике плохую отметку, сразу закипал гневом:

— Я с восьми лет сам на себя зарабатывал и дорогу пробивал себе тяжелым трудом, а тебе все даром дается! Отец для таких, как ты, целый день работает. Да разве один я? Вся страна не покладая рук трудится, чтоб из вас люди вышли! А вы что делаете? Безобразия! Распущенность! На тебя все соседи жалуются! Вот подожди, я когда-нибудь возьму ремень да поучу тебя так, как меня в свое время учили!

Петька со страхом смотрел на отца. Этот большой, сильный человек с черной густой шевелюрой и сросшимися бровями, под которыми трудно было угадать цвет его глаз, был чужим и непонятным мальчику.

Иногда отец вдруг останавливался посреди комнаты и, глядя на сына усталыми, хмурыми глазами, говорил:

— Ты пойми... Человек должен понимать слова, а не палку! Что у тебя, самолюбия нет, что ли?

Петька съеживался и молчал.

Разбитое стекло в угловой даче беспокоило Петю. Он сидел у товарища, с тревогой поглядывая на дверь.

— Да, может, отец не узнает, — утешал его Мазин.

Петя безнадежно махал рукой:

— Хозяева видели, как я побежал.

Мазину было жалко товарища. Он что-то соображал про себя, пыхтел, надувая толстые щеки, и, когда Петя Русаков, просидев у него целый час, собрался уходить, сказал:

— Пойдем вместе. Я скажу на себя, а ты будто в канавке сидел.

— В какой канавке?

— Ну за домом... Кораблики пускал.

Случай этот происходил весной.

— Кораблики... — протянул Русаков. — А чего же я побежал тогда?

— Мало ли чего! Побежал, чтобы на тебя не подумали, — вот и все. Понятно?

Русаков просветлел:

— И правда, может, обойдется?

— Обязательно обойдется. Верти кораблики. Сейчас намочим их во дворе — и айда к твоему отцу!

Петя сделал из газеты два кораблика, во дворе товарищи прополоскали их в грязной луже и храбро направились к дому Русакова.

— Постой, а вдруг твоя мать узнает? — тревожно спросил Петя. — И голова у нее заболит от этого. Жалко ее. Он остановился.

— Не ной, — мрачно сказал Мазин. — Пойдем лучше!

Отец Русакова уже все знал. Он встретил сына на пороге, красный от гнева.

— Опять мне на тебя люди жалуются!

— Я, пап... — дрожащим голосом начал Петя.

Мазин толстым грибком вырос перед разгневанным родителем и вытащил из кармана рогатку:

— Петя ни при чем. Он кораблики пускал.

— Я, папа, кораблики...

— Какие еще кораблики? — загремел Русаков-отец. — Ко мне взрослые люди приходят, на моего сына жалуются!

— Это из угловой дачи к вам приходят? — осведомился Мазин. — Так я у них стекло разбил. Я нечаянно... в воробья метил, а попал в стекло. А Петя испугался и побежал. Вот они на него и сказали. Не разобрались как следует и напали... А еще взрослые! — объяснял Коля Мазин, глядя прямо в глаза Русакову и закрывая Петю своей крепкой, приземистой фигурой.

— Не разобрались, — мямлил Петя, выглядывая из-за плеча товарища.

— «Не разобрались»! — передразнил его отец, уже смягченный признанием Мазина. — Лазите черт знает где!.. А ты тоже хорош! У тебя мать труженица, больная женщина, а ты ей сюрпризы устраиваешь, — напал он на Колю.

— Я не сюрпризы, я нечаянно.

— «Нечаянно»! И Петьку моего сбиваешь на всякие дурацкие шалости... Ты где был, когда твой приятель в стекло камнем запустил? — обратился он к сыну.

— Я в канавке кораблики пускал, — шмыгнул носом Петя и вытащил из кармана размокшие бумажные кораблики.

— Чтобы я больше не видел всей этой гадости! — закричал отец. — Выбрось эту дрянь в помойное ведро сейчас же! А рогатку я сам... — Он обеими руками сдавил рогатку. Она не поддавалась. — В печку!

— Лучше в помойную яму или в пруд. Давай, папа, мы выбросим! — с готовностью предложил свои услуги Петя.

— Молчи! И ступай сам с этими людьми объясняться. Скажи... приятеля хорошего имеешь, вот что!

Когда мальчики вышли, Мазин сказал:

— Сбегай в аптеку за порошком от мигрени, а я пойду в угловую дачу сознаваться.

Вечером Мазин ходил за своей матерью и говорил:

— Ты, мама, приляг... И не волнуйся. Ни один человек не проживет так, чтобы

стекла не разбить.

Мать Коли Мазина работала в швейной мастерской. Коля никогда не видел свою мать здоровой. Она постоянно жаловалась, что от шума швейных машинок у нее болит голова. Малейшая неприятность также вызывала у нее мигрень, и тогда она тихо стонала, уткнувшись в подушку головой, обвязанной мокрым полотенцем, а Коля готовил ей чай, размешивал ложечкой сахар и бегал по аптекам, спрашивая везде, не изобретено ли какое-нибудь новое средство от мигрени. Дома, пока мать была на работе, Коля успевал приготовить обед, наколоть дров, сбегать за хлебом. Поэтому, когда мать жаловалась соседкам: «Не знаю, хватит ли моих сил воспитать сына», — соседки украдкой переглядывались. «Хватит ли у него-то сил ухаживать за такой больной матерью?» — думали они про себя, жалея мальчика.

После случая со стеклом ребята выработали особую систему самозащиты.

Теперь, что бы ни случилось, перед отцом Русакова виновным всегда выступал Мазин, а перед матерью Мазина — Петя.

— Вы, гражданка Мазина, обратите внимание на своего сына. Он и моего вконец испортить может, — внушительно говорил Русаков-отец матери Мазина.

— Подумайте! — возмущалась та. — Да как он может мне такие вещи говорить! Ведь чего только его Петя не выделяет! Он добьется того, что я не позволю своему сыну играть с Петей.

В конце концов родители, к большому огорчению мальчиков, категорически запретили им встречаться.

Мать Мазина пообещала Коле, что она окончательно потеряет голову, если он будет продолжать дружбу с Петей, а Русаков-отец посулил своему сыну спустить с него три шкуры, если еще раз увидит его вместе с Мазиним.

Петя, который вечно дрожал за одну свою шкуру, не мог даже представить себе, что значит спустить три. Мазин тоже забеспокоился:

— Конечно, в школе нас никто не проверит.

— А после школы я один буду? — шмыгнул носом Петя.

— Не хнычь! — сердито сказал Мазин. — И заруби себе на носу, Петя: нет такой беды, из которой нельзя вылезти. Я это проверил.

Выход действительно нашелся.

Через два дня после этого разговора на берегу заросшего, затянутого зеленой ряской пруда, где тучами кружились комары и мошки, а по вечерам, надуваясь, кричали лягушки, Мазин и Русаков уже рыли себе землянку под разлапистыми ветвями старой ели. Они приходили сюда поодиночке, работали изо всех сил и, уходя, оставляли друг другу короткие записки:

Двинулся на полметра в ширину. МЗС.

Углубился вход. РЗС.

К началу занятий в школе землянка была готова. На пруду редко бывали люди: в густом кустарнике, заросшем крапивой, не было тропинок. Землянка, тщательно замаскированная дерном, была почти незаметна.

Мазин и Русаков ликовали:

— Поди ищи нас теперь!

— А в случае нападения можно и отстреляться, — говорил Мазин.

Недостатка в стрелах, пугачах и рогатках не было. Мальчишки усердно тренировались в стрельбе. Около землянки на дереве висели белые кружочки, пробитые стрелами.

— Петька, целься в правый кружок, а я в левый! Следопыту надо бить без промаха! — поучал Мазин.

С наступлением осенних дождей Мазин притащил из дома клеенку, а Русаков — дождевой плащ. В землянке и в проливной дождь было тепло и сухо.

Мазин достал где-то азбуку следопыта и требовал от Петьки, чтобы он срисовал ее и выучил наизусть. Зимой товарищи ходили на лыжах в лес. Ставили силки, но зайцев в этих местах не было.

Сегодня Мазину посчастливилось — он убил ворону.

Прождав товарища до позднего вечера, Мазин взял клочок бумаги и написал: «Убил дичь. Придешь — освежуй».

На другой день товарищи встретились.

— Отец был дома, — пояснил Петя. — Он премию получил, гостей назвал. Много. И одна тетенька там была. Он ей говорит: «Вот мой Петр» — это про меня. А она ему: «Ну, какой же это Петр — это просто Петя!»

— Ладно! — прервал его Мазин, вынимая перочинный нож и вытаскивая из угла убитую ворону. — На, свежуй дичь, а я огонь разведу.

Он поставил у входа жаровню, бросил на угли спичечные коробки и стал разжигать огонь.

Петя поднял ворону, оглядел ее со всех сторон и удивленно сказал:

— Какая же это дичь! Это обыкновенная ворона.

— Так убей утку! — огрызнулся Мазин, протирая красные от дыма глаза. — А не убьешь утку — будешь есть ворону!

Через несколько минут из котелка уже торчал черный вороний клюв.

Мазин взял лопату, вышел из землянки и скоро вернулся с мороженой рыбой.

У Пети сделалось грустное лицо.

— Довольно одной вороны, Мазин, а то мы сразу все запасы съедим, — осторожно сказал он.

Мазин молча отхватил ножом кусок рыбы, нарезал ее тонкими ломтиками, посолил и подвинул товарищу.

— Ешь! Ворон на нашу долю хватит, — сказал он, храбро отправляя в рот ломтик рыбы.

Петя, зажмурившись, последовал его примеру.

Оба молча жевали, украдкой наблюдая друг за другом.

— Все охотники едят мороженую рыбу, а собаки на севере преимущественно питаются этим, — со вздохом сказал Петя.

В котелке забулькала вода. Мазин вытащил ворону, потыкал ее ножом и снова бросил в котел:

— Жестковата.

Петя повеселел.

— Конечно, пусть упревает, — с живостью сказал он, похлопывая себя по животу. — И вообще я здорово сыт. Возьми мою половину, если хочешь, — добавил он, подвигая Мазину оставшийся ломтик рыбы.

Мазин сделал вид, что не слышит, сложил нарезанные куски и вышел из землянки.

Через минуту, сидя на мешке с сеном и лениво постреливая из рогаток в стенку, они вспомнили и трех товарищей, так неожиданно появившихся на пруду.

— И чего их занесло сюда? — забеспокоился Мазин. — Еще повадятся ходить.

— Не повадятся, — усмехнулся Русаков. — Я их здорово напугал.

— Трубачева не запугаешь — этот к черту на рога полезет. Смелый парень! Вот такого бы товарища нам с тобой! — сказал Мазин.

— Да... хорошо. Только он отличник, а мы... — Петя легонько свистнул и засмеялся.

— А ты принес учебники? — живо спросил Мазин.

— Забыл.

— Смотри, Петька, не пройдет нам это даром.

Он опустил рогатку и задумался.

— А чего же мы плохого делаем? — искренне удивился Петя. — Мы ничего плохого не делаем.

Мазин прищурился и уничтожающе посмотрел на него.

— Если человек делает плохо и знает, что это плохо, то это еще ничего, — медленно сказал он, — а если он делает плохо и думает, что это хорошо, то это уж дело дрянь!

— Я не думаю, — быстро сказал Петя, — насчет учебы и вообще...

— То-то, — сказал Мазин. — Себя обманывать нечего.

Он достал азбуку следопыта, прикрыл рукой подпись под рисунком и строго спросил:

— Чей след?

— Утки, — поспешно ответил Петя.

— Сам ты утка! — рассердился Мазин. — Кому я говорил — выучи наизусть!

Глава 9. Тётя Дуня

Васек был дома один. Он принарядился, начистил ботинки и, не зная, что с собой делать, ходил по комнате.

Каникулы ему уже надоели. Скорей бы в школу!

«Интересно, какой-то новый учитель?» — думал он, поджидая отца.

В дверь кто-то тихонько постучал.

— Мне к Трубачеву Павлу Васильевичу, — сказала женщина, осторожно прикрывая дверь и с трудом втаскивая за собой корзинку.

— Папы нет. — Васек внимательно разглядывал гостью.

Она была в синем пальто, туго застегнутом на все пуговицы. Из-под черного полушалка глядели на Васька рыже-голубые, чем-то знакомые глаза. Мальчика охватила тревога.

— Папы нет! — повторил он.

— Папы нет, а тетка — вот она! — вдруг сказала женщина, любезно поджимая губы. — А ты небось Васек? Тащи-ка корзинку. Запарилась я с ней!

Она вошла в кухню, села на табурет, расстегнула пуговицы своего пальто и, обмахиваясь концами полушалка, огляделась вокруг.

— Ничего живете. Кухня просторная. — Она заглянула в комнату. — В чистоте содержите. А это чья же дверь-то? — потрогав замок Таниной двери, спросила она.

Васек втащил корзинку и, не зная, что отвечать, во все глаза смотрел на тетку.

«Смешная какая-то», — думал он.

А тетка между тем уже расхаживала по комнате, оглядывая обстановку. Васек с удивлением увидел теперь, что глаза у нее точь-в-точь как у отца, с такими же короткими рыжими ресницами, что нос и все лицо тетки тоже напоминают отца, только рот и выражение лица какое-то другое. Тетка как бы угадала его мысли.

— Ишь, — сказала она, с видимым удовольствием бросив взгляд на мальчика, — рыжий. В нашу породу пошел!

Васек нахмурился и отошел к окну. «Какой я рыжий!» — думал он, приглаживая

свой чуб.

Между тем тетка уже обошла все углы и орудовала в кухне.

— Ваше мыло-то? Подай полотенчко! Это что ж кастрюли-то у вас как завожены? Аль плита дымит? А соседка-то молодая или старая? Как ее звать-то?

— Таня.

— Таня... — Тетка опять поджала губы и многозначительно покачала головой. — Неаккуратная девка, по всему видать.

— Да ты, тетя, еще не видела ее, а уже ругаешь, — не стерпел Васек.

— Ее не видала, а приборку ее вижу: в печке зола, в углу сор. Слава богу, можно о человеке судить, — решительно отрезала тетка.

— Все равно, она хорошая, добрая. Ее все любят! — сердито сказал Васек.

У него росло недовольство против тетки и ее бесцеремонного хозяйничанья в их квартире.

К обеду пришел отец. Васек открыл ему дверь и тихонько шепнул:

— Тетка приехала!

— А, приехала! — обрадовался отец, отодвинул Васька, вытер платком усы и крикнул: — Дуняша!

Тетка всплеснула руками, заторопилась:

— Паша... голубчик...

— Ну-ну... вот и свиделись... вот и свиделись! — повторял Павел Васильевич, любовно оглядывая ее и прижимая к груди. — А что бы раньше приехать-то? Ведь не за горами живешь... а, Дунюшка?

Тетка оторвала от его груди заплаканное лицо.

Васек снова заметил сходство между ней и отцом. У обоих были растроганные, умиленные лица, радостные и чем-то смущенные.

— Постарели, постарели мы с тобой, сестреночка, — говорил Павел Васильевич.

— Да ведь всех схоронили... Одни на свете мы с тобой, Пашенька, — вздыхала тетка.

— Как это — одни? Полон свет хороших людей... А вот сын у меня растет, племяш твой! — весело сказал Павел Васильевич. — Вот он! Небось познакомились уже?

— Познакомились, — ласково сказала тетка.

Ваську вдруг стало жалко, что он неприветливо встретил тетку. Ее встреча с отцом растрогала его. Он сбоку подошел к обоим и с чувством сказал:

— Здравствуйте, тетя!

Тетка поцеловала его в щеку:

— Да что ж я! У меня тут для вас кой-чего...

Она внесла в комнату корзинку и стала развязывать ее.

— Не хлопочи, не хлопочи... Хлопотунья! — кричал из кухни отец, разжигая примус. — У нас все есть! Сейчас чай будем пить.

Васек с любопытством смотрел, как тетка вынимала какие-то банки, завернутые в полотенце, положила на стол румяный пирог, охая и приговаривая:

— Ай-яй-яй! Измялось все! Хорошо хоть варенье довезла. А уж толкали меня, тискали... Людей, людей едет — пропасть! А в Москву — еще больше... Пашенька! — крикнула она, развертывая склотую булавками бумагу. — Вот тебе подарочек. А это Ваську.

— Ба, ба! — удивился Павел Васильевич, разглядывая расшитый ворот рубашки. — Ну искусница! Ну, спасибо, Дуняша!

Васек тоже с удовольствием примерял пушистые синие варежки и такие же носки.

— Как раз! Мне как раз, папа... Спасибо, тетя! — догадался он после того, как отец еще раз обнял тетку.

— А мы-то с тобой опростоволосились! — смущенно сказал Павел Васильевич, глядя на Ваську. — Не приготовили тетке подарочка.

— Что ты, что ты, какой подарочек! Ты меня и так не обижал, Паша.

Чай пили втроем. Васек слушал, как без конца рассказывает тетка о каких-то соседях, как переспрашивает ее отец, живо интересуясь всеми новостями.

— А этого-то... как его, с которым мы на огороде-то попались? — подмигивал

отец.

— А, — оживленно подхватывала тетка, — Бирюковы, что ли? Живут, живут! Коля-то на инженера вышел, Маруська за летчиком в Москве. А этот, конопатенький-то, на доктора учится.

— Скажи пожалуйста! — удивился отец и скромно сказал: — А я вот мастер... стахановец!

— Слышала я, как же! — с гордостью сказала тетка. — А ведь сиротами мы росли. Вот уж истинно спасибо Советской власти! Всегда скажу, хотя сама как-то на отшибе живу. Связалась со своим домишком, с курами да с козами, и никакой пользы от меня нету... А и бросить не бросишь и уйти не уйдешь...

— А как же теперь-то? На кого хозяйство оставила?

— Да кой-что попродала. А кой-что у соседей оставила. Соседи — люди хорошие, поберегут, — прихлебывая с блюдечка чай, говорила тетка.

— М-да... Это тоже не жизнь. На старости к своим прибиваться надо. Ты уж так обдумай: может, приживешься и с нами останешься?

— Как ты, Паша... А я вся тут... Родней вас у меня никого нет.

Васек вылез из-за стола и пошел к Тане.

— У нас новость, — сказал он, — тетя Дуня приехала!

— Я уж слышу. Вот и хорошо, а то Павлу Васильевичу не управиться одному.

— А ты что же не идешь к нам? Пойдем?

— Ну, что ты! Небось они о своих делах говорят. Зачем мешать!

— Таня, — крикнул Павел Васильевич, — иди познакомься, соседи ведь!

Таня, оправляя на ходу толстую косу, смущаясь, вошла в комнату.

— Не бойся, не бойся, — подталкивал ее Васек.

Тетка быстро оглядела девушку с головы до ног. На лице ее появилось натянутое, неприятное выражение.

— Евдокия Васильевна, — сказала она, протягивая Тане руку. — Садитесь, гостьей будете.

— Да она не гостья, она наша, — громко сказал Васек. — Она живет здесь!

— Знаю, знаю, — сухо сказала тетка. — Уж я все рассмотрела... Поддай стульчик, Васек!

В последний день каникул Васек вместе с отцом и теткой пошли в цирк. Перед этим тетка устроила большие и торжественные сборы. Она с утра грела утюги, чистила и гладила через мокрую тряпку костюмчик Васька, заглаживала складки на брюках Павла Васильевича.

Таня боялась высунуть нос из своей комнатки. Тетка в первые же дни завладела всем домом. Она во всем навела свои порядки, распределила в кухне все кастрюльки на «ваше» и «наше». «Ваше» — это было Танино. Таня, видимо, побаивалась Евдокии Васильевны и даже на собственные вещи не решалась заявить свои права.

— Да берите, берите, — смущенно говорила она. — У нас до сих пор все вместе было.

— Вот это-то и нехорошо, что вместе. Нам чужого не нужно, у нас своего хватит, — обрывала ее тетка.

На Павла Васильевича тетка смотрела с обожанием. Без отца Васек не садился за стол.

— Как это так? Мужчина в доме, самостоятельный, хозяин, а мы без него обедать сядем?

Павла Васильевича это стесняло, а Васек, придя со двора, нетерпеливо слонялся по комнате:

— Тетя Дуня, я есть хочу!

— Это хорошо. Значит, аппетит нагулял, — спокойно отвечала тетка, сдвигая на кончик носа очки и растягивая на коленях свое шитье.

Стол в ожидании отца был уже накрыт. Услышав знакомые шаги, тетка спешила на кухню:

— Васек, подай отцу полотенце! Повесь куртку в коридоре — запах от нее паровозный!.. Садись, Паша. Устал небось?

Павел Васильевич, видя во всем порядок и чистоту, радовался. За столом Васек запихивал в рот все, что подавала тетка, и просил добавки.

— Вот это так, это хорошо! А то, бывало, того не хочу, этого не могу...

— Да, тебя ждать-то — с голоду помрешь!

— Не помрешь, — говорила тетка. — Желудок тоже аккуратность любит.

В этот день в цирк приехали московские артисты. Васек все боялся опоздать, но тетка не вышла из дому, пока не привела брата и племянника в полный порядок. Особенно ее беспокоили съезжавший на сторону галстук Паши и рыжий чуб Васька. Галстук она в конце концов пришила к рубашке, а к рыжему украшению на лбу племянника подступила с ножницами. Но Васек загородился от нее обеими руками:

— Папа, мне этот чуб нужен! Я его вот так кручу на уроке!

— Оставь, оставь, Дуня, — поспешно вступился отец. — А то, пожалуй, я своего родного сына не узнаю. Да и мать, бывало, любила...

Он решительно взял у тетки ножницы.

В цирке они сидели рядом. На арене плясали под музыку медведи, смешил клоун. Васек подпрыгивал, хлопал в ладоши, хохотал. Отец тоже смеялся. Тетка, в шелковой зеленой кофте, сидела прямо, она изо всех сил старалась соблюсти приличие, смеялась в платочек и останавливала Васька. В антракте ели мороженое. Павел Васильевич и Васек, перебивая друг друга, делились впечатлениями. Тетка с тревогой поглядывала вокруг.

— Паша, кланяется тебе кто-то.

— А, товарищ мой с сынишкой... Здорово! Здорово! — басил Павел Васильевич, пожимая руку приятелю. — Вот, знакомьтесь: моя сестра.

— Евдокия Васильевна, — церемонно знакомилась тетка, протягивая сухую, негибющую ладонь. При этом голова ее упиралась в плечи, на губах появлялась напряженная любезная улыбка.

«Смешная какая-то!» — удивлялся Васек.

Вечером, когда, веселые и довольные, Трубачевы вернулись домой, Васек разделся и, по своему обыкновению, юркнул в отцовскую кровать. Но тетка решительно воспротивилась этому:

— Ты что это, Паша, позволяешь? Что у него, своей кровати нету? Теперь и в деревнях вместе не спят... Какой это сон для рабочего человека!

— Да нам поговорить нужно еще. Мы с папой всегда на ночь разговариваем! — сердился Васек.

— Пускай, пускай полежит немного, — защищал его Павел Васильевич.

Но тетка до тех пор не погасила огня, пока Васек не перебрался на свою кровать.

Уткнувшись головой в подушку, он чувствовал себя неудобно и думал, что многое ему нужно было сказать отцу. Он вспомнил, что завтра в класс придет новый учитель, вспомнил Сашу и Колю на пруду, белый холмик и огромную желтую луну. Перед глазами все стало путаться. Холмик вдруг вырос в огромную снежную гору. И Васек заснул.

Глава 10. Новый учитель

Каникулы кончились.

В дверях четвертого «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким шлепком по спине.

— Честь имею! Сам Трубачев!

— Здорово! — кивнул головой Васек.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу свои новости.

— Мы в цирке были, там медведь на велосипеде ездил! Ой, девочки, так смешно! — рассказывала подругам Надя.

— А я всегда боюсь в цирке — вдруг кто-нибудь упадет! — серьезно сказала Степанова.

— Лида, Лида Зорина! — теребила Нюра Синицына свою подружку. — У тебя легкая рука! С кем бы мне партой поменяться? Где мне сесть? А то новый учитель придет, а я ничего не знаю.

— Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищет! — сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окруженный со всех сторон ребятами, рассказывал:

— Я сзади него шел. Думал, может, родитель чей-нибудь. А тут директор Леонид Тимофеевич. «Ну, говорит, сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом?» Я тогда оглянулся и побежал... Трубачев! — крикнул

Саша. — Иди сюда!

Но Трубачева атаковали девочки.

— Мы с лыжной экскурсии все вместе шли, а вы отделились. А Митя зато нас всех конфетами угощал! — хвалились девочки.

— Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала, — хвастнул Трубачев, — где снежные обвалы каждый день...

— Снежные обвалы, говоришь? — насмешливо переспросил Мазин. — И не задавило вас там?

— Прищемило немножко, — усмехнулся Петя Русаков.

— Мы удрали! — весело крикнул Саша.

— Ну, удрали! Просто ушли, потому что уже поздно было. Надо будет когда-нибудь днем туда сходить, — сказал Васек.

— Не советую. Я слышал от одного охотника-следопыта, что туда нередко забегают волки, — равнодушно процедил Мазин.

— Ребята, слышите? Волки! — ахнул Саша.

— Волки? Я так и думал, — сказал Васек. — Вот если б ружье!

— Да их нельзя стрелять. Теперь на пруду заповедник, разве вы не знали? Там вообще всякие звери водятся, — придумывал Мазин.

— Да еще голодные, верно. Такой подняли вой... — поежился Одинцов. — А мы-то было разлеглись в сугробе...

— Вот так история! — сказал озадаченно Трубачев. — Значит, мы в заповедник залезли... Булгаков, слышишь?

— Слышу. Хорошо, что вовремя выбрались оттуда, а то не собрали бы там наших косточек.

— Угу, — сказал Мазин и отошел, удовлетворенный этим разговором.

В дверях показался Сева Малютин.

— Сегодня новый учитель! — сообщил ему Трубачев.

По коридору прокатился гулкий звонок. Ребята уселись за парты. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

В класс вошел учитель. Он поздоровался, оглядел ребят и сказал:

— Ну, будем знакомиться. Меня зовут Сергей Николаевич.

— Сергей Николаевич... — повторил кто-то из ребят. Учитель улыбнулся и развел руками:

— Но я один, а вас много! Давайте попробуем такой способ: я буду знакомиться сразу с целым звеном. Согласны?

— Согласны.

Ребята подтянулись, ждали. Учитель подошел ближе к передним партам:

— Ну, начнем с председателя совета отряда.

Васек вскочил:

— Есть! Председатель совета отряда Трубачев!

Сергей Николаевич быстрым взглядом скользнул по крепкой фигуре Трубачева, заметил непокорный рыжий чуб, темные глаза и приветливо кивнул головой:

— Запомню... Вожатые звеньев!

Лида Зорина, Саша Булгаков и Коля Одинцов встали.

— Давайте по очереди! — Учитель остановил глаза на Лиде.

— Звеньевая Зорина. В звене десять человек. Звено, встать! — краснея, скомандовала девочка.

Крышки парт с тихим шумом поднялись. Лида назвала всех по фамилии. За ней были вызваны Одинцов и Булгаков.

— А Булгаков у нас еще староста!

— А Одинцов — ответственный редактор! — осмелев, зашумели ребята.

— Ну, значит, я приобрел замечательных знакомых. Все такие ответственные лица... — пошутил Сергей Николаевич.

Ребята улыбались, переглядывались, кивали друг другу. Леня Белкин показывал за спиной большой палец, выражая этим свое удовольствие.

Сергей Николаевич сказал:

— А я видел ваши работы на выставке. Некоторые очень интересны. Например, ледокол... потом подводная лодка... Очень, очень неплохо сделано.

Новый учитель понравился. Он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчетливо выговаривая слова. Спрашивал ребят, как они провели каникулы, где были, что видели. Потом рассказал, как он в детстве любил собирать всякие коллекции и однажды, зацепившись за водоросли, полчаса просидел в реке.

— Не утонули? — испуганно спросила Надя Глушкова.

— Как видишь, — улыбнулся учитель. Улыбка у него была очень светлая и запоминалась.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом был на Урале. Он привез оттуда разные камни.

— Ты принеси в следующий раз, мы их тут рассмотрим, — сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята — коллекции насекомых.

Васек вспомнил, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

— Можно принести?

— Принеси.

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

— Ты сначала подумай, о чем хочешь сказать, а потом говори. Надо, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда ее легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперед, и без всякого усилия один передвинул весь ряд.

Ребята ахнули.

После уроков не хотелось расходиться по домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

— Нет, какой силач! Силач-то какой! — с восторгом кричал Леня Белкин.

— Из всех учителей наш самый лучший! — говорили девочки.

— Он, наверно, военным был. Крепкий такой, ловкий! — предположил Одинцов.

— У него, пожалуй, не побалуешься на уроке, — опасно сказал Русаков.

Ребята засмеялись.

— Посмотрим, — равнодушно сказал Мазин. — А что он сделает?

— Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул? — смеялись ребята.

— А мне так интересно было — я все боялась, что звонок скоро, — улыбнулась Степанова.

— А Сеницына-то, Сеницына! — фыркнул Одинцов. — Как воды в рот набрала! А потом у доски каким-то тоненьким, не своим голосом пицала.

— Врешь! Врешь! Ничего подобного! Я ничуть не испугалась. И учитель мне ваш не понравился. Ни капельки не понравился! — прищурившись, протянула Сеницына.

— Да не может быть! — растягивая слова и так же прищурившись, передразнил ее Одинцов.

— Дразнись не дразнись, а не понравился! — обернулась к нему Сеницына.

— А почему не понравился? Говори почему? — подступили к ней ребята.

— Она и сама не знает, — улыбнулась Валя Степанова.

— Нет, знаю! — упрямо сказала Сеницына. — Во-первых, у него к детям никакого подхода нет. А просто он с нами обращается как со взрослыми.

— Фью! — свистнул Одинцов. — Что же он, в детский сад пришел? В ладоши хлопать должен?

В класс заглянул директор.

— Леонид Тимофеевич, а у нас новый учитель! — крикнула Лида.

— Да что ты говоришь? — развел руками директор. — Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

— Я знаю, что вы знаете... — смутилась Лида, прячась за спины подруг.

Директор посмотрел на часы:

— Учитель новый, а расписание старое. Или вы решили на вторую смену остаться?

Ребята с шумом выбежали из класса.

* * *

Васек ходил за теткой, с жаром рассказывая ей про нового учителя.

— Он знаешь, тетя Дуня, сильный какой! Он взял и прямо с одного маху все парты передвинул. Силач!

— Боксер, наверно, — предположила тетка.

— Нет. Почему боксер? — растерялся Васек. — Боксер — это, знаешь, в таких перчатках борется. А он нет. Он же учитель.

— А... учитель? — складывая в корзинку вымытые ножи и вилки, рассеянно переспросила тетка. — Ну-ну... А где же это у меня ножик один? Обронила, что ли?

Она полезла под стол.

Васек присел на корточки и, приподняв скатерть, с жаром продолжал:

— У нас все ребята любят его! И не то чтобы он очень добрый, он даже улыбается редко...

— Нашла, — вылезая из-под стола, сказала тетка и вдруг озабоченно спросила:
— С чего же это он все улыбается да улыбается?

— Кто?

— Да учитель ваш. Эдак и с ученья твоего мало толку будет.

— Да ну тебя! — рассердился Васек. — Я совсем наоборот говорил.

— Это что же такое «наоборот»? — сдвинув на нос очки, строго допытывалась

тетка.

Васек посмотрел на нее и прыснул со смеху:

— Ой, не могу!

— Ишь, смеяться-то ты горазд, — добродушно сказала тетка. — А вот посмотрю я, как в учебе поспеваешь. Очень уж вас балуют теперь. А про учителя ты лучше отцу расскажи: он человек самостоятельный, пускай сам разбирается, кто плох, кто хорош.

Васек с хохотом выкатился в кухню:

— Таня! Я тете Дуне про учителя рассказываю, а она... она... сначала... боксером его...

Васек беззвучно затрясся от смеха. Таня взглянула на его лицо и тоже залилась смехом. Тетка вышла в кухню и, поглядев на Таню, ехидно сказала:

— Не знаю, кто из вас старше да умнее!

Но слова эти только подбавили жару в огонь. Васек и Таня смеялись уже без всякой причины, неудержимо и весело.

Павел Васильевич пришел поздно. Он был взволнован предстоящей длительной поездкой.

— Недельки на три укачу, — говорил он, глядя на Васька теплыми, озабоченными глазами. — Ты тут не скучай, Рыжик...

В этот вечер они долго разговаривали. Васек торопливо рассказывал отцу все свои новости.

Учитель по рассказам сына понравился Павлу Васильевичу.

— Вот и гляди, чтобы не ударить перед ним лицом в грязь, — поучал он.

Тетка долго не гасила свет, но вмешиваться в разговор не решалась.

Утром в доме была суматоха. Тетка собирала отца в дорогу: пекла ему пирожки, складывала в чемодан белье и метила его, чтобы оно, чего доброго, не перемешалось с чьим-нибудь чужим.

Васек ходил за отцом по пятам и ежеминутно спрашивал:

— Ты целые три недели будешь?

— Три недели.

Васек вздохнул:

— Ну ладно. Сегодня все ребята принесут в школу свои работы или коллекции. Я тоже хотел выжженную коробочку взять и мамину рамку.

Отец и сын начали разглядывать выжженные Васьком вещицы. Васек осторожно держал в руках рамку. Из рамки смотрела на него мать со своей всегдашней спокойной, милой улыбкой.

— В бумажку заверни. Не потеряй там, — сказал отец.

— Ну, что ты!

Они поглядели друг на друга. Сердце у Васька сжалось.

— Приезжай скорей, что ли, — пряча рамку, сказал он.

— Паша, Паша, — закричала тетка, появляясь на пороге, — собирайся! Что ты с ним, как маленький, связался! С коробочками да рамочками...

— Ну-ну, — сдвинул брови отец, — не командуй. Это наши дела.

Он крепко обнял Васька. Васек благодарно и горячо сдавил руками его шею.

Тетка покачала головой и скрылась в кухне.

* * *

На кустах, обросших мохнатым инеем, выросли высокие шапки снега.

Сергей Николаевич шел из школы. Он не торопился. В глазах у него пестрел класс. Несколько фамилий и лиц уже запомнились, другие еще терялись в общей массе.

«Живые, хорошие ребята! И директор приятный...»

Сергей Николаевич вспомнил, как Леонид Тимофеевич, проводив его в класс, весь первый урок похаживал по коридору, как будто в классе сидели его собственные дети и держали экзамен перед новым учителем.

— Ну как? — вытирая платком круглую лысину, спрашивал он в учительской. — Как вам мои ребята?

Сергей Николаевич пожал ему руку.

Директор закивал головой.

— Там есть... Там есть пики-kozyри! — сказал он, щуря смеющиеся карие глаза. — Но работать можно! Работать можно!

Учителя приняли Сергея Николаевича в свою среду просто и сердечно. Вожатый отряда Митя тоже понравился учителю.

Сергей Николаевич спрашивал Митю про пионерскую работу, сборы, экскурсии. Они вдвоем уселись на диван, а потом, стоя в дверях учительской, никак не могли расстаться, и Митя, силясь перекричать дребезжащий звонок, говорил:

— Мы на лыжах недавно через весь лес прошли... А девочки ребятам не уступают...

Сергей Николаевич взбежал на крыльцо маленького домика и крепко застучал ногами, отряхивая с калош снег.

Из комнаты его окликнул отец:

— Ну-ну, долго ты нынче! Как там дела?

Сидя в кресле, Николай Григорьевич приоткрыл одну половинку двери и, откинув голову, смотрел на сына из-под густых бровей светлыми голубыми глазами.

— Ну как? Познакомился? Подружился?

— Познакомился! — Сергей Николаевич повесил пальто, бросил на полку шапку. — И, кажется, подружусь!

— Ну и хорошо! Первое впечатление самое верное, говорят. За обедом подробно расскажешь. А у меня радость. Письмо получил. Матвеич мой объявился! На пасеке живет. Приглашает в гости. — Старик протянул сыну письмо: — Вот, читай!

— Да ну? Матвеич?! А про Оксану пишет? — пробегая глазами неровные строчки, спрашивал Сергей Николаевич.

— Пишет, пишет! Соскучилась твоя сестренка, — вздохнул отец.

Матвеич был старый товарищ Николая Григорьевича. В гражданскую войну оба они партизанили на Украине, потом расстались, изредка обмениваясь письмами

и сохраняя старую дружбу. Теперь Матвеич звал старика на Украину: «Приезжай, старина! Полечим твои больные ноги».

От партизанских лет, проведенных в лесах и болотах, у Николая Григорьевича к старости разболелись ноги. Он редко куда-нибудь выходил и в отсутствие сына скучал, с нетерпением глядя в окно. Особенно мучило его безделье.

— Я ведь еще работать могу. Ноги мне не мешают, — грустно говорил он сыну — Ты вот всю ночь там что-то пишешь. Давай я хоть помогать тебе буду.

Как-то Сергей Николаевич попросил отца переписать свой доклад, с которым он должен был выступить на совещании учителей. Старик оживился, захлопотал и принялся за работу. Он тщательно переписал доклад разборчивым, крупным, немного детским почерком, без единой помарки.

— Ого! Да тебе мог бы позавидовать любой ученик четвертого класса! — смеясь, сказал Сергей Николаевич.

Вечером, выметая комнату, он обнаружил в углу скомканную бумагу — это были испорченные листы с кляксами. Но старик уже зарекомендовал себя как переписчик. И теперь Сергей Николаевич сам часто обращался к нему с просьбой переписать что-нибудь.

Прочитав письмо, они вдвоем стали сочинять ответ Матвеичу.

— А что, Сережа, может, и катнем с тобой в гости, а?

— Катнем, катнем, — отвечал Сергей Николаевич. — Как-нибудь летом...

Глава 11. В классе

Ребята из четвертого «Б» прибежали в школу раньше всех. Почти каждый из них тащил что-то под мышкой или осторожно нес свою раздутую сумку.

— Стой, стой! Показывай, что за багаж у тебя? — останавливал на крыльце Грозный.

Иван Васильевич не переносил двух вещей: пугачей и рогаток.

Нюх у него на эти вещи был безошибочный:

— Стоп! Что-то ты такой бодрый нынче?

И, нащупав оттопыренный карман. Грозный вытаскивал оттуда предательски торчавшую рогатку.

— Так... до зубов вооружился. Давай пугач!

— Да нету у меня, Иван Васильевич!

— Нету? Кому-нибудь другому рассказывай!

Васька он пропустил беспрепятственно — из сумки у него торчал только выжженный пенал.

В классе ребята показывали друг другу свои сокровища.

Девочки принесли вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их:

— Станет он это смотреть, очень ему нужно! В куклы с вами играть!

— Мы Марии Михайловне всегда показывали. Ей даже нравилось очень! — кричали девочки.

— Марии Михайловне! Да она сама вышивала, она учительница, а он учитель! — доказывали им мальчики.

— Девочки, не слушайте их! Вот назло я первая свою вышивку покажу! Я не боюсь! — кричала Синицына.

— Ну и что хорошего? Только осрамитесь! — возмущался Одинцов.

— А какое вам дело? Мы сами за себя отвечаем.

— Девочки, не обращайтесь на них внимания! — уговаривала подруг Зорина.

Степанова медленно развязывала какую-то коробочку.

— Мы просто покажем все, что у нас есть. А ты, Одинцов, умнее, когда молчишь, честное пионерское.

Надя Глушкова запрыгала:

— Получил? Получил?

На Одинцова со всех сторон посыпались шутки.

— Ну, напали!.. — крикнул Леня Белкин. — Одинцов, удирай, а то засмеют!

— Да ну их!

Навстречу Ваську бросился Саша:

— Трубачев, я тебя давно жду! Вот марки принес.

— И я принес пенал и рамку. — Васек похлопал по сумке.

— Трубачев, — крикнула Синицына, — мы первые будем свои работы показывать.

— Трубачев, они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель — военный человек, а они к нему с тряпками! — объяснил Одинцов.

— Мы не с тряпками!

— А с чем же?

— У нас — свое, а у вас — свое!

Васек положил на парту сумку.

— Тише! — Он выждал, пока наступила тишина. — Кого Сергей Николаевич спросит, тот и покажет — мальчик или девочка, понятно? А самим не вылезать, категорически! Понятно?

— Понятно! — прошумел класс.

— Ну и лучше! Так, по крайней мере, никому не обидно.

Ребята занялись рассмотрением принесенных вещиц. В классе шуршала бумага, под партами валялись обрывки газет, тесемки, тряпочки.

Саша был занят марками. Одинцов раскладывал по ящикам свои камни. Трубачев, сидя боком на парте, что-то рассказывал ребятам. Когда в класс вошел Сергей Николаевич, все вскочили. Учитель прошел к столу. Под ноги ему попала какая-то бумажка. Он поднял ее, повертел в руках, потом оглядел класс и сдвинул брови.

— В классе грязно. В чем дело? — отчетливо сказал он и, заложив руки за спину, отошел к окну.

Несколько ребят сорвались с места и нырнули под парты. Через минуту учитель повернулся к классу. Все сидели уже на местах с виноватыми, сконфуженными лицами.

— Я думал, что говорить о чистоте и порядке в четвертом классе мне не

придется. Но пусть это будет в первый и последний раз. Вы не малыши, и объяснять тут вам нечего. Есть староста, есть дежурный по классу, есть санком. Честный человек честно относится к своим обязанностям.

Все были подавлены. Синицына, прикрыв ладонью рот, отвернулась и сделала ребятам гримасу.

«Что? Говорила я вам? Вот и любите его после этого!» — было написано на ее торжествующей физиономии.

Начался урок. Учитель вызывал к доске, спрашивал с мест. Ребята подтянулись. Они старались так ходить, как ходит учитель, так четко выговаривать слова, как выговаривает он, и вообще заслужить улыбку, шутку, похвалу. Выходя к доске, мальчики прижимали руки к туловищу и старались держаться прямо, по-военному.

На перемене озабоченно переговаривались между собой:

— Не спрашивает, что принесли.

— Забыл или рассердился?

— Ага, похвалиться хотели, а он и не спрашивает ничего! — язвила Синицына.

Васек заложил в учебник свою рамочку — он уже пожалел, что принес ее: «Зря только карточку изомну».

Но на последнем уроке Сергей Николаевич вдруг сказал:

— Кто-то из вас собирался принести свои работы, коллекции. Одинцов, кажется, хотел показать уральские камни.

Ребята ожили:

— Одинцов, Одинцов, иди!

Одинцов покраснел от удовольствия:

— Можно показать?

— Конечно.

Одинцов вытащил из сумки серую коробку с несколькими отделениями и подошел с ней к столу. Учитель внимательно рассматривал камни — о каждом он знал что-нибудь интересное. Рассказывая, держал камень на ладони, обходил с ним всех учеников.

Или говорил Одинцову:

— Покажи ребятам.

За камнями появились коллекции насекомых, за коллекциями — Сашины марки. Все приобретало особый интерес в руках учителя.

— Вот этот жук... — говорил Сергей Николаевич. И жук начинал оживать в его рассказе. Он гудел, жужжал, портил в садах деревья, спасался от преследования и наконец укладывался обратно в коробочку.

— Вот эта марка... — говорил учитель.

И марка начинала длинное путешествие из чужой страны через моря, через океаны, на судне, на самолете, в поезде и наконец возвращалась к Саше.

Васек показал пенал и рамку с карточкой матери. Учитель спросил, кто выжигал.

Васек сказал, что он сам. Учитель посмотрел на карточку и улыбнулся:

— Твоя мать?

— Да, — сказал Васек и, испугавшись, что учитель будет что-нибудь спрашивать, поспешно добавил: — Она умерла.

— Возьми, — сказал учитель, передавая ему рамку.

И, подняв вверх пенал, стал рассказывать, как по дереву можно выжечь различные рисунки и раскрасить их.

Несколько мальчиков не принесли ничего. Учитель удивился:

— А что же вы любите, что делаете дома?

Малютин вытащил из-под парты большой лист.

— Я немножко черчу, — сказал он. — Вот тут я нашу школу начертил, и улицу, и парк... — Рассказывая, он проводил мизинцем по тонким и жирным линиям на бумаге. — А вот это, — указал он на другой чертеж, — прямо так, я выдумал из головы такое, как бы мне хотелось... чтоб было... новая школа, фруктовый сад вокруг, пристань...

Ребята вытянули шеи и с любопытством смотрели на Севу.

— Постой, это очень интересно. Это план, так сказать. Молодец! — с видимым удовольствием сказал учитель. — А как же ты чертить научился?

— У меня мама чертежница, я ей помогаю иногда, — скромно сказал Сева.

— Интересно, — улыбнулся учитель. — Ну, давай покажем ребятам, как делается план улиц, строений. Покажи-ка нам школу!

Сева прошел по всем партам, объясняя:

— Вот улица... вот школа...

Когда он кончил, Сергей Николаевич сказал:

— А девочки нам ничего не показали!

Девочки низко наклонились к партам. Лида Зорина бросила торжествующий взгляд на мальчиков и шепнула что-то Вале Степановой.

Степанова встала:

— У нас одно фото... Потом одна девочка занимается лепкой, потом еще одна книжки переплетает... и еще...

Она обернулась к подругам.

— Игрушки... игрушки... — подсказал кто-то сзади.

— Да, игрушки на елку и еще... вышивки всякие, — закончила Валя Степанова.

— Так давайте, что же вы! Это все нужные и интересные занятия. Очень интересные!

Девочки, перешептываясь, достали свои сверточки и гуськом потянулись к столу.

Мальчики переглядывались:

— Ого! Когда это они делали? Вот хитрюги какие!

— Смотри, смотри! Степанова снимок показывает!

Сергей Николаевич держал в руках фотографический снимок:

— Очень интересная работа! Это ты, что же, увеличила?

За снимками появился удачно вылепленный из глины галчонок с раскрытым ртом и растопыренными крыльями, за галчонок — вылитые из гипса фигурки и аккуратно переплетенные книги.

Мальчики молча тарасили глаза.

Сергей Николаевич рассматривал все с большим интересом. Лучшие работы показывал классу.

Вышивки, кружева и вязанье тоже понравились учителю.

— А вот это и я умею делать, — вдруг сказал он, поднимая вверх туго сплетенный из сутажа пояс. — У меня даже галстук такой есть!

Девочки ликовали. Мальчики улыбались, но на девочек не глядели.

Учитель рассмотрел еще несколько вышивок; на одной трудно было определить, кто вышит — не то заяц, не то кошка. Разговор перешел на мышей, ежей, кроликов.

Одинцов сострил:

— А Леня Белкин поймал белку.

— Жалко, что у нас нет Медведева: он поймал бы медведя, — сказал учитель.

— Есть, есть Медведев! — закричали ребята. Медведев, коротенький, щупленький мальчик, поднялся с места.

— Мне не поймать, — смущенно сказал он под громкий хохот ребят.

Глава 12. «Тише... тише .. .»

Одинцов, Саша Булгаков и Васек вышли вместе.

— Вот что, ребята, — сказал Васек. — Давайте пересмотрим расписание дежурных, чтобы такого, как сегодня, больше не было. Слыхали, как он сказал: в первый и последний раз! Да еще о честности...

— Да! — подхватил Одинцов. — Я сегодня чуть не пропал, думал — сквозь землю провалюсь, когда он отошел к окну.

Саша вытащил записную книжку.

— Кого же мне назначить? Может, вместе составим расписание?

— Одинцов, ты помоги ему... Знаешь, чтоб подобрать хорошие пары, кого с кем, чтобы все как по маслу шло!

— Ладно, мы сделаем! А я вот что, ребята, придумал: давайте попросим Сергея Николаевича посадить нас вместе, — сказал Одинцов.

— Да как же втроем сядем? — засмеялся Васек.

— Ну, один впереди, два сзади, а все-таки вместе. Попросим, а?

— Ну что ж, попросим, — решили товарищи.

У своего дома Васек распрощался с друзьями.

— Папа уехал? — спросил он у порога.

— Уехал. Утром еще. А ты что же, забыл? — отозвалась тетка, накрывая на стол.

— Нет, не забыл.

Васек почувствовал острую необходимость видеть отца, рассказать ему о том, что было в классе, посоветоваться.

«Сейчас надо бы подтянуть ребят... — подумал Васек. — А как подтянуть?»

Он вспомнил, что ему говорил Митя: «Хочешь ребят подтянуть — подтянись сам, а то ребята знаешь какие? Сразу скажут: «Ты что с нас спрашиваешь? Ты раньше с себя самого спроси».

Васек вспомнил, что за все время каникул он не брал в руки учебника, и, наскоро пообедав, сел заниматься. Но мысли как-то разбегались, что-то не додумывалось до конца, беспокоило. «Со стенгазетой запаздываем. И что Одинцов думает! Ведь он редактор, почему я должен ему напоминать?»

Кроме стенгазеты, что-то еще царапало Васька. Когда учитель похвалил

Малютина за чертежи, Васек вдруг почувствовал что-то против Севы и довольно грубо сказал ему, когда тот сел рядом с ним: «Не рассаживайся на всю парту со своими планами!»

— Васек! — позвала из кухни Таня. — Иди сюда! У меня билеты в кино. Пойдешь? У нас в клубе. Вместе и домой потом придем.

Васек не успел ответить — тетка просунула в дверь голову:

— Васек уроки должен учить, день будний, а в вашем клубе как-нибудь обойдутся без него!

— Как хочет, — бегло взглянув на мальчика, сказала Таня.

— Ему и хотеть нечего, за него взрослые думают...

— Почему это еще? — грубо прервал ее Васек. — Захочу — и пойду! Ты мне запретить не можешь — я не маленький.

— Тише, тише... — вдруг зашептала тетка, приложив к губам палец с наперстком и оглядываясь с таким видом, будто в комнате спал ребенок. — Тише, тише... тише.

— Чего — тише? — сбавляя тон, удивленно спросил Васек.

— Сядь на место сейчас же, — тем же значительным шепотом произнесла тетка.

Таня смотрела на нее испуганными глазами.

— Сядь на место тихонечко...

Васек пожал плечами, пошел в свою комнату и сел на место.

— Ну и чего? — нетерпеливо спросил он, поднимая глаза на вошедшую за ним тетку.

Тетка молча закрыла в кухню дверь и спокойно взяла свое шитье.

— Что — чего? — сказала она обычным голосом. — Чего задано. Сиди и занимайся.

Васек покраснел от злости.

«На пушку взяла... «Тише... тише...» Колдунья старая!» — с раздражением думал он, глядя на склоненную голову тетки с ровным, как ниточка, пробором.

Но делать было нечего. Он раскрыл учебник географии и стал заниматься. А

поздно вечером, засыпая, слышал сквозь сон, как тетка отчитывала Таню:

— Ваше ученье в ваших руках. Вы себя самостоятельной чувствуете, хотя и не сказать, что много над образованием трудились, а Ваську еще учиться да учиться. Теперь сын отца перегоняет, в жизни последнее место никому не надобно, а вы молодая, беспечная — может, вся ваша жизнь для кино пойдет...

Васек не слышал, что отвечала Таня, и сам не мог двинуться на ее защиту; голос тетки, однозвучный и монотонный, как дождь по стеклу, заглушался непобедимым сном набегавшегося за день человека. «Иш-шь... ты... тетка...»

Глава 13. Расписание

Одинцов и Саша Булгаков, проводив Ваську, пошли вместе, советуясь, как лучше составить расписание дежурств.

— Хорошо бы девочек отдельно, а мальчиков отдельно, — сказал Саша, — а то они на дежурстве ссориться будут и сваливать друг на друга.

— Верно! — обрадовался Одинцов. — Мы их отдельно поставим. Пусть они за себя отвечают, а мы за себя. Тогда, по крайней мере, Сергей Николаевич сразу будет знать, кто честно дежурит, а кто нечестно.

— Да, и потом соревнование у нас получится.

— Зайдем сейчас ко мне и сразу напишем, а завтра вывесим, — предложил Одинцов.

— Зайдем!

Товарищи провозились часа два, а утром чисто переписанное Одинцовым расписание висело в классе под двумя заголовками:

ДЕЖУРСТВО МАЛЬЧИКОВ и ДЕЖУРСТВО ДЕВОЧЕК

Дальше следовали фамилии.

* * *

На другой день Васек встал рано. Тетка разговаривала с ним как ни в чем не бывало.

«Обманула меня вчера, хитрюга!» — беззлобно думал Васек, вспоминая вчерашний случай.

В школе навстречу ему бросился Лепя Белкин:

— Трубачев, иди скорей! Там девчонки из-за расписания крик подняли.

— Какой крик? — Васек быстрыми шагами вошел в класс. Около нового расписания собралась целая куча ребят.

— Неправильно! Все равно неправильно! — кричали девочки. — Не имеете права разделять класс! И мы ничуть не хуже вас дежуриим!

— Не хуже, а лучше!

— А ты, Булгаков, звеньевой, да еще староста, Одинцов тоже звеньевой, а делаете неправильно! — кричала Лида Зорина, взъерошенная, как птица, защищающая своих птенцов.

— Вы лучше, так вот мы вас отдельно и поставили! — старался перекричать ее Одинцов.

— Мы думали соревноваться с вами, — оправдывался Саша.

— Не спорьте, не спорьте! — вмешался Васек. — Не кричите! Сейчас все разберем... Зорина, подожди!.. В чем дело, Булгаков?

— Понимаешь, мы их отдельно в расписании поставили, чтобы в случае чего они сами за себя отвечали, а мы сами...

— А они орут! — с возмущением перебил Сашу Одинцов. — Мы хотим, чтоб лучше было...

— Трубачев! — выскочила опять Лида. — Они хотят, чтобы мы дежурили отдельно, а я считаю — это не по-товарищески. Мы все должны быть вместе. И вообще, ребята к девочкам придираются... Ты разберись, Трубачев!

— Вы вечно на нас жалуетесь! — кричал Белкин.

— Из-за всякой мелочи тарарам поднимаете! — презрительно бросил Мазин.

— Тише! — Васек крепко сдвинул брови, подошел к стене, сорвал расписание и сунул его Одинцову: — Перепиши заново. Зря это.

Класс притих. Одинцов и Саша глядели на Трубачева виноватыми глазами.

Васек сердито повернулся к ним:

— Мы ведь как хотели сделать? Составить крепкие пары дежурных. А вы что?

Одним словом, надо переписать заново... И нечего крик поднимать!

— Девчонки все языкатые! — крикнул кто-то из ребят.

— Мы не языкатые, а если неправильно, молчать не будем, мы тоже... — начала Степанова.

— Перестань! — прервал ее Васек. — Сейчас звонок будет... Ребята, по местам!

Ребята разошлись по партам, кое-кто продолжал еще ворчать.

Васек Трубачев поднялся из-за парты и, обернувшись лицом к классу, постоял так несколько секунд. Потом молча сел.

— Образцовая тишина. Я думал, у меня ни одного ученика нет, — пошутил Сергей Николаевич, входя в класс.

Васек пригладил свой рыжий чуб и удовлетворенно улыбнулся.

Глава 14. Урок географии

Первый урок был география. Сергей Николаевич приносит в класс большую немую карту.

— Сейчас мы с вами немножко попутешествуем, — сказал он, отходя в сторону и потирая руки.

Из окна на лицо Сергея Николаевича падал свет, и ребята в первый раз заметили, что у него светло-серые глаза и очень белые зубы.

— Ну так... Трубачев! Зорина! Мазин! — медленно вызывал учитель.

Ребята с интересом смотрели, как один за другим подходили к доске вызванные.

Васек старался казаться спокойным, черные брови Лиды Зориной испуганно лезли вверх, и даже на толстых щеках Мазина выступил румянец.

Все трое остановились у карты.

Учитель окинул их взглядом и обратился к классу:

— Три рыбака... скажем, бригадиры рыболовецких бригад... водным путем везут в Москву рыбу.

Ребята слушали внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

Ты, Трубачев, везешь рыбу... — учитель прищурился и поглядел на карту, — с

Балтийского моря. Зорина везет рыбу с Каспийского моря, а Мазин — с Белого моря. Все три бригады должны встретиться в Москве, понятно?

— Понятно, — ответил за всех Васек.

Лида Зорина уже бегала глазами по карте. Мазин тоже уставился на кар — ту, пытаюсь определить направление рек.

— Посмотрите внимательно, выберите себе путь и отправляйтесь, — сказал Сергей Николаевич. — Ну, кто первый начнет?

Ребята поглядели друг на друга.

— Я, — сказал Васек и взял указку. «Будь что будет!» — подумал он.

— Трубачев? Ну, пожалуйста!

— С Балтийского моря я вошел в Финский залив... — начал Васек.

Учитель кивнул головой.

— ...прошел по Неве... — Васек показал на карте.

— Хорошо, — сказал Сергей Николаевич.

...в Ладожское озеро... — Васек откашлялся, чтобы выиграть время, — затем вот по этой реке...

— Свири, — подсказал Сергей Николаевич. Васек заторопился:

— ...в Онежское озеро...

Через секунду он уже плыл по Шексне, достиг Рыбинского моря, благополучно прибыл в Москву и с облегчением вздохнул.

— Очень хорошо, Трубачев! Теперь жди своих товарищей.

Лида Зорина взяла указку.

— Вот, кажется, на встречу с тобой направляется женская бригада Зориной... Откуда идешь, Зорина?

— С Каспийского моря, — ответила Лида Зорина, осторожно вывела свой пароход на Волгу, прошла мимо Астрахани, мимо Сталинграда, вышла на реку Оку, бойко перечислила по пути несколько городов, благополучно прибыла в Москву и, тряхнув косичками, передала указку Мазину.

— Я вот здесь поеду, — сказал Мазин, направляясь к Северной Двине.

Учитель улыбнулся:

— Как хочешь, но у тебя есть более короткий путь.

— Я по Северной Двине, — безнадежно сказал Мазин, упираясь в неизвестные ему притоки. Направо узенькая ниточка неожиданно оборвалась. Налево путь был неизвестен. Мазин подумал и вернулся обратно. — Застрял, — сознался он, отвечая на вопросительный взгляд учителя.

— Трубачев, подскажи ему, — сказал учитель. Трубачев взял у Мазина указку.

— Можно через Сухону к Рыбинску, — сказал он.

Когда Мазин с помощью Трубачева добрался до Москвы, Сергей Николаевич посадил всех трех учеников на место и сказал:

— Трубачев справился с трудным путем. Зорина тоже не сплеховала. А вот Мазин пока что плохой путешественник. Москва, пожалуй, не скоро получит от него рыбу.

Ребята засмеялись. Но Сергей Николаевич стал серьезным:

— Тебе, Мазин, нужно немножко подучиться.

Мазин почесал затылок:

— Я много пропустил...

— Трубачев, помоги товарищу, — сказал Сергей Николаевич.

— Есть! — радостно отозвался Трубачев и оглянулся на Мазина.

По одному взгляду его Мазин понял, что занятия будут серьезные.

«Пожалуй, я с ним не только в Москву, а в Атлантический океан заеду», — со вздохом подумал он. И не ошибся. Сразу же на перемене Васек с решительным видом подошел к нему:

— Выбирай: я к тебе или ты ко мне?

— Я к тебе, — уныло ответил Мазин.

— Ну, — сказал Русаков товарищу, — не хотел бы я быть на твоём месте. С Трубачевым дело иметь — чахотку наживешь. По всем горам будешь лазить, во

всех реках искупаешься, — печально сострил он.

— Зато в классе не утону, — усмехнулся Мазин.

После обеда он направился к Трубачеву.

Васек уже ждал его, с нетерпением поглядывая на дверь.

— Ну и обедаешь ты! Целую корову можно съесть за это время! — встретил он товарища.

Мазин увидел карту, разложенную на полу, и почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Васек вытащил учебник географии:

— Говори честно, что знаешь и чего не знаешь. Мазин скосил глаза на учебник:

— Ничего не знаю.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Ладно, — сказал Васек, — начнем с первой страницы.

— Я способный, — утешил его Мазин. — Давай показывай.

Мальчики погрузились в занятия. Тетка два раза заглядывала в комнату, на цыпочках проходила мимо двух склоненных над картой голов и, когда Мазин ушел, сказала Ваську:

— Это что ж ты на этого толстого здоровье свое тратишь? Два часа на коленках лазил, небось и чулки протер. Кто это велел тебе?

— Учитель велел. Да он способный, ничего, — ответил Васек, собирая на завтра книги.

Глава 15. Стенгазета

«Доброе утро!» — сказал по радио чей-то громкий голос.

Васек вспомнил, что как-то в разговоре с ребятами Сергей Николаевич посоветовал всем делать зарядку. Он почувствовал прилив бодрости, вскочил с постели и, стоя в одних трусиках посреди комнаты, начал делать упражнения.

— Ты что это акробатничаешь с утра? — недовольно спросила тетка, обходя его стороной с чайной посудой в руках.

— Зарядку делаю!

Васек показал ей на радио. Тетка прислушалась.

«Вдох... выдох... приседание...»

— Не очень-то приседай, а то в школу опоздаешь, — добродушно сказала тетка, не смея спорить с тем, чей голос в этот утренний час распорядился всеми ребятами.

«Значит, так надо, — решила она про себя. — Зря бы не стал человек по радио надрываться». И, выждав, пока Васек кончил, тетка спросила:

— А что же ты раньше этой самой зарядки не делал?

Васек, обтирая мохнатым полотенцем крепкое, как орех, разогретое движениями тело, просто ответил:

— Глупый был.

— А... поумнел, значит? — пошутила тетка.

Племянник ей нравился. Он аккуратно ходил в школу, учился, учил других, хорошо ел, крепко спал и редко спорил с нею. Каждый день спрашивал, нет ли писем от отца, скучал без него, но не жаловался, не ныл, а переносил разлуку стойко.

От Павла Васильевича уже было одно письмо. Тетка с особым удовольствием передала его Ваську и, увидев его загоревшиеся глаза, с удовлетворением подумала: «Хороший сын. Такой сын и на старости отца не обидит».

В письме Павел Васильевич описывал дорогу, места, которые он проезжал, мирную трудовую жизнь тамошних людей.

«Богато тут живут люди, и всего здесь много, только нет моего вихрастого Рыжика», — неожиданно заканчивал отец. Васек читал, перечитывал, смеялся, а вечером забрался на отцовскую постель и заснул, положив письмо под подушку. Утром, лежа в кровати, он пересчитал по пальцам, сколько дней осталось еще до приезда отца: десять плюс шесть — шестнадцать.

— Шестнадцать так шестнадцать, — сказал он вслух, тяжело вздыхая.

Хотелось, обхватив руками шею отца, рассказать ему все новости, порадовать хорошей отметкой по географии и похвалой учителя.

«Ничего! Я еще за это время постараюсь, — успокоил себя Васек. — Надо Мазина подтянуть хорошенько».

После зарядки и умывания Васек позавтракал и отправился в школу.

— Ну, как Мазин? Соображает что-нибудь? — спросили его ребята.

— Способный, как черт! — с гордостью ответил Васек.

— Да что ты? — удивился Саша и с сожалением покачал головой. — Значит, просто учиться не хотел.

— Жирняк эдакий! — засмеялся Одинцов. — Ты с него жирок спусти маленько — лучше голова будет работать.

— Лучше не надо — он и так все вперед как-то соображает.

— Как это — вперед? — заинтересовались Саша и Одинцов.

— А так... Смотрит по карте — реки там или горы, сейчас же надует щеки, уставится куда-нибудь в одну точку и скажет: «Здесь можно туннель пробить, тогда вот сюда выход будет». Или насчет реки интересуется: «Тут если плотиной загородить, так океанский пароход пройдет!»

Васек откинул голову и засмеялся. Товарищи тоже засмеялись.

— А ведь здорово! И правда вперед соображает, — удивился Леня Белкин.

— Ну, лишь бы не назад! — сострил Одинцов и, заметив входившего Мазина, толкнул Трубачева: — Не смейся, а то подумает — над ним.

Васек встал и пошел навстречу Мазину.

— Ты повторил на ночь все, что мы прошли? — строго спросил он.

— Повторил.

— Ну, знаешь теперь?

— Назубок.

— Молодец! Сегодня опять приходи.

— Сегодня стенгазету нужно делать, Митя спрашивал. Я свою статью на —

писал, а ребята ничего не дают, — сказал подошедший Одинцов. — Одна Синицына какие-то дурацкие стихи написала. Ты объяви в классе сегодня. И так до последнего дня дотянули, — озабоченно добавил он.

— А ты сам-то что молчал? Ты редактор!.. Булгаков! — крикнул Васек.

— Чего? — отозвался со своей парты Саша.

— «Чего»! Ничего! Митя сердится. В стенгазету никто не пишет, — сказал Трубачев.

— А я виноват? — вспыхнул Саша. — У нас редактор есть — Одинцов.

— «Редактор, редактор»! Что мне, за всех писать самому, что ли? — буркнул Одинцов.

— Ну ладно, — сказал Трубачев, — сегодня соберем редколлегию.

— Ребята! — закричал Одинцов. — После уроков — редколлегия. Сейчас же давайте заметки в стенгазету!

— А о чем писать? Что писать? — раздались голоса.

— Пишите о чем хотите!

— Мое дело сторона! Я стихи дала, — вскочила Синицына.

— Я тоже одну заметку написала, — сказала Зорина, оглянувшись на подруг.

— А я не умею ничего — я не писатель, — заявил Петя Русаков.

— Мазин! — крикнул Васек.

— Чего?

— Пиши заметку!

— Хватит с меня географии.

Ребята захохотали:

— Он теперь с Трубачевым рыбу возит!

— В Белом море купается!

— У него на Северной Двине крушение произошло!

— Эй, Мазин!

— Ребята, без шуток! — сказал Васек. — Кто еще заметку даст?

— А чего Трубачев командует? Пускай сам тоже напишет! — крикнул кто-то из девочек.

— И напишу! — покраснел Трубачев. — Сегодня же. Кто еще?

В классе стало тихо.

— Я дам рисунок, — сказал Малютин.

— Кто еще? — повторил Васек.

Над партами поднялось несколько рук. Одинцов сосчитал.

— Хватит, — облегченно сказал он и сел на свое место.

* * *

На большой перемене Васек вместе с ребятами вышел на школьный двор. Ребята сейчас же затеяли перестрелку снежками, но Васек потихоньку удалился в самый угол двора и, засунув руки в карманы пальто, стал ходить по дорожке вдоль забора. Его беспокоила заметка, которую он обещал сегодня же дать в стенгазету. Он завидовал Одинцову, который легко справлялся с такими вещами.

«Он, может, вообще будущий писатель, а я, наверно, архитектор какой-нибудь — о чем мне писать? — Васек сердился на всех и на себя. — Если б я еще дома сел и подумал, а так сразу — какая это заметка будет!»

Он слышал веселые голоса и хохот ребят, видел, как ожесточенно нападали они друг на друга, как шлепались о забор и разлетались белые комочки снега.

«Бой с пятым классом. Наши дерутся. А я здесь...»

— Трубачев, Трубачев, сюда! — неся издали призыв Саши.

Закрываясь руками, он боком шел на врага, сзади него стеной двигались ребята из четвертого «Б», и даже девочки поддерживали наступление, обстреливая неприятеля со стороны.

— Трубачев!..

Васек рванулся на призыв, но вдруг остановился, круто повернулся спиной к

играющим, присел на сложенные у забора бревна и вытащил из кармана бумагу и карандаш.

Несколько любопытных малышей вприпрыжку подбежали к нему.

— Куда? Кыш отсюда! — грозно крикнул на них Васек и, устроившись поудобнее, решительно написал:

«В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Ребята! Ничего нельзя делать в последнюю минуту, потому что торопишься и ничего толком не думаешь. Эту заметку я мог бы написать дома, а сейчас пишу на большой перемене. Последняя минута — самая короткая из всех минут, а сейчас я вспомнил, что мог бы о многом написать — о дисциплине, например. Но в школе уже звонок, а заметку я обещал дать во что бы то ни стало, и получилось у меня плохо. Давайте, ребята, ничего не будем оставлять на последнюю минуту!

В. Трубачев».

Васек решительно свернул листок и зашагал по тропинке.

— Одинцов, прими заметку, — не глядя на товарища, сказал он.

— Уже? — удивился Одинцов, вытирая шарфом мокрое, разгоряченное лицо. — Я так и знал, что ты пишешь! А мы тут пятых в угол загнали. Как окружили их со всех сторон — и давай, и давай! Сашка орет: «Трубачев! Трубачев!» Слышал?

— Слышал... я на бревнах сидел, — с сожалением сказал Васек. — Сам себя наказал... да еще написал плохо...

— Плохо? Посмотрим, — важно сказал Одинцов, пряча заметку. Он почувствовал себя ответственным редактором. — Плохо, так исправишь.

— Отстань, пожалуйста! Я и эту-то наспех писал, когда мне исправлять ее? Не на уроке же! — рассердился на товарища Васек. — Плохо — не бери. Вот и все!

— С Митей решим, что брать, а что нет. Материала хватит, — независимо ответил Одинцов и, увидев Лиду Зорину, подошел к ней.

Васек уселся на свою парту и заглянул через плечо в тетрадку Малютина. Тот, глядя на картинку в книге, писал крупными буквами незнакомые слова.

— По-каковски это? — спросил Васек.

— Немецкий у меня сегодня после школы. Я в группу хожу, — пояснил Сева.

— А зачем это тебе? Ведь у нас английский учат.

— Немецкий тоже надо знать, — просто ответил Сева.

— Всех языков не изучить!

Сева хотел что-то возразить, но Васек был зол и повернулся товарищу спиной.

«И зачем это я такую дурацкую заметку дал? Может, лучше назад взять, а то все надо мной смеяться будут. Пойти к Одинцову?»

Но к Одинцову он не пошел, сомневаясь, что лучше: не выполнить обещание или осрамиться с плохой заметкой.

* * *

В пионерской комнате шла оживленная работа. Ребята складывали по порядку номера журналов и подшивали «Пионерскую правду», чтобы передать в школьную библиотеку.

Васек покрывал лаком рамку для стенгазеты.

«Вот это по мне», — думал он, с удовольствием макая кисть в густой лак.

Митя сидел за столом, просматривая заметки для стенгазеты.

— Это все у тебя? — спросил он Одинцова, приглаживая пальцами светлые волосы. — Маловато, плохо шевелитесь!

— Многие только сегодня дали, — виновато сказал Одинцов. — Вот Лида Зорина дала заметку, и Трубачев, и еще несколько ребят... — Он подвинул к Мите новую пачку бумаг.

— А, еще есть! — обрадовался Митя. — Давай, давай!

Нюра Синицына вбежала в комнату и, оттолкнув Одинцова, положила на стол вырванный из тетрадки лист.

— Вот, Митя! Я стихи написала, а Одинцов не берет. Он думает, что если он редактор, так может распоряжаться. А стихи очень хорошие, мои родители даже в «Пионерскую правду» послать хотели!.. — затрещала, размахивая руками, Синицына.

— Стоп, стоп! — остановил ее Митя. — Экая ты мельница!

— Вот она всегда так! — возмущенно сказал Одинцов. — Кричит только, а у самой голова ничего не работает. Вот прочти, что она тут написала.

— «Что написала, что написала»!.. — передразнила его девочка.

— Сядь и помолчи! — потянул ее за рукав Митя. — Сейчас разберемся. Я уже говорил тебе, Одинцов, что такие спорные вещи надо решать сообща.

Васек оставил работу и подошел к столу.

— Мы всей редколлегией проверяли. Тут она Лермонтова и Пушкина списала, да еще сама между ними втерлась! — сердито сказал он.

— Неплохо попасть в такое соседство! — засмеялся Митя. — Сейчас посмотрим, что у нее получилось. Он громко прочел:

Уж небо осенью дышало,
А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учебу начала.

— Тьфу! — не выдержал Одинцов.

— Вот он всегда на меня нападает! — пожаловалась Синицына.

— Да потому нападаю, что глупо! Противно...

— Потихе, потихе, — сказал Митя. — Плохо ведешь себя, Одинцов! Так не годится: лишний спор заводишь и мне не даешь прочитать до конца.

Одинцов замолчал.

Митя начал читать сначала:

Уж небо осенью дышало,
А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учебу начала.

Белеет школа одиноко
В тумане неба голубом,

Идти мне в школу недалеко —
На крайней улице мой дом.

Мои родители давали
Мне на прощание совет:
«Учись ты, Нюра, хорошенько —
В награду купим мы конфет».

М-да... — задумчиво протянул Митя и посмотрел на Сеницыну. — Плохо. Очень плохо!

— А почему плохо? Рифма есть, все есть, — забормотала Сеницына, поглядев на всех.

Митя еще раз пробежал глазами стихотворение и тяжело вздохнул:

— Почему плохо? Прежде всего по мысли плохо. Ты вот пишешь о себе:

А я учебу начинала.

Взяла тетрадки и пошла...

А родители тебе за эту учебу обещали конфет.

Ребята фыркнули.

— А еще Пушкин и Лермонтов тут у нее!

— Вот уж ничего подобного! — сказала Сеницына.

— Ну как же ничего подобного? — улыбнулся Митя. — Вот смотри:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Чье это?

Сеницына раскрыла рот, чтобы что-то сказать.

— Постой. Дальше посмотрим:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Это чье?

— Во-первых, у меня не парус, а школа белеет...

Одинцов громко фыркнул. Митя рассердился:

— Одинцов, ступай займись подшивкой газет! стыдно! Большой парень — и не умеешь себя в руках держать. ступай!

Одинцов нехотя отошел от стола.

— А ты, Нюра, сядь. Мы с тобой сейчас разберемся хорошенько.

Синицына надулась и с упрямым лицом присела на кончик стула.

— Что она там — все спорит? — спросил Одинцова Булгаков.

За столом Митя что-то говорил, не повышая голоса, но часто поднимая вверх брови и разводя руками.

Нюра сидела красная, надув губы. Ответы ее становились тише, спокойнее, потом она встала, взяла со стола листок и молча прошла мимо ребят.

— Поняла наконец, — улыбнулся Васек.

— Сейчас мне нахлобучка будет, — сказал Одинцов.

— Ребята! — Митя постучал по столу. — Если мы будем высмеивать человека, тогда как мы обязаны по-товарищески объяснить ему его ошибки... — Он строго посмотрел на присмиривших ребят.

— А чего ж она... — вспыхнул Одинцов.

Васек вспомнил свою заметку: «И правда, если над каждым смеяться, никто и писать не будет».

Когда Митя кончил, он подошел к нему и сам сказал:

— У меня тоже как-то нескладно получилось с заметкой.

— Сейчас будем читать, — сказал Митя. — У меня остались три заметки: Одинцова, Зориной и твоя.

Одинцов услышал свою фамилию и насторожился. У него был важный и ответственный раздел — «Жизнь нашего класса». Выбранный единогласно, он очень строго относился к своей работе и не пропускал ни одного случая или события, взволновавшего класс. Теперь он тоже дал заметку под заголовком: «В классе было грязно».

Митя внимательно просмотрел ее, улыбнулся и написал: «Принять». К статье Зориной он отнесся очень серьезно. Зорина писала о дружбе мальчиков и девочек и заканчивала так:

«Многие мальчики говорят: «Мы, ребята, между собой всегда поладим — кому надо, и тумака дадим. А девочку за косу дернешь — и то она обижается; значит, с девочками и дисциплину подтянуть нельзя». А я считаю, что это неправильно, и тумака давать совсем необязательно, только с девочками надо разговаривать по-дружески, а не высмеивать их. Девочкам тоже не надо пересмеиваться и поддразнивать ребят, а у нас есть такие ехидные — это тоже неправильно. Мы росли вместе, учились вместе с первого класса, давайте будем дружить. Я стою за дружбу девочек с мальчиками. Не надо никого обижать и пересмеивать.

Звеньевая Зорина».

Читая, Митя все время одобрительно кивал головой и в уголке тоже написал: «Принять».

Пока Митя читал заметки Одинцова и Зориной, Васек делал вид, что совершенно поглощен своей работой. Но Митя и на его заметке написал своим размашистым почерком: «Принять».

Потом подозвал Сашу:

— Кто переписчик?

— Я, — сказал Саша.

— Вот еще три статьи. Кто нарисует заголовок?

— Малютин.

В пионерскую комнату вошел Сергей Николаевич:

— Работаете?

Митя засмеялся:

— Фабрика-кухня. Стенгазету делаем, журналы подшиваем.

Ребята при Сергее Николаевиче сразу подтянулись; каждому хотелось, чтобы учитель заметил его работу. Васек тоже хотел обратить на себя внимание учителя.

— Рамка готова! — громко сказал он, деловито собирая кисти. — Булга — ков, какую заметку пишешь?

— Четвертую, — ответил Саша тоже громко, чтобы слышал учитель.

Остальные ребята один за другим подходили к столу с кипой журналов и газет.

— Подшито!

— Готово!

Сергей Николаевич пробежал глазами Лидину заметку.

— Нужный вопрос... Лида Зорина... А... черненькая такая, с косичками! — сказал он, припоминая, и взял вторую заметку.

— Мою читает, — шепнул ребятам Одинцов, прислушиваясь, что скажет учитель.

Сергей Николаевич прочитал про себя, потом улыбнулся и прочитал Мите вслух:

— «Сергей Николаевич увидел, что на полу валяются бумажки и вообще сор. Он не начал урока, заложил руки за спину, отошел к окну и не повернулся к нам, пока мы все не убрали. А потом сказал: «Чтобы это было в последний раз». Теперь ребята стараются вовсю. Редакция надеется, что такой случай больше не повторится».

Последние слова Одинцов списал со взрослой газеты. Учитель засмеялся и громко сказал:

— Совершенно точно и честно! А относительно надежд редакции — просто солидно получается!

Он крепко пожал руку Мите, кивнул головой ребятам и вышел.

— Что он сказал? Что он сказал? — заволновались ребята.

— Ты слышал? — спросил Одинцова Саша.

Одинцов сиял.

— Сергей Николаевич сказал «Точно и честно. И просто солидно», — взволнованным голосом сообщил он окружившим его ребятам.

— Честно и точно! Это значит — не наврано ничего!

— Ну еще бы, Одинцов вообще никогда не врет!

— Молодец! — радовались ребята.

— Молодчага! — сказал Васек, хлопнув Одинцова по плечу. Он был рад за товарища.

Саша тоже был рад, но он не понял, что значит «солидно».

— Одинцов! Как это понять — «солидно»? — спросил он. — Ты знаешь?

— Нет, — сознался Одинцов. — А как по-твоему? — Он улыбнулся. — Это, наверно, самая главная похвала. Давай спросим у Мити!

Но Митя стоял уже в дверях и, крикнув ребятам: «Не задерживайтесь долго!» — исчез.

— У него комсомольское собрание сегодня, — сказал Трубачев. — Сами разберемся.

— А ты тоже не знаешь? — допытывался Саша.

— Да я знаю, только объяснить не могу. Это о старых людях говорят: солидный!
— догадался Васек.

— А какой же я старый? — растерянно спросил Одинцов, обводя всех удивленным взглядом.

Ребята прыснули со смеху.

Из соседней комнаты — читальни — прибежали девочки.

— Тише! Читать мешаете!

— Ребята, я «Пионерскую правду» в библиотеку относила, а вы так кричите, что даже там слышно, — сказала, входя, Лида Зорина. — Что у вас тут такое?

Ребята, смеясь, рассказали ей.

— Солидный — это толстый. Сейчас только в библиотеке про один журнал сказали, что он солидный, — объяснила Лида.

— Но какой же я толстый? — обтягивая свою курточку, расшалившись, крикнул Одинцов. — Я спортсмен, человек без веса!

Он действительно был тоненький и на редкость легкий.

Ребята опять закатились смехом:

— Одинцов, Одинцов! Это он тебя с Мазиным спутал! Это Мазин у нас солидный.

— Попадет вам сегодня! Лучше уходите скорей, — кричала Лида, — сейчас из читальни прибегут! И Сергей Николаевич еще не ушел. Он с Грозным в раздевалке разговаривает и, наверно, все слышит.

— Тише! — крикнул Васек. — Булгаков! Одинцов! Пойдем к Сергею Николаевичу! — Он обнял товарищей за плечи и пошептал им что-то.

— Не посадит он нас вместе — лучше не просить! — с сомнением сказал Саша.

— А может, и посадит. Попросим!

Все трое побежали в раздевалку. Сергей Николаевич, надевая калоши, разговаривал с Грозным.

— Еще эта школа семилеткой была, как я сюда пришел, еще Красным знаменем нас не награждали... — рассказывал старик.

— Сергей Николаевич! — запыхавшись, крикнул Одинцов. — У нас к вам просьба.

— Мы просим... — начал Саша.

— Разрешите нам сесть вместе! — возбужденно блестя глазами, сказал Васек. — Мы друзья.

Сергей Николаевич нахмурился:

— Я разговариваю с Иваном Васильевичем, а вы скатываетесь откуда-то сверху, перебиваете разговор взрослых... Что это такое?

— Простите, — покраснел Одинцов, — мы нечаянно... Мы боялись, что вы уйдете...

— А что вам нужно?

— Мы вот товарищи, мы хотели сесть в классе рядом, — запинаясь, пояснил Васек.

— Зачем? — строго спросил Сергей Николаевич. Мальчики оробели.

— Чтобы дружить втроем, — сказал Васек.

— Дружить втроем? — переспросил учитель. — Разве ваш класс делится на такие дружные тройки? А остальные в счет не идут?

— Да нет, мы просто друзья... ну, закадычные, что ли, — пояснил Одинцов.

— Допустим, что вы закадычные друзья. Это очень хорошо, но усаживаться со своей закадычной дружбой на одну парту — это совершенно лишнее. Я не разрешаю! — твердо сказал Сергей Николаевич — До свиданья!.. До свиданья, Иван Васильевич!

— Счастливо! Счастливо! — заторопился Грозный, закрывая за ним дверь. — Что, не вышло ваше дело? — усмехнулся он, глядя на оторопевших ребят.

— Не вышло, — вздохнул Одинцов.

— Отменный учитель, просто-таки знаток вашего брата! — одобрительно сказал Грозный.

Нюра схватила свое пальтишко и выбежала из раздевалки. Она никак не могла успокоиться после сцены в пионерской комнате.

Осрамили. На смех подняли, а сами и вовсе ни одной строчки сочинить не умеют... И потом мама так хвалила ее за эти стихи. Разве мама меньше ихнего понимает? И папа хвалил. Правда, папа никогда ничего не дослушает до конца. Он просто погладил ее по голове и сказал: «Пиши, пиши, дочка!»

Нюра снова вспомнила смех ребят и обидные остроты Одинцова.

Сами побыли бы на моем месте. Вот и пиши... Митя сказал: «Разве учатся за конфеты?» Может, не надо было писать про конфеты? И еще Митя сказал: «Пустые стихи. Разве у тебя нет других мыслей: о школе, о товарищах?..»

Нюра глубоко вздохнула и заспешила домой.

Папы дома не было. Папа всегда приходил поздно, и Нюра с мамой обедали одни. Когда девочка приходила из школы, стол уже был накрыт и около каждого прибора лежала нарядная салфеточка. Но сегодня мама запоздала и, крикнув Нюре: «Раздевайся!» — засуетилась у буфета. Нюра повесила пальто и,

бросив на стул сумку, исподлобья взглянула на мать. Мария Ивановна расставляла тарелки, неестественно оттопыривая пальцы, с густо окрашенными в красный цвет острыми ноготками.

— А я, доченька, в парикмахерской была. Такая очередь! Все дамы, дамы... И все хотят быть красивыми! — Она поправила рыжую челку на лбу и с улыбкой взглянула на дочь: — Ну, как тебе нравится твоя мама?

Нюра бросилась на стул и, закрыв лицо руками, расплакалась.

— Ах, боже мой! Что с тобой? Что случилось?

Мария Ивановна испуганно заглядывала в лицо дочери, трясла ее за плечи:

— Да говори же! Я ведь ничего не понимаю! Что случилось?

Нюра сбивчиво рассказала про стихи, про насмешки ребят.

— А ты сама хвалила! Нарочно хвалила... И теперь все меня глупой считают... — всхлипывая, повторяла она.

Мария Ивановна гневно закричала на дочь:

— Перестань! Сию же минуту перестань!.. Они тебе завидуют! Понимаешь ли ты? За-ви-ду-ют!

Слезы Нюры высохли. Она с изумлением глядела на мать.

Мария Ивановна презрительно сжала губы, сузила зеленоватые глаза и еще раз повторила:

— Завидуют!

Глава 16. Обида

У Севы болело горло. Он уже три недели не ходил в школу. К нему забегала Лида Зорина. Она присаживалась на кончик стула, раскрывала свою сумку и, пока Малютин списывал с ее дневника заданные уроки, поспешно рассказывала ему все новости: Митя болен, без него скучно, ребята ходили его навещать. Трубачев все еще занимается с Мазиным. Мазин даже немножко похудел от этого. Стенгазету они делают без Мити.

Поболтав, Лида уходила. Сева с завистью смотрел, как мимо его окна пробегают школьники. Он чувствовал себя оторванным от товарищей, от школы. Во время болезни он много читал, пробовал рисовать, но после картины, отданной на

выставку, никак не мог придумать чего-нибудь нового и говорил матери:

— Я всегда так... нарисую, отдам... и скучно, скучно мне делается...

— Вот и папа твой, бывало, кончит картину и заскучает. Как будто всего себя вложил в нее и ходит опустошенный. А я, наоборот, сдам свои чертежи — и рада-радешенька! — смеялась мама.

— Потому что ты с готового чертишь, а мы с папой свое придумываем, — серьезно сказал Сева.

— Конечно. Но разве не приятно тебе, что твоя картина всем понравилась? Ведь это, по-моему, самое главное. Разве интересно человеку делать что-нибудь только для себя?

— Ну конечно, я рад, а то все ребята меня таким каким-то считают... — Сева запнулся и с упреком посмотрел на мать, но сдержался и только добавил: — Я многого не умею делать...

Мать поняла его:

— Сева, я знаю, о чем ты говоришь. Но без этого футбола и всякой чехарды можно обойтись. Они здоровые, крепкие мальчики, а у тебя порок сердца.

— Ну, вот я никуда и не гожусь, мамочка, — грустно усмехнулся Сева.

Мать заволновалась.

— Это совсем не нужно внушать себе. Это пройдет, с годами ты окрепнешь, на рисковать сейчас — просто глупо.

— Ну ладно, ладно, мама! Я ведь так сказал... Просто я боюсь, что мне никогда ничего такого не сделать. Вот как наши герои.

— Конечно, не всякий может быть героем. Сева, но я думаю все-таки, что в каждом честном человеке непременно есть это геройство... непременно есть... Ой, Сева, — вдруг вспомнила мать, — у нас плитка зря горит, мы же хотели чай пить. И вечно мы с тобой заговоримся!

Она бежала с чайником в кухню и на цыпочках возвращалась обратно:

— Тише, Севочка, весь дом уже спит, только мы с тобой никак не угомонимся. И каждый день так. Завтра же сделаю строгое расписание.

Но строгое расписание не помогало. Мать приходила с работы поздно, за день у обоих накапливались разные новости — времени для разговоров не хватало.

— Сева, пей чай и ложись спать... Положи, положи книжку. Я не буду тебя слушать.

— Подожди, мама. Я только один вопрос... Почему это говорят, что трус умирает много раз, а храбрый один раз? Как ты это понимаешь, мама?

— Как я это понимаю?.. — подняв глаза вверх и сморщив лоб, начинала мать и вдруг, спохватившись, сердито обрывала себя: — Никак не понимаю! Опять ты меня в длинный разговор втягиваешь, Сева...

Когда Сева был болен, мама вставала ночью, осторожно щупала ему лоб, утром торопилась приготовить еду и, уходя, уговаривала сына, чтобы он не переутомлял себя чтением и не выдумывал себе никаких занятий.

— А мне сегодня лучше, мама! Куда лучше! — каждый день заявлял ей Сева. — Ты не беспокойся!

Сегодня в первый раз Севе было позволено выйти. Он решил зайти к Саше Булгакову и узнать у него, что задано на завтра, так как Лида уже два дня не приходила.

Закутавшись теплым шарфом, Сева вышел на улицу. Непрочный мартовский снег сбивался под ногами в грязные комья. Саша Булгаков жил недалеко. Сева хорошо знал его улицу и дом, так как в прошлом году, когда Саша был болен, Сева приносил ему уроки. Но теперь, по рассеянности, мальчик долго путался, заглядывая в чужие дворы и припоминая номер дома. Наконец в одном дворе он узнал одноэтажный флигель, где жил Саша.

«Сейчас погреюсь, возьму уроки, узнаю все новости!»

Во дворе маленькая девочка в теплом платке с длинными пушистыми концами усаживала на санки крепкого, толстого мальчугана в больших валенках.

— Положи ноги на санки, а то они будут по снегу ехать. Ну, положи свои ноги!
— хлопотала она.

Малыш, опираясь на санки, шевелил тяжелыми валенками.

— Да не поднимаются они, — уверял он девочку. Какой-то высокий мальчик в шапке, без пальто подскочил к мальчугану, вытащил его из санок, сел на них верхом и крикнул:

— Н-но! Поехали!

Девочка схватила за руку малыша и замахнулась на мальчика.

Когда Сева вошел в длинный коридор, со двора послышался громкий плач, и тотчас в углу открылась дверь, из нее выскочил Саша. Не заметив товарища, он пробежал по коридору и бросился к девочке.

Сева выглянул во двор. Чужой мальчик дергал девочку за пушистые концы платка и, сидя верхом на санках, кричал:

— Н-но! Поехали, поехали!

Малыш сбоку старался столкнуть обидчика с санок.

— Эй, ты! Брось! — сердито закричал Саша.

Мальчик вскочил, отбежал в сторону и, кривляясь, завизжал:

— Ох, ох! Деточек обидели. Караул! Нянечка пришла!

— Дурак! — вытирая носовым платком мокрые щеки сестренки, крикнул ему Саша. — Связался с малышами! Попробуй только тронуть их еще раз!

— Еще раз, еще два!.. А что ты мне сделаешь?

— Тогда посмотришь! — показал ему кулак Саша.

Он был очень рассержен и тяжело дышал. Сева уже хотел поспешить ему на помощь, но дверь в коридоре снова открылась, из нее вышла женщина, поставила на порог ведро с мыльной водой и, крикнув: «Сашенька, вынеси помои!» — поспешно ушла.

— Го-го-го! Сашенька, вынеси помои! Постирай пеленочки! — запрыгал мальчишка.

Сева увидел красное, злое лицо Саши. Не замечая товарища, Саша схватил ведро и молча, не оглядываясь, потащил его по двору, сопровождаемый насмешками. Сева поспешно вышел и решительными шагами направился к обидчику.

— Ты подлый человек! — сказал он, поднося к его носу свой худенький кулак, и,

круто повернувшись, направился к воротам.

У ворот он услышал, как, возвращаясь назад и позвякивая пустым ведром, Саша презрительно говорил мальчишке:

— Ну, и что ты этим доказал? Что ты этим доказал? Я на тебя плевать хочу! Ты хулиган. Я с тобой даже связываться не буду. А за ребят когда-нибудь так дам, что своих не узнаешь!

«Расстроился, — подумал Сева. — Хорошо, что меня не видел, а то ему неприятно было бы...»

Он тихонько пошел по улице к своему дому.

В этот день была суббота. Для Саши это был самый трудный день в неделе. В субботу мать купала ребят. Придя из школы, Саша наливал ванночку, менял воду, выносил помои, укладывал в кровати выкупанных ребятешек. В такую-то минуту и попал к нему Сева. А перед этим, сразу после уроков, Одинцов и Васек Трубачев звали Сашу на каток.

— Пойдем! Ведь последние зимние денечки. Скоро каток растает! — уговаривали они его.

— Да не могу я сегодня. Мать ребят купает. Давайте завтра пойдем.

— Ну, завтра! Я и коньки в школу принес, чтобы домой не заходить, — говорил Одинцов.

— А я вообще не люблю откладывать. Решили — значит, пойдем, — заявил Трубачев. — Это у тебя всегда дела какие-то находятся. Пусть мать сама купает. При чем тут ты?

— Чудак! — усмехнулся Саша. — А кто же ей помогать будет? Одной воды сколько натаскать надо! И вообще... она моет, а я вытираю. Ведь у нас мал мала пять штук... Одна Нютка самостоятельная.

— Фью! — свистнул Васек. — Так это ты их и до ночи не перемоешь.

— Да пойдем! Скажи матери — может, она завтра их выкупает? — спросил Одинцов.

— Ну ладно! Зайдем ко мне. Вы постоите, а я спрошу, — согласился Саша.

Ребята зашли. Пока Саша бегал спрашивать, Васек говорил Одинцову:

— Чудак Сашка: вечно со своими ребятами нянчится!

— Ну, — протянул Одинцов, оглядываясь на Сашину дверь, — ему же нельзя иначе. У них отец целый день на работе, а детей куча.

Саша вышел:

— Ребята, идите! Мне никак нельзя: завтра воскресенье, отец дома, — ему тоже отдохнуть надо.

— Значит, не пойдешь? — хмуро спросил Васек.

— Не могу.

— Ну ладно! Идем, Трубачев! — звякнув коньками, сказал Одинцов.

Саша с сожалением посмотрел им вслед и открыл свою дверь. В кухне над плитой поднимался пар, на двух стульях стояла детская ванна.

— Кого первого? — не глядя на мать, спросил Саша.

— Меня! Меня!.. — запрыгали вокруг него малыши.

— Витюшку, — сказала мать.

На кровати ползал малыш с закрученной на спине рубашонкой. Он протянул к брату пухлые ручки и что-то залепетал.

Но Саша молча стащил с него рубашонку и, пока мать пробовала локтем воду, удерживал подпрыгивающего на кровати малыша.

— Расстроился, Сашенька? — спросила мать.

— Еще бы... Товарищи на каток пошли, а я тут как банщик какой-то...

— Ну что же, иди тогда. Я сама как-нибудь, — вздохнула мать.

— «Сама, сама»! Давай уж скорей, что ли! — с раздражением сказал Саша.

Мать взяла у него из рук голого малыша:

— Иди!

— Да чего ты еще! Знаешь ведь, что не пойду. Сажай лучше!

Через минуту Саша смотрел, как Витюшка ловит мыльные пузыри и, подняв из воды толстую ножку с короткими розовыми пальчиками, изо всех сил тащит ее к

себе.

— Смотри, смотри, мама! Он думает, это игрушка. Неужели и я такой был?

Глава 17. Со своим профессором

С утра гуляла по городу метель. Был конец марта. Этот сердитый месяц яростно нападал на прохожих, забивая снегом меховые воротники и шапки. Дул резкий ветер, и, хотя мороза не было, ребята прибежали в школу замерзшие.

Грозный, весь засыпанный снегом, в широком тулупе и меховой шапке, стоял на крыльце, как дед-мороз, и, размахивая платяной щеткой, командовал:

— Наклоняй голову! Давай воротник!.. Эк, зима на тебя насела!.. Ну, беги грейся!

Русаков пришел с Мазиным. Они встретились за воротами своего дома и шли вместе. По дороге Русаков упрекал Мазина, что тот уж слишком занялся учебой:

— Тебе только подучиться сказали, а ты совсем в книгу носом зарылся. А тут у одних овчарка пропала... Я уже на след напал.

— Некогда мне чужую собаку искать! — буркнул Мазин. — Если б Сергей Николаевич вызвал меня да поставил мне хорошую отметку, а то он все только с места меня спрашивает...

— Значит, так и будешь до конца года к Трубачеву шататься? А в землянку скоро вода затекать начнет, что я там один сделаю?

— Говорю, некогда мне сейчас.

— Тебе все некогда... У меня, может, отец скоро женится, а тебе и на это наплевать, — обиженно сказал Петя.

— Не женится.

— Почему это?

— А почему женится?

— Почем я знаю. Только он сам сказал: «Скоро к нам моя жена переедет, люби ее», — неожиданно сообщил Русаков.

— Так уже, значит?

— Наверно, уже, — вздохнул Петя. — Теперь мне вдвое доставаться будет — от двух родителей сразу.

— А какая она? — забеспокоился Мазин. — Посмотреть надо. Хорошую женщину сразу узнать можно.

— Узнаешь ее! Начнет отцу на меня наговаривать. Ведь она мачеха. Читал сказку про Золушку? Ведь ее даже на экскурсию во дворец не брали. Хорошо, ей фея помогла, а мне кто помогать будет?

— Обойдешься без дворца, лишь бы не дралась она, — задумчиво сказал Мазин.

Петя растерянно заморгал ресницами и покрутил головой:

— Если вдвоем будут меня драть, так... ого!

— Вдвоем, вчетвером! Не морочь мне голову... При Советской власти таких мачехов нет!

— «Мачехов»? — засмеялся Русаков. — Неправильно говоришь.

— А ты не учи! — рассердился Мазин. — Сам небось ни одной речки на карте не можешь найти.

— Ладно, пускай я пропаду и чужая овчарка пропадет, раз ты с географией связался, — сказал Русаков и, бросив товарища, пошел вперед.

В этот день последним уроком была география. На большой перемене Трубачев подошел к Мазину и сказал:

— Если вызовут тебя, не трусь. А чего не знаешь, говори прямо: не знаю.

Мазин кивнул головой. Он был расстроен ссорой с Русаковым. Печальное, вытянутое лицо товарища вызывало в нем раздражение и сочувствие.

«Мачеха у него там еще какая-то...» — озабоченно думал он.

Сергей Николаевич пришел веселый, потер руки и сказал:

— Весной пахнет! Сердится старушка-зима. Проходит ее время. Конец марта!

В классе было чисто, уютно и тепло.

Дежурные Одинцов и Степанова старались вовсю. Они пришли в школу раньше всех, облазили все углы, вытерли пыль. Валя Степанова принесла из дому чистую, выглаженную тряпочку для доски.

А когда Одинцов ловко и красиво развернул перед учителем карту, Сергей Николаевич пошутил:

— Совсем как в сказке цветистый ковер раскинул!

Одинцов сел. Учитель посмотрел в записную книжку и вдруг сказал:

— Мазин и Трубачев!

Трубачев вспыхнул и встал. Мазин сидел впереди. Он неловко вылез из-за парты, одернул курточку и, обернувшись к Трубачеву, сказал:

— Пошли!

Ребята фыркнули. Сергей Николаевич улыбнулся.

— Со своим профессором, — пошутил он.

Оба мальчика стали у доски.

Сергей Николаевич перелистал учебник географии.

Класс затих. Только Русаков беспокойно вертелся на парте, быстро-быстро обкусывая на левой руке ногти и не сводя испуганных глаз с товарища.

— Ну, Мазин, как теперь твои дела? — спросил Сергей Николаевич.

Мазин медленно повернулся к Трубачеву:

— Как мои дела?

Ребята снова засмеялись. Сергей Николаевич покачал головой:

— Я не Трубачева спрашиваю. Ты мне сам отвечай, как ты чувствуешь: прибавилось у тебя знаний или нет?

Мазин пристально посмотрел на карту:

— Прибавилось.

— Выберешься ты теперь из Белого моря без посторонней помощи?

— Выберусь.

— Хорошо. А если мы тебя, скажем, из Ленинграда в Белое море пошлем?

— Поеду, — сказал Мазин и взял указку. — По Беломорско-Балтийскому каналу поеду, вот так... — Он проехал по каналу и остановился в Архангельске. — Есть. Пять суток потратил.

— Немного, — сказал Сергей Николаевич. — А если б не было Беломорско-Балтийского канала, как бы ты поехал?

Мазин показал длинный путь вокруг северных берегов Европы и тотчас уточнил время:

— Семнадцать суток потратил.

— Хорошо, Мазин! Я вижу, что ты действительно окреп. Теперь расскажи нам все, что ты знаешь о Беломорско-Балтийском канале. А если ты ошибешься, то Трубачев тебя поправит.

Мазин ровным и бесстрастным голосом начал рассказывать:

— Беломорско-Балтийский канал тянется на триста километров.

— На двести, — поправил его Трубачев.

Он стоял выпрямившись, под рыжим завитком лоб его стал влажным, глаза блестели.

— На двести километров, — спокойно поправился Мазин и взял указку. — Канал соединяет Онежское озеро с Белым морем...

Мазин обращался с картой вежливо и осторожно.

Ребята, облокотившись на парты, внимательно следили за указкой,двигающейся вдоль канала. Петя Русаков вертелся, нервно потирал руки и обводил всех торжествующим взглядом. «Ну, как Мазин? Вот вам и Мазин!» — говорили его взволнованные глаза.

— Хорошо, Мазин! Пожалуй, тебе и Трубачев не нужен, а? — сказал Сергей Николаевич.

— Нет, пусть стоит. Я к нему привык, — заявил Мазин.

— Отвыкай. Трубачев всю жизнь не будет стоять с тобой рядом... Трубачев, садись!

— Пусть стоит! — тревожно выкрикнул Русаков.

Все головы повернулись к нему. Он смутился и юркнул под парту.

Отпуская Мазина, Сергей Николаевич похлопал его по плечу и сказал:

— Совсем хорошо, Мазин! Я очень рад за тебя. Я вижу, ты поймал быка за рога. Смотри не упускай его больше! А Трубачеву скажи спасибо... Трубачев!

Васек вскочил. Учитель посмотрел на его взволнованное лицо:

— Молодец!

Когда Сергей Николаевич вышел, в классе поднялся шум.

Русаков бросился к Мазину и, забыв утреннюю размолвку, обнял его:

— Здорово, Колька!

Ребята тоже радовались:

— Вот так жирняк!

— Повезло тебе!

— Держись крепче за Трубачева!

— Привяжи к себе веревочкой! — добродушно острили они.

Толстые щеки Мазина лоснились и набегали на нижние веки, щелочки карих глаз лениво и ласково глядели на ребят.

— А насчет мачехи твоей я подумаю, — улучив минуту, ни с того ни с сего шепнул он Русакову.

Саша и Одинцов поздравляли Трубачева.

— Здорово подогнал его! А я боялся — у меня прямо в ушах зазвенело, когда Сергей Николаевич вас обоих вызвал, — сказал Саша.

— А Русаков-то? Вот кто вертелся, как карась на сковороде!

— Верный товарищ! Преданный, как собака! — восхищенно сказал Саша. — Такой — на всю жизнь!

— А мы трое? Не на всю жизнь? — ревниво спросил Одинцов.

Васек вспомнил морозный вечер и огромную желтую луну над снежным прудом.

— Я за нас троих головой ручаюсь!

— Я тоже, — тихо сказал Одинцов.

— А обо мне и говорить нечего! — радостно улыбнулся Саша.

Все трое вошли в класс растроганные и счастливые. После уроков Васек бежал домой, размахивая сумкой и толкая прохожих.

«Молодец! Молодец! Молодец!» — повторял он про себя.

Во дворе для охлаждения он бросился в сугроб и, вывалявшись в снегу, предстал перед теткой.

— Тетя Дуня, я молодец!

— Вижу, — сказала тетка и, повернув его обратно, сунула ему щетку: — Обчистись в сенях, молодец!

Глава 18. Важный вопрос

Зима наконец устала. Она притихла, порыхлела, а на небо вышел новый хозяин — весеннее солнце. Ребята, расстегнув пальто, шли из школы. В толпе слышались веселый насмешливый голос Одинцова, ленивые замечания Мазина, смех ребят. Звонко перекликались девочки. На каждом углу толпа редела; уходившие домой долго пятились задом, сожалея о том, что приходится расставаться.

Лиде Зориной тоже не хотелось расставаться с товарищами. Она прыгала у своей калитки и все уговаривалась да уговаривалась с подружками о каких-то пустяках на завтра.

Наконец все голоса смолкли. Лида быстро побежала по дорожке. Она была взволнована больше всех. Митя выздоровел, и сегодня на сборе поставили на обсуждение ее заметку об отношениях девочек с мальчиками. Об этом необходимо рассказать маме, а если не маме, которая еще не скоро придет с работы, то хотя бы кому-нибудь.

Но дома обычно в это время бывали только соседи: старичок бухгалтер Николай Семенович и молоденькая Соня, ужасная копуша, которую Лида долго будила каждое утро.

Наверно, им тоже очень интересно послушать, как прошел сбор.

У крыльца стоял какой-то высокий молодой человек в лыжном костюме, с широким смешным носом и темным пушком на верхней губе. Он нетерпеливо поглядывал вокруг и время от времени, постукивая двумя пальцами в Сонино окошко, басил:

— Сонечка, поторопитесь!

— Сейчас! Сейчас! — кричала в форточку Соня. Лида замедлила шаг и на всякий случай вежливо кивнула головой:

— Здравствуйте!

— Привет! Привет! Вы из школы? Какая смена? — деловито осведомился юноша.

— Я в первой смене, но сегодня после обеда у нас был сбор.

— Ого! Это, значит, часиков пять уже! Сонечка, поторопитесь!

— Может, и не пять, но у нас сегодня разбирали очень важный вопрос, — задерживаясь на крыльце, сказала Лида.

— Важный вопрос? Ого! Какой же это вопрос? — поглядывая на Сонино окошко, спросил юноша.

— Это, знаете, о дружбе девочек с мальчиками. У нас в классе... — охотно начала Лида.

— О дружбе девочек с мальчиками? Это очень важный вопрос... Сонечка, поторопитесь! Сонечка, ведь мы же опоздаем! — подбегая к окну и не обращая больше внимания на Лиду, закричал он.

Соня высунула в форточку розовое лицо и сделала сердитые глаза:

— Не кричите на весь двор, а то никуда не пойду!

— Сонечка!..

Лида открыла дверь и вошла в кухню.

— А, школьница наша пришла! — закричал из своей комнаты бухгалтер Николай Семенович. — Это хорошо! А то я уж всякую надежду потерял ее увидеть сегодня.

— Я на сборе была, — улыбнулась Лида. — У нас вожатый Митя наши дела разбирал.

— Дела разбирал? — копаясь в корзинке с бумагами, рассеянно сказал Николай Семенович. — Хорошо бы, чтоб этот самый Митя и мои дела разобрал, а то я никак не разберу... Никак не разберу никаких своих дел, — глядя на заваленный бумагами стол, развел руками Николай Семенович. — Проклятая память! Такая небольшая синенькая тетрадка была у меня, и не знаю, куда делась. Куда делась? — потирая двумя пальцами лоб и глядя на Лиду светлыми близорукими глазами, пожаловался Николай Семенович.

— Сейчас! Я только пальто сниму, — сказала Лида и, повесив в передней пальто, заглянула под стол Николая Семеновича. — Я знаю, вы иногда мимо корзины бросаете.

— Мимо корзины? Никогда! — возмутился старичок. — Я аккуратнейший человек. Я, прежде чем бросить что-нибудь в корзину, тысячу раз проверю. У меня с письменного стола ни одна бумажка не упадет...

Лида неожиданно нырнула под стол:

— Вот она!

Николай Семенович схватил тетрадку и близко поднес ее к глазам:

— Скажите пожалуйста! Как же это вы нашли?

— Да за ножкой стола, на самом видном месте лежала, — засмеялась Лида, поднимаясь с колен.

— Ну, спасибо! Спасибо, девочка! А то я как без рук, работа стоит, — усаживаясь за стол, благодарил старичок.

Лида вышла, постояла немного в кухне, потом тихо побрела в свою комнату.

Вечером пришла мама. Она еще на пороге, снимая шапочку, крикнула:

— Был сбор, Лидуша?

— Был, был, мамочка! — бросилась к ней Лида.

— Интересно! Подожди только минутку. Я сейчас вымою руки, сядем за стол, и ты мне все подробно расскажешь, — заторопилась мама. — Подожди, подожди только, я с самого начала хочу.

— С самого начала так... Митя прочел мою заметку... Вот полотенце, мамочка. Вытирай одну руку, а я другую буду вытирать.

— Нет, я сама... Ну, прочел заметку... Мама придвинула к столу два стула, вынула из портфеля булку, налила чай:

— Ну, теперь все... Митя прочел заметку, а что мальчики?

— Ну вот... Сначала никто из мальчиков ничего не говорил, и, наоборот, даже пересмеивались и толкали друг дружку.

— Это не наоборот вовсе. Ну, предположим... А девочки?

— Ой, мама, девочки сразу давай на ребят жаловаться: кто там кого дернул за косу, кого кто толкнул... Понимаешь, не обсуждали вопрос, а жаловались только! — высоко вскидывая брови и округляя глаза, сказала Лида.

— Ну, ну?

— А Митя слушал, слушал, потом так сморщился и говорит: «Вот я вас слушаю и удивляюсь. Лида Зорина подняла такой серьезный вопрос...»

— Правильно, — кивнула головой мама, помешивая ложечкой в стакане.

— Да, правильно, — протянула Лида, — а у меня зато сердце в пятки ушло.

— Трусишка!..

— Да, трусишка! У нас ведь знаешь как дразниться любят...

— Ну, об этом потом. Не перебивай себя. Что же сказал Митя еще?

— Он очень хорошо сказал, мама... Он сказал, что при важном вопросе... то есть на важном вопросе пионеры себя так небрежно ведут. Мальчики позволяют себе всякие глупые шутки, пересмеиваются, а девочки только обиды свои перебирают. И что он уже тысячу раз слышал, как Мазин у Синицыной ленточку

из косы выдернул, что это уже разбирали, и Мазина тогда наказали уже, а теперь надо поговорить не о случаях таких, а о том, чтобы их никогда больше не было, чтобы класс был дружный. Что и мальчики и девочки виноваты, и чтобы не торговаться здесь, кто больше виноват, а исправить это, потому что мы все пионеры и должны быть хорошими товарищами... Он, мама, прямо рассердился даже на нас...

— Ну, а ребята что?

— Ребята покраснели многие, а девочкам тоже стыдно стало. А потом все начали говорить, что у нас все по пустякам выходят всякие глупые ссоры. А Митя сказал, что мы уже в четвертом классе, а нам можно поставить в пример малышей — они так дружат между собой! Потом он привел примеры всякие... А потом, мамочка, потом!.. — Лида вскочила, зажмурилась и подпрыгнула на одной ножке. — Мы все шли домой вместе. И никто никого не дразнил. И солнце было такое, прямо на всю улицу! Я пальто расстегнула. А Коля Одинцов шапку снял, у него густые волосы. И солнышко нагрело их, — они даже чуть-чуть теплые стали, мы все трогали... А некоторые девочки завтра уже в драповом пальто придут. И я... Хорошо, мамочка?

— Нет, драповое еще рано. А остальное все хорошо! Все хорошо, Лидок!

Вечером папа тоже слушал о сборе, но ему рассказывала не одна Лида. Лиде помогала мама, они перебивали друг друга и так часто начинали сначала, что папа не дождался конца и ушел спать.

Глава 19. Срыв

Павел Васильевич все еще не возвращался. Васек нервничал, придирался к тетке.

— Может, и были письма, да ты потеряла их! — подозрительно говорил он.

Тетка обижалась:

— Да что я, голову, что ли, потеряла?

Писем не было.

Не зная, чем объяснить молчание отца, Васек беспокоился. Иногда ему начинало казаться, что с отцом что-то случилось. Он просыпался ночью и, лежа с открытыми глазами, представлял себе всякие ужасы: то ему казалось, что отец, починяя паровоз, попал под колеса, то заболел и лежит где-нибудь в больнице.

Васек плохо спал и в класс приходил хмурый и сонный.

* * *

В этот день Васек Трубачев дежурил. В паре с ним был Саша Булгаков.

— Давай так дежурить, чтоб ни сучка ни задоринки, — улавливались мальчики.

Первые три урока прошли без запинки. На большой перемене Сашу вызвала мать.

— Васек, положи мел, вытряхни тряпку. Проверь, чтобы все было в порядке. Я сейчас! — крикнул он, убегая.

Васек, закрывшись один в классе, протер парты, вытряхнул в форточку тряпку, сбегал за мелом, подлил в чернильницы свежих чернил. Когда Саша вернулся, осталось только подмести пол.

Пока дежурные наводили в классе чистоту, в укромном уголке раздевалки Русаков с расстроенным лицом говорил Мазину:

— Обязательно он меня вызовет! Пропал я, Колька!

На четвертом уроке был русский язык. Учитель сказал, что будет вызывать тех, у кого плохая отметка.

— Не надо было по собачьим следам рыскать. Взял бы да почитал грамматику... Я хоть по географии хорошо ответил, а ты что? — сердился Мазин. — Чересчур уж... Ни по одному предмету ничего не знаешь.

— По арифметике лучше тебя еще... Да все равно мне пропадать сегодня.

Мазин нахмурился.

— Я подскажу тебе.

Русаков махнул рукой:

— Будет мне дома! Отец да еще мачеха...

— Да ведь она уже неделю у вас живет, и ничего еще не было.

— Придраться не к чему было. Она начнет разговаривать со мной, а я молчу... А сегодня... — Русаков покрутил головой и умоляюще посмотрел на Мазина: — Ты бы придумал что-нибудь, Коля.

— Придумаешь тут.

Оба мальчика постояли молча. Прислонившись к вешалке, Мазин задумчиво вертел чью-то пуговицу. Потом толстые вялые щеки его вдруг начали оживать, он выпятил вперед нижнюю губу и, притянув к себе товарища, зашептал что-то ему на ухо, а потом добавил вслух:

— Надо время затянуть, понимаешь... чтобы он не успел тебя спросить до звонка.

Русаков понятливо кивнул головой.

— А вдруг он меня первого? — испуганно спросил он.

— А вдруг пол провалится? — передразнил его Мазин.

В коридоре Леня Белкин, щупленький Медведев и Нюра Синицына наскоро проверяли свои знания.

— Только мне никто не подсказывайте, а то я собьюсь, — предупреждал Леня Белкин.

— А мне немножко, одними губами первое слово только... Подскажешь, Зорина? Ты близко к доске сидишь, — просил Медведев.

— Нет, я боюсь, я ни за что! — испуганно отговаривалась Лида. — Я ни губами, никак...

Синицына, закрыв глаза, громко повторяла правила грамматики.

Звонок рассадил всех по местам. Васек привстал с парты. Все в порядке: тряпка, мел, чернильница... Он заметил на полу скомканную промокашку и погрозил ребятам кулаком: только бросьте еще!

Сергей Николаевич вошел в класс.

Мазин бросил быстрый взгляд на Русакова:

— Сергей Николаевич! Сейчас в пруду девочка утонула, в полынье...

Ребята живо повернулись к Мазину:

— Какая девочка?

— Маленькая?

— Где? Где?

Мазин откашлялся.

— Небольшая девочка... — Он еще раз откашлялся. — Годика три... Она так шла, шла, с саночками...

— Ой, с саночками!

Мазин привстал и обернулся к классу:

— Ну да, с саночками. Да как провалится вдруг... весь лед на пруду треснул под ней...

— Ой, бедненькая! — заволновались девочки. — Так сразу и провалилась?

— Поговорим об этом после уроков, — сказал Сергей Николаевич, усаживая Мазина движением руки и раскрывая классный журнал. — Синицына! — вызвал он.

Мазин хрустнул пальцами и уставился в потолок. Нюра одернула под партой платье и с вытянутым лицом пошла к доске.

— А вы пишете в тетрадях, — сказал Сергей Николаевич, перелистывая учебник.

— У меня перо сломалось, — неожиданно заявил Русаков, поднимая вверх ручку.

Учитель вынул из бокового кармана коробочку и положил ее на стол:

— Пожалуйста, возьми себе перо.

Русаков толкнул Мазина и пошел к столу.

Мазин поднял руку.

— А у меня царапает, — сказал он.

— Подойди и ты к столу.

Учитель подошел к передним партам и спросил:

— Кто еще пришел в класс, не заготовив себе хорошее перо?

Трубачев беспокойно заерзал на парте. Ребята молчали. Мазин за спиной Русакова протянул руку к доске, схватил мел и спрятал его в карман.

— Все с перьями? — еще раз спросил учитель.

— Все!

— Значит, только вот эти двое... — Учитель повернулся к Мазину и Русакову и вынул часы: — Вы отняли у нас три минуты. Сядьте оба.

Русаков и Мазин пошли к своим партам.

— Пишите, — сказал Сергей Николаевич: «Колхозники рано начнут сев...»

Синицына беспокойно завертелась у доски. Она присела на корточки, пошарила руками по полу и, повернувшись к ребятам, вытянула в трубочку губы.

— Ме-е-ел! — раздался ее пронзительный шепот. Васек поднял голову. Саша повернулся к нему и тихо спросил:

— Где мел?

— Я клал, — взволнованно ответил Васек. Сергей Николаевич постучал пальцами по столу.

— Ищи-и! — зашипели на Синицыну ребята. Синицына испуганно развела руками. Лицо Сергея Николаевича потемнело.

— Одинцов, сбегай за мелом, живо!

Одинцов опрометью бросился из класса.

— Кто сегодня дежурный?

Васек встал, чувствуя, как кровь приливает к его щекам. Рядом встал Саша Булгаков.

Сергей Николаевич поднял брови:

— Трубачев? Булгаков? Булгаков, ты к тому же и староста.

Саша вытянул шею и замер.

— Надо лучше знать свои обязанности, — резко сказал учитель. — Садитесь!

Не глядя ни на кого, Васек опустился на место. Ему казалось, что сзади него перешептываются девочки. Неподалеку слышалось тяжелое дыхание Мазина — ему было жарко. Русаков, забыв обо всем на свете, считал минуты. Одинцов, запыхавшийся от бега по лестнице, принес мел и от волнения протянул его прямо учителю.

— Положи на место, — сказал Сергей Николаевич.

Синицына перехватила из рук Одинцова мел и, держа его наготове, таращила на учителя глаза.

«Колхозники рано начнут сев...» — снова продиктовал учитель.

Урок пошел как обычно. Синицына разбирала предложения бойкой скороговоркой.

«И куда торопится, лягушка эдакая?» — с тревогой думал Русаков.

После Синицыной отвечал Медведев. Проходя мимо Зориной, он тихонько толкнул ее локтем. Лида замотала головой и заткнула уши.

— Что-нибудь случилось, Зорина? — спросил Сергей Николаевич.

Лида вскочила:

— Нет.

— Тогда сиди спокойно и не делай гримас, — отвернувшись, сказал учитель.

Лида села, боясь пошевелиться. В классе было тихо. Сергей Николаевич вызывал, спрашивал, но ребята чувствовали, что он недоволен.

Звонок, как свежий студеной ручей, ворвался из коридора и разлился по классу.

Ребята облегченно вздохнули. Сергей Николаевич взял портфель.

Когда за ним закрылась дверь, ребята повскакали с мест и окружили Трубачева и Булгакова:

— Что же вы? Как это вы?

— Не могли мел положить!

— Осрамили! Весь класс осрамили!

— Честное пионерское... — начал Саша и, возмущенный, повернулся к

Трубачеву: — Я на тебя, как на себя самого, надеялся!

— А я что? Что я? — сразу вскипел Трубачев.

— Ты сказал, что у тебя все в порядке, а сам...

— Что — сам? — подступил к нему Васек.

На щеках у него от обиды расплылись красные пятна.

— Дисциплина! — крикнул кто-то из ребят. — А сами еще всех подтягивают!

— И на девочек нападают, — пискнула Синицына.

— Молчите! — с бешенством крикнул Васек и обернулся к Саше: — Говори, что я сделал?

— Мел не положил, вот что!

— Кто не положил?

— Ты! — бросил ему в лицо Саша. — Весь класс подвел.

— Врешь! — топнул ногой Васек. — Я все проверил, и все было, — нечего на меня сваливать!

— Я не сваливаю. Я еще больше отвечаю! Я староста!

— Староста с иголкой! Тебе только сестричек нянчить! — выбрасывая из себя всю накопившуюся злобу, выкрикнул Васек.

— Трубачев! — сорвался с места Малютин.

— А-а, ты так... этим попрекаешь!.. — Саша поперхнулся словами и, сжав кулаки, двинулся на Ваську. Тот боком подскочил к нему.

— Разойдись! Разойдись! — выпрыгнул откуда-то Одинцов.

Несколько ребят бросились между поссорившимися товарищами:

— Булгаков, отойди!

— Трубачев, брось!

— Перестаньте! Перестаньте! — кричали девочки. Валя и Лида хватили за руки Трубачева. Одинцов держал Сашу.

— Ты мне не товарищ больше! Я плевать на тебя хочу! — кричал через его плечо

Саша.

— Староста! — презрительно бросил Васек, отходя от него и расталкивая локтями собравшихся ребят. Пустите! Чего вы еще?

Сева Малютин загородил ему дорогу:

— Трубачев, так нельзя, ты виноват!

Васек смерил его глазами и, схватив за плечо, отшвырнул прочь. Класс ахнул. Надя Глушкова заплакала.

Валя Степанова бросилась к Малютину.

Васек хлопнул дверью.

Мазин и Русаков стояли молча в уголке класса.

Когда Трубачев вышел, Мазин повернулся к Русакову и с размаху дал ему по шее.

— За что? — со слезами выкрикнул Русаков.

— Сам знаешь, — тяжело дыша, ответил Мазин.

Ребята удивленно смотрели на них:

— Еще драка!

Но Мазин уже выходил из класса, спокойно советуя следовавшему за ним Русакову:

— Не реви, хуже будет.

Глава 20. Как быть?

Одинцов и Саша шли вместе. Под ногами месился мокрый снег, набиваясь в разбухшие от сырости калоши. Саша шел, не разбирая дороги, опустив голову и не глядя на товарища. Одинцов щелкал испорченным замком своего портфеля и взволнованно говорил:

— Знаешь, он просто со зла, нечаянно... Он, может, этот мел в форточку выбросил, когда тряпку вытряхивал... И сам не знал... Да тут еще ребята кричат. Ну, довели его до зла — он и сказал.

Одинцов перевел дух и взглянул в упрямое лицо Саши.

— Вот и со мной бывает. Как разозлюсь в классе или дома — так и давай какие-нибудь глупости говорить, что попало, со зла. А потом самому стыдно. Да еще бабушка скажет: «Ну, сел на свинью!» Это у нее поговорка такая.

Коля неловко засмеялся и, ободренный Сашиним молчанием, продолжал:

— Это с каждым человеком бывает. А Трубачев все-таки наш товарищ.

Саша вскинул на него покрасневшие от обиды глаза:

— Товарищ? Да лучше б он меня по шее стукнул, понимаешь? А он мне такое сделал, что я... я... — Саша задохнулся от злобы и, заикаясь, добавил: — Никогда не прощу!

— Саша, ведь ему самому теперь стыдно, он сам мучится! — горячо сказал Одинцов. Саша вдруг остановился.

— А, ты за него, значит? — тихо и угрожающе спросил он в упор.

— Я не за него, — взволновался Одинцов, — я за вашу дружбу, за всех нас троих! Мы всегда вместе были. И на пруду еще говорили...

— Ладно, дружите... А мне никакого пруда не надо. Мне и тебя, если так, не надо! — с горечью сказал Саша.

Голос у него дрогнул, он повернулся и, разбрызгивая мокрый снег, быстро зашагал к своему дому.

— Саша!

Одинцов догнал его уже у ворот:

— Саша! Я все понимаю. Я за тебя... Мне только очень жалко...

— А мне не жалко! Мне ничего не жалко теперь! И хватит! — Саша кивнул головой и пошел к дому.

Одинцов глубоко вздохнул, оглянулся и одиноко зашагал по улице.

«Пропала дружба... — грустно думал он, стараясь представить себе, как будут теперь держаться Трубачев и Саша. А с кем я буду? Один или с каждым по отдельности?»

Одинцов не стоял за Трубачева. Поступок Васька казался ему грубым и глупым.

«На весь класс товарища осрамил! «Староста с иголкой! Тебе только сестричек нянчить!» — с возмущением вспоминал он слова Трубачева. — И как это ему в голову пришло? Ведь Саша не виноват, что у них детей много, ему и так трудно, размышлял он, шлепая по лужам. — И еще Малютина отшвырнул... Севка и так слабый...»

Коля Одинцов был растревожен. Дома он наскоро выучил уроки, весь вечер слонялся без дела и, ложась спать, вдруг вспомнил: «А ведь сегодня четверг. К субботе статью писать надо...»

Перед ним встал Васек Трубачев, с рыжим взъерошенным чубом на лбу, с красными пятнами на щеках.

«Я ведь о нем писать должен. Все... Честно... И вся школа узнает... Митя... Учитель... — Одинцов нырнул под одеяло и накрылся с головой: — Не буду. На своего же товарища писать? Ни за что не буду!»

Он замотал головой и беспокойно заворочался. — Коленька, — окликнула его бабушка, — ты что вертишься, голубчик?

— У меня голова болит, — пожаловался ей мальчик.

— Голова? Уж не простудился ли?

Старушка порылась в деревянной шкатулке, подошла к кровати и пощупала Колин лоб:

— На-ко, аспиричику глотни.

— Зачем? — отодвигая ее руку с порошком, рассердился Коля. — Вечно ты, бабушка, с этим аспиричиком! У меня, может, не то совсем.

— Да раз голова болит. Ведь аспирин — первое средство при всяком случае.

— Ну и лечи себя при всяком случае, а ко мне не приставай... Тебе хорошо — ты дома сидишь, а я целый день мотаюсь. Иди, иди! Я и так засну!

Он повернулся к стене и закрыл глаза. Перед ним опять встал Васек Трубачев. Потом стенгазета, перед ней кучка ребят и учитель.

«Совершенно точно и честно», — глядя на статью, говорит Сергей Николаевич.

«Одинцов никогда не врет!» — кричат ребята.

«Не врет... Мало ли что... Можно и не врать, а просто промолчать. Только вот Митя спросит, почему не написал, и ребята скажут: побоялся на своего дружка писать, а как про кого другого, так все описывает... — Одинцов вздохнул. — Нет, я должен написать... всю правду».

Кровать заскрипела. Бабушка заглянула в комнату. Коля громко захрапел, как будто во сне.

«Какой же я пионер, если не напишу? — снова подумал он, прижимаясь к подушке горячей щекой. — Ведь меня выбрали для этого... А какой же я товарищ, если напишу?» — вдруг с ужасом ответил он себе и, сбросив одеяло, сел на кровати.

— Коленька, тебе чего?

— Дай аспиричку, — жалобно сказал Коля.

Глава 21. Мал мала меньше

Когда Саша открыл дверь своего дома, на него пахнуло знакомым теплым детским запахом, звонкая возня ребятешек неприятно оглушила его.

Он схватил за рубашонку играющего у порога Валерку:

— Куда лезешь? Пошел отсюда!

Валерка сморщился и вытянул пухлые губы. Мать поспешно подхватила его на руки и тревожным взглядом окинула расстроенное лицо сына:

— Саша, Саша пришел!

Ребятишки, отталкивая друг друга, бросились к Саше.

— Брысь! — сердито крикнул он и, заметив взгляд матери, с раздражением сказал: — И чего лезут! Домой прийти нельзя!

— Да они всегда так... радуются, — осторожно сказала мать.

— Виснут на шее! Как будто я верблюд какой-нибудь... ну, пошли от меня! — закричал он на сестренку.

— А мы без тебя играли. Знаешь как? — заглядывая ему в лицо и пряча что-то за спиной, сказала его любимица — Татка.

Саша молча отодвинул ее в сторону и прошел в комнату.

— Не троньте его, отойдите, — тихо сказала мать. — Играйте сами.

Саша бросил на стол книги и сел, стараясь не замечать внимательного взгляда матери. Этот взгляд тоже вызывал в нем раздражение: «Так и смотрит, все знать ей надо...»

Мать наскоро вытерла руки, накрыла на стол:

— Сашенька, иди обедать!

Ребята с шумом полезли на стулья. Трехлетняя Муська зазвенела ложкой о тарелку.

— Руки под стол! — закричал Саша. — Что ты звонишь, как вагоновожатый! — накинулся он на Муську, отнимая у нее ложку. — Сейчас выгоню!

— Саша, Саша! — удивленно, с упреком сказала мать. — Что это ты, голубчик?

— «Голубчик»! Нянька я вам, а не «голубчик»! Не буду я им больше ничего делать! Сама, как хочешь, с ними справляйся! — отодвигая свою тарелку, закричал Саша. — Все на меня свалила!..

Он вдруг остановился. Мать смотрела на него с жалостью и испугом. Половник дрожал в ее руке. Дети притихли.

— Ешь. Вот тебе мясо. Сам порежешь?

— Сам, — буркнул Саша, давясь куском хлеба. За столом стало тихо. Мать резала маленькими кусочками мясо и клала его в тарелки малышам.

— Кушайте, кушайте, — говорила она вполголоса, помогая то одному, то другому справляться с едой.

Татка, придвинув к Саше свою тарелку, шепотом сказала:

— Саша, порежь мне.

— Сама не маленькая! — отодвигая локтем ее тарелку, сказал Саша.

— Мама, чего он не хочет? — обиженно протянула Татка.

— Не приставай к нему, Таточка. Дай свою тарелку!

Татка вскочила, с колен ее покатился на пол круглый пенал. Этот пенал Саша сам подарил ребятам для игры «в школу». Но сейчас, чувствуя закипавшие в глазах слезы и острую потребность придраться к чему-нибудь, Саша схватил пенал и выбежал из-за стола.

— На моем столе роетесь! Все мое хватаете! Ладно, я теперь всех швырять буду! — кричал он неизвестно кому со слезами в голосе. Потом бросился ничком на свою кровать и разрыдался.

— Сашенька, Саша... Кто тебя, сынок мой дорогой? Кто тебя обидел, голубчик? — глядя его по спине, спрашивала мать.

Саша молча плакал, уткнувшись в подушку круглой стриженной головой. Вокруг кровати, прижимаясь к матери, всхлипывали испуганные ребята. Валерка, приподнявшись на цыпочки, обхватил Сашину шею и уткнулся лбом в подушку. Саша высвободил руку и обнял теплое тельце братишки.

Глава 22. Васёк

Васек стоял у окна и на все вопросы тетки отвечал:

— А тебе-то что?

— Как это — тебе-то что? — возмутилась тетя Дуня. — Прибежал, как с цепи сорвался! Я тебя и спрашиваю: случилось с тобой что, отметку плохую получил или наказали тебя в школе?

— Ну и наказали, — усмехнулся Васек. — А тебе-то что?

— Ты мне не смей так отвечать! Я не с улицы пришла ответ у тебя спрашивать. Мне вот отец пишет, что еще недели на две задержится.

— Письмо есть? Отец пишет? Давай письмо! Почему сразу не дала мне? — закричал на тетку Васек.

Тетка вынула из-под скатерти письмо.

— Я с тобой поговорю еще... Вот почитай раньше... — холодно сказала она, испытующе глядя на племянника поверх очков.

— Ладно! — нетерпеливо сказал Васек, отходя к своему столу и вытаскивая из конверта тонкую серую бумажку.

Отец писал, что никак не мог сообщить о себе, так как ездил со своей бригадой на другие участки и все надеялся скоро вернуться. Но сейчас в паровозном депо идет большой ремонт, и придется недельки на две задержаться. Он просил тетку приглядеть за племянником, спрашивал, как учится Васек, как он ест, спит, не очень ли скучает. В конце стояла приписка сыну:

«Дело, Рыжик, прежде всего. Паровозы мои — пациенты смирные, слушаются меня. Есть среди них очень интересные, новой системы, наши советские. Приеду — расскажу. А пока делай ты, Рыжик, свои дела так, чтобы совесть была чиста.

Твой папа».

Васек опустил письмо и задумался.

Отец задерживается... Не с кем поговорить по душам. Некому рассказать, что произошло за это время в его жизни...

Васек подумал о Саше. Вспомнил его лицо и слова, которые тот бросил ему: «Не товарищ!» «Подумаешь, напугал! И что я ему сказал? Разве это не правда, что он сестричек нянчит? Правда...» — храбрясь и оправдываясь перед собой, думал Васек.

Потом, вспыхнув до ушей, он растерянно посмотрел на свою твердую загорелую руку. В этой руке осталось ощущение острого, худенького плеча Севы. Васек прикусил губу, чувствуя стыд и недовольство собой. Как это с ним случилось, что он швырнул Севу? Конечно, Малютин сам полез, его никто не просил.

Васек посмотрел на письмо. Задерживается... в такую минуту, когда ему одному мог он рассказать обо всем, что произошло в классе.

«Ну и ладно... Пусть со своими паровозами остается... Хоть и совсем не приезжает, раз так», — с горькой обидой на отца думал он.

— Вот и поговорим, — сказала тетка, закончив какие-то кухонные дела и присаживаясь на стул против Васька. — Разболтался! Грубишь! Думаешь, тетка сквозь пальцы глядеть будет? — Тетя Дуня оправила подол юбки и поудобнее уселась на стуле. — Нет, племянничек, я здесь не для этого живу. На меня не напрасно твой отец надеется. Трубочевы зря ничего не обещают, и я тебя на ум-разум направлю, — медленно цедила слова тетка.

Васек вдруг вышел из берегов:

— А что ты мне сделаешь? Что ты ко мне привязалась сегодня? «На ум-разум направлю!» Вот я отцу расскажу! — кричал он, размахивая руками.

Тетка поджала тонкие губы.

— А я и отца ждать не буду. Я в школу пойду, — язвительно сказала она.

— Ты... в школу? — задохнулся Васек. — В школу?.. Ведьма! — неожиданно для себя выпалил он и испугался.

Лицо у тетки вдруг сморщилось, очки упали на колени, ресницы заморгали, и на них показались слезы.

— Спасибо, Васек, спасибо, племянник, — тихо сказала тетка, поднимаясь со стула.

Васек хотел броситься к ней, попросить прощения, но слова застряли у него в горле. Первая минута была потеряна, и, провожая глазами ее сгорбившуюся фигуру, он только беспомощно шевелил губами.

Тетка весь вечер просидела в кухне.

«Ну и пускай! — думал Васек, стараясь побороть в себе чувство жалости и раскаяния. — Еще каждому кланяться буду! Просить, унижаться!»

Вечером пришла Таня. В последнее время Васек редко видел ее и особенно обрадовался теперь, чувствуя себя одиноким и несчастным.

— Таня, ты где все пропадаешь? — спросил он, поглаживая глиняного петуха. — Я тебя совсем не вижу.

— Да у меня дела теперь сверх головы. Меня, Васек, в комсомол принимают! — с гордостью сказала Таня, показывая на толстую книгу в коленкоровом переплете. — Вот, учусь! И работаю. Ведь это заслужить надо.

— А я еще пионер только, — со вздохом сказал Васек и сразу подумал: «А вдруг Митя узнает про то, что в классе было? Или учитель?»

Сердце его сжалось, и к щекам опять прилила краска.

— Ты что? — спросила Таня.

— Ничего. Спать захотел, — сказал Васек.

— Да посиди, рано еще... Что отец пишет?

— Пишет — задерживается... Я пойду, — устало сказал Васек.

Ему и правда захотелось спать. Он лег, но сон не приходил долго. На душе было одиноко и тоскливо.

Васек вспомнил Одинцова и грустно улыбнулся.

«Один товарищ у меня остался... Один друг, а было два... Эх, из-за куска мела!
— Он приподнялся на локте. — А куда же этот проклятый мел делся? Ведь я же сам клал его — длинный, тонкий кусочек. Куда же он делся? Надо было поискать хорошенько, найти, доказать. Может, он лежал в уголке где-нибудь...»

Васек пожалел, что не сделал этого сразу, а в раздражении ушел из класса.

* * *

Утром Васек долго валялся в кровати, лениво делал зарядку. Он не торопился: день перед ним вставал хмурый и неприятный. В первый раз не хотелось идти в школу.

«Теперь, наверно, все на меня глазеть будут, как на зверя какого-нибудь...»

Не хотелось видеть Сашу, Малютина, и перед остальными ребятами было стыдно и нехорошо.

«А что такое? Фью! Больше бояться меня будут! Никто не полезет ко мне!» — хорохорился он наедине с собой, пытаясь заглушить чувство стыда и беспокойства.

Входя в класс, он сделал равнодушное лицо и как ни в чем не бывало направился к своей парте, хотя сразу заметил, что ребята его ждали и говорили о нем. Ему даже показалось, что из какого-то угла донесся шепот:

— А еще председатель совета отряда...

На самом деле слова эти никем не были сказаны, Ваську это только показалось. Но он насторожился и, небрежно обернувшись к классу, посмотрел на ребят дерзким, вызывающим взглядом.

Саша Булгаков, который сидел впереди, ни разу не обернулся с тех пор, как Трубачев вошел в класс. На его круглом открытом лице было вчерашнее прямое выражение, в глазах — мрачная, застоявшаяся обида.

Васек, чтобы показать, что он совершенно не интересуется Сашей, небрежно развалился на парте и, стараясь не смотреть на стриженный затылок товарища, неудобно и напряженно повернул голову и смотрел вбок.

Малютин спокойно сидел рядом с ним. Он не чувствовал ни страха, ни унижения, ни обиды, как будто не его, как котенка, швырнул вчера Трубачев на глазах всего класса. Малютин страдал за Васька. Васек Трубачев в его глазах всегда был честным, смелым товарищем, которого слушались и любили ребята. И вот теперь вместо этого честного и смелого товарища рядом с ним сидел дерзкий расшибака-парень, показывающий всем и каждому, что в любую минуту может пустить в ход кулаки.

«Пусть только кто-нибудь пикнет!» — говорил весь облик Трубачева.

Сева ясно видел, что класс осуждает Трубачева. И, чтобы заставить товарища перемениться, вернуть его в обычное состояние, Малютин изредка задавал ему простые вопросы: как он думает, будут ли у них экзамены и когда; останется ли с ними Сергей Николаевич и на следующий год?

Васек удивлялся, что Сева как будто забыл про вчерашнее; он чувствовал к нему благодарность, жалел, что так обидел его, но, боясь показаться в глазах ребят трусом, который подлизывается к Малютину, чтобы уладить с ним отношения, отвечал Севе свысока, небрежно, чуть-чуть повернув в его сторону голову.

На переменке к Трубачеву подошел Мазин.

— Ну и поссорились, экая важность! — ни с того ни с сего сказал он. — Из каждой мухи слона делать — так это и жить нельзя.

— Я и не делаю слона, — ответил ему Васек.

— Я не про тебя — я про Булгакова. Что это он нюни распустил, от одного слова скис?

— Он не скис! — рассердился Васек. — И нюни не распускал. Это не твое дело!

Мазин наклонил голову и с любопытством посмотрел на Трубачева.

— Вот оно что... — неопределенно протянул он и отошел к своей парте.

— О чем ты с ним говорил? — спросил его Русаков. Но Мазин был поглощен своими мыслями.

— Вот что... — чему-то удивляясь, снова повторил он.

Лида Зорина избегала смотреть на Васька; она то и дело подходила к Саше и с глубоким сочувствием смотрела на Малютина.

У Вали Степановой было строгое лицо, и другие девочки неодобрительно молчали.

Хуже всего было Коле Одинцову. Он то сидел на парте рядом с Васьком, стараясь в чем-то убедить его, то отходил к Саше. И, недовольный своим поведением, думал: «Что это я от одного к другому бегаю!»

Одинцов все еще надеялся помирить обеих товарищей.

— Ты бы сказал ему, что виноват, ну и все! — уговаривал он Трубачева.

Васек, разговаривая с Одинцовым, становился прежним Васьком.

— А если по правде, по честности — я виноват, по-твоему? — спрашивал он товарища.

— Виноват! — твердо отвечал Коля. — Не попрекай чем не надо. Ты против Саши барином живешь.

— А он имел право мелом меня попрекать?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю... Если ты клал этот мел, то куда он делся?

Разговоры не приводили ни к чему. Один раз Трубачев сказал:

— С Булгаковым я дружил, а теперь он мой враг. И больше о нем не говори. Я к нему первый никогда не подойду. А ты с ним дружи. И со мной дружи.

— Да ведь нас трое было.

— А теперь ты у меня один остался, — решительно сказал Васек.

К концу дня, видя, что ребята, как будто условившись между собой, не заговаривают о ссоре, Трубачев успокоился, принял свой прежний вид и даже сказал Малютину:

— Я ведь тебя не хотел вчера...

— Я знаю, я знаю! — поспешно и радостно перебил его Сева. — Дело не во мне,

я другое хочу тебе рассказать... Только дай мне честное пионерское, что не рассердишься.

— Я на тебя не рассержусь, говори.

Сева быстро и взволнованно рассказал ему про мальчишку в Сашином дворе, как тот осыпал Сашу насмешками, когда Саша нес помои.

Васек стукнул кулаком по парте:

— И ты не выскочил и не дал ему хорошенько? Эх, я бы на твоём месте...

— Я вышел потом... Но это не то, я другое хотел сказать.

Они посмотрели друг другу в глаза. Васек потемнел.

— Ты что же... меня к тому хулигану приравнял? — тихо, с угрозой спросил он.

— Тот хулиган не был Сашиным товарищем, — ответил ему Сева.

Глава 23. Статья Одинцова

Одинцов писал статью. Он описывал все происшедшее в классе так, как оно было. Но каждый раз на фамилии Трубачева он останавливался и долго сидел, опустив голову. Потом снова брал перо.

«А теперь ты у меня один остался», — сказал ему Васек.

«Но ведь я в глаза говорил ему, что он виноват. И завтра сам скажу, что статью написал. Как пионеру скажу... Он поймет, что иначе нельзя мне», — волновался Одинцов.

Уже несколько ребят спросили его в классе, какую статью он даст в стенгазету.

— Правду напишешь?

— Как всегда.

Одинцов вспомнил, что, ответив так ребятам, он перестал колебаться, но после этого никак не мог подойти к Трубачеву и ушел домой, не попрощавшись с ним. И всю дорогу в мыслях его что-то двоилось, путалось. Трубачев стоял по одну сторону, а он, Коля Одинцов, — по другую. Ребята ждали от Одинцова правды и справедливости.

«Я спрошу его, как бы поступил он на моем месте, — волнуясь, думал Коля. — Он ведь тоже пионер, он не захочет, чтобы я из-за него пионерскую честь свою

запятнал».

Одинцов снова брался за перо:

«...Когда Трубачев выходил, к нему бросился Малютин и сказал: «Трубачев, ты виноват». Трубачев схватил Малютина за плечо и сильно толкнул его...»

Подумав, Одинцов зачеркнул слова «схватил» и «сильно». Вышло так: «Трубачев взял Малютина за плечо и оттолкнул его...»

— Почти одно и то же... — прошептал Одинцов и перешел к следующему происшествию:

«...А потом Мазин за что-то ударил Русакова, и оба спокойно вышли из класса. Редакция надеется, что Трубачев, как пионер и товарищ, поймет, что он сделал нехорошо, и как-нибудь помирится с Булгаковым».

* * *

Васек притих. Он вдруг понял, что всех обидел: и тетку, и Сашу, и Севу Малютина, — что он перед всеми виноват. От этого на душе у него было тоскливо, и даже приезд отца не обещал ему радости. Случай на Сашином дворе не выходил у него из памяти. Он думал о Саше. Вспомнил, как они с Одинцовым звали его на каток, а он не мог пойти.

— «А ведь Сашке, конечно, трудно, а я еще попрекнул его. Он, верно, сразу того хулигана вспомнил... Такую обиду Саша не простит. Тетка тоже не простит. Она так заботилась обо мне, а я назвал ее ведьмой... Сева простил. Почему простил Сева — непонятно. Но Малютин вообще непонятный. Может, он трус и не хочет ссориться со мной? Нет, он не трус! Он даже, наоборот, как-то...»

Но как это «наоборот» — Васек не додумал.

Была суббота. После обеда собиралась редколлегия, вчера ребята давали заметки. Интересно, что написал Одинцов?

Вчера из самолюбия Васек не спросил его об этом, хотя сам Одинцов все время начинал с ним разговор о стенгазете. Видно, не знал, как писать, и хотел посоветоваться.

«Наверно, написал просто, что куда-то делся мел и дежурные поспорили между собой», — спокойно подумал Васек.

— Тетя Дуня, мне в школу на собрание нужно.

Тетка молча накрыла на стол. Она все делала теперь молча. Васек слышал, как

вчера вечером она сказала Тане:

— Он меня обидел, и я все ему буду делать официально.

Васек вздохнул: «Ну что ж, я тоже официально буду...»

Глава 24. В землянке

Мазин перестал ходить на занятия к Трубачеву. С одной стороны, его мучила история с мелом и он чувствовал себя виноватым перед Васьком. С другой стороны, после злополучного урока он решил подтянуть Русакова и сам превратился в учителя, пригрозив Петьке, что будет считать его последним человеком в Советском Союзе, если он не научится отличать подлежащее от сказуемого и глагол от имени существительного.

Русаков сам понял, что ему никуда не деться от грамматики, и согласился заниматься.

Он хорошо знал, что если Мазин за что-нибудь берется, то «дело будет».

Занимались в землянке. Пообедав, порознь выходили из дому и окольными путями шли к пруду. Ноги проваливались в глубокий, рыхлый снег, вода доходила до щиколотки, пробираться к старой ели было трудно, но зато в землянке было сухо и уютно.

Мальчики отгребли от входа снег и прорыли вокруг глубокие канавы, чтобы дать сток воде. Усевшись поудобнее на мешке, они зажигали коптилку и начинали заниматься. Еще до урока Петя успевал рассказать товарищу тысячу новостей. Уже две недели в их доме жила молодая женщина, которую он называл мачехой. Мачеха пугала и интересовала Петю. Он всегда ждал от нее каких-нибудь неприятностей и рассказывал Мазину:

— Такую пыль в доме подняла! всю мою кровать вверх тормашками перевернула. И чего ей там нужно было?

— Клопов, — изрекал Мазин.

— Может, конечно... А потом, смотрю, на мой стол чернильницу отцовскую поставила, ручку у отца сперла.

— Это что еще за слово у тебя? Говори по-русски.

— Ну, стащила...

— Смотри у меня! А то подумают — я тебя научил, — выговаривал Мазин.

— Ладно, — соглашался Русаков, — пускай стащила... Она вообще нас с отцом не различает: что ему, то и мне! — вдруг похвалился он.

— Различит, когда за ремень возьмется, — поддразнил его Мазин.

— Она сама не возьмется. Отца подучать будет... Она мне вот что один раз говорит: «Петя, может, ты за хлебом сегодня сходишь?» Видал? Думает прислужку из меня сделать!

— А ты хлеб ешь?

— Ем.

— Не ешь, — серьезно сказал Мазин.

— Почему это?

— Потому что она подумает, что ты из нее прислужку хочешь сделать.

Петя засмеялся.

— Ты всегда придумашь чего-нибудь... А мне бы только одно наверняка знать: добрая она или злая? — задумчиво сказал он. — Почему это нельзя сразу человека узнать?

— Узнать, пожалуй, можно, — протянул Мазин.

— А как? — заинтересовался Русаков.

— Принеси ейдохлую кошку.

— Совсемдохлую?

— Не совсем...наполовину... чтобеще мяукала... Или собаку. Одно из двух.

— И что?

— И посмотри: выкинет она ее или накормит. Кто любит животных, тот добрый человек, а кто их не жалеет, тот сам дрянь! — объяснил Мазин.

— Это верно... А где же мне эту самуюдохлую кошку взять? Если поймать да заморить какую-нибудь? — сморщившись, сказал Петя.

— Ну, и будешь сам дрянь, — отрезал Мазин.

— Ну вот... а говоришь... Легче уж совсем дохлую достать, так ту и жалеть нечего, раз она уже все равно скончалась... А так... все кошки толстые, — припоминая всех знакомых кошек, говорил Русаков.

— Ну ладно! Выбрось все это из головы. Садись. Говори честно: чего знаешь и чего не знаешь?

— Что ты не знаешь, то и я не знаю, — расхрабрился Русаков.

— Ну-ну! Я не знаю — так догадаюсь, — важно сказал Мазин. — Тебе со мной не равняться. А по правде, обоим подтягиваться нужно. Скоро экзамен. Придется как-никак поработать.

Ребята взялись за учебу.

Положив на колени учебник, Мазин экзаменовал Русакова, тут же проверяя и свои знания.

Когда оба начинали скучать, Мазин говорил:

— Последнее предложение: «Коля стукнул Петю по шее». Разбирай.

— Нет, ты разбирай: «Русаков положил Мазина на обе лопатки».

— Раньше положи, — говорил Мазин, обхватывая товарища поперек туловища.

Начиналась борьба. Со стен летели пугачи и рогатки, мешок с сеном трещал по всем швам.

Ужинали порознь. Каждый у себя дома. Последнее время Петя стал разборчив в еде. Ворону пришлось выбросить, мороженую рыбу пустили в пруд на съедение ракам.

— Знаешь, Мазин, это кушанье как-то не по мне, — сознался товарищу Петя.

— А какие еще фрикадельки тебе нужны? — ворчал Мазин, очищая котелок от вороньих перьев.

Ложась спать, Мазин размышлял о жизни: «Учиться хорошо можно. В конце концов это не такое трудное дело. Отвиливать, пожалуй, труднее».

И он сразу решил за себя и за Русакова — хорошо подготовиться к экзаменам. История с мелом тоже повлияла на Мазина.

«В общем, все из-за одного лодыря вышло. Знай Петька грамматику — я бы не стащил мел. Не стащи я мел — Трубачев не поссорился бы с Булгаковым, вот и

все... А какие товарищи были Васек и Саша! Трубачев и сейчас за Булгакова вступился, когда я сказал, что Сашка нюни распустил... Гм... А в общем, какая это дружба! Из-за одного куска мела все вдребезги! Я бы так Петьку не бросил. Эх, жизнь!»

Мазин был благодарен Трубачеву за помощь по географии. Бывая у Васька в доме, он сблизился с ним и привык к нему, а поэтому всю вину перекладывал на Сашу, да еще в самой глубине сердца сознавал и свою вину, которую, в свою очередь, перекладывал на Русакова, и, не в силах разобраться в этой путанице, засыпая, говорил:

— Эх, жизнь!

Глава 25. «Совершенно точно»

Васек торопился. На втором этаже школы, в пионерской комнате, окна были освещены.

«Работают уже!.. Скорей надо! Сегодня Белкин переписывает, наверно».

— Иван Васильевич, Митя пришел? — спросил он, пробегая мимо Грозного.

— Нет еще... Сергей Николаевич в учительской, — сообщил Грозный.

«Эх, а я опоздал!» — подумал Васек и, пробежав быстро по коридору, открыл дверь в пионерскую комнату.

Одинцов стоял посреди комнаты, держа в руках аккуратно исписанный листок. Ребята окружали его тесным кольцом. Увидев Васька, кто-то тихо сказал:

— Трубачев!

Все лица повернулись к Трубачеву. Одинцов тоже обернулся и машинально спрятал за спину листок.

Трубачев посмотрел ему прямо в глаза. Потом медленно протянул руку:

— Это про меня? Дай!

Одинцов, бледный, но спокойный, передал ему листок.

— Я не мог иначе... — сказал он.

Васек пробежал глазами статью. Она пестрела его фамилией.

— Совершенно точно, — сказал он, криво усмехаясь и возвращая листок. —

Совершенно точно... — повторил он и при общем молчании вышел из комнаты.

— Трубачев! — упавшим голосом позвал Одинцов. — Ребята, что же вы! Остановите его!

— Трубачев! Трубачев! — понеслось по коридору.

— Митя! Где Митя? — волновались ребята.

Саша Булгаков подошел к Одинцову и сел рядом с ним.

— Ты не из-за меня написал? — спросил он, моргая ресницами.

— Нет, я просто правду написал! — Одинцов поднялся. — Белкин, переписывай!

Ребята зашевелились, задвигались, горячо обсуждая случившееся.

Мнения разделились: одни обвиняли Одинцова и говорили, что он не должен был подводить товарища; другие защищали Одинцова.

— Он не имел права иначе! Он поступил честно! — кричали они.

В пионерскую комнату вошел Сергей Николаевич. Он просмотрел стенгазету и прочел статью Одинцова. Ребята стояли понурившись, работа шла вяло. Все ждали, что скажет учитель.

Сергей Николаевич подозвал Одинцова:

— Это с Трубачевым ты просил посадить вас вместе?

— Да, с Трубачевым и Булгаковым.

— Закадычные друзья? А кто же больше друг — Булгаков или Трубачев? — спросил учитель, не глядя на Одинцова.

— Оба, — сказал Коля, мучительно краснея.

Сергей Николаевич положил руку на его плечо:

— Бывают, Одинцов, трудные положения у человека. Но если справедливость требует, то... ничего не поделаешь... — он улыбнулся, — надо себя преодолеть!

В комнату вошел Митя.

— Вы давно здесь? — спросил он, вытирая платком мокрые волосы. — Какая-то труха с неба сыплется... Ну как? Познакомились с материалом?

— Познакомился, — сказал учитель, подвигая ему статью. — Тут много

интересного.

Митя быстро пробежал глазами статью.

— Ого! Одинцов пишет про Трубачева! Это новость! — Он вскинул на учителя глаза. — Д-да... Не ожидал от Трубачева. Ведь он председатель совета отряда. Придется поговорить.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Обязательно!

— О чем они? — шепотом спросил у Одинцова Саша. Он чувствовал себя неловко и, когда Сергей Николаевич смотрел в его сторону, готов был провалиться сквозь землю.

— Не знаю, они между собой говорят... Им тоже неприятно все это.

Когда Сергей Николаевич вышел, ребята бросились к Мите и, перебивая друг друга, стали рассказывать, что Трубачев прочитал статью и ушел.

— Экий недисциплинированный парень! Никакой выдержки нет. Придется с ним поговорить по-серьезному.

— Ну что ты, Митя, он же председатель совета отряда!

— Тем более должен знать дисциплину! — нахмурился Митя, подвигая к себе статью и перечитывая ее снова.

Читая, он вскидывал вверх брови, всей пятерней расчесывал волосы и задумчиво глядел куда-то вбок. Потом щелкнул пальцами по столу и весело, по-мальчишески спросил:

— А куда же делся мел?

* * *

Васек не шел, а бежал, натягивая на ходу пальто. На крыльце он чуть не сбил с ног Грозного и далеко за собой оставил его окрик:

— Эй ты, Мухомор, куда?

Пробежав школьную улицу, он наугад свернул в первый попавшийся переулок и оглянулся.

Кончено.... Кончено... Одинцов не товарищ... Одинцов осрамил его перед учителем, перед Митей... Одинцов не подумал, что Васек — председатель

совета отряда, не пожалел товарища...

Васек покачал головой: «Теперь у меня никого нет... ни Одинцова, ни Саши...»

Он вспомнил Малютина, Медведева, Белкина и других учеников своего класса. Никогда не заменят они ему прежних товарищей. На всю жизнь теперь он, Васек Трубачев, остался один.

Мягкий снег сеялся сверху на серые лужи, на черные островки сырой земли, на Васька Трубачева.

А он все шел и шел, низко наклонив голову, как человек, который что-то потерял и безнадежно ищет.

* * *

О заметке Одинцова и о том, что Трубачев сам не свой выбежал из пионерской комнаты, Мазин узнал от Нюры Синицыной. Она встретила его с Русаковым на улице и спросила:

— Не видели Трубачева?

— Нет. А зачем тебе? — поинтересовался Мазин.

— Он, наверно, на редколлегии, — сказал Русаков.

— В том-то и дело, что он сейчас выскочил оттуда как угорелый. Ой, что было! Одинцов нам статью читал, а Трубачев вдруг вошел!

— Какую статью? — насторожился Мазин.

Нюра, захлебываясь, стала рассказывать.

— Когда это было? — схватил ее за руку Мазин.

— Да вот, вот... сейчас! Я за ним, а его уже нет. Я звала, звала... прямо чуть не плакала...

Мазин повернулся к Русакову:

— Иди домой.

— Я с тобой, — бросился за ним Петя.

— Кому я сказал! — прикрикнул на него Мазин и быстрым шагом пошел к дому Трубачева.

В голове у него зрело какое-то решение, но какое — Мазин еще не мог сообразить. Он знал только одно: наступило время действовать. А как? Сознаваться в том, что он утащил мел? Этого Мазину не очень-то хотелось. Он надувал свои толстые щеки, изо всех сил стараясь придумать что-нибудь такое, чтобы самому выйти сухим из воды и выручить Трубачева. Голова работала плохо.

Мазин хмурил лоб и размахивал руками.

Потолкавшись на улице около дома Васька, он заглянул в окно.

В кухне Трубачевых горел свет.

Мазин прошелся по двору, подождал. Потом легонько дернул звонок.

— Васек еще не приходил, — сказала тетка. — Он в школе на собрании.

Мазин снова вышел на улицу. Мокрый воротник прилипал к шее.

— Одно к одному, — сказал Мазин, мрачно поглядев на тучи. — Еще и небо расхныкалось...

Он отломил от водосточной трубы сосульку, засунул ее в рот и, прислонившись к забору неподалеку от дома, стал ждать.

«Первым долгом выручить Трубачева, вторым долгом выкрутиться самому... Петьку вообще выгородить», — соображал он, острыми глазами всматриваясь в каждую темную точку, возникавшую в свете уличного фонаря.

Он не сразу узнал Трубачева. Васек, не думая, что кто-нибудь из товарищей видит его, плелся понурив голову, озябший, вымокший под дождем.

Когда Мазин окликнул его, он испуганно оглянулся и, желая скрыться, прижался к забору.

«Так вот оно что!» — снова неопределенно подумал Мазин, подходя к нему, и, чтобы дать товарищу время прийти в себя, небрежно сказал:

— Промок я тут, как черт... Где тебя носит?

«Не твое дело», — хотел ответить Васек, но замерзшие губы не повиновались ему.

Он сплюнул в сторону и вызывающе посмотрел на товарища. Но Мазин сплюнулв другую сторону и взял его за пуговицу пальто.

— Дело есть, — сказал он, кашлянув в кулак. — Ты на эту заметку плюнь. Мы тебя выручим, понятно?

Привыкнув во всем действовать сообща с Русаковым, Мазин не заметил, что сказал «мы».

Васек тоже не заметил этого. Его удивило лицо Мазина. Мокрое от дождя, с узкими карими глазами, оно было виноватым, ласковым, и даже голос был необычным для Мазина, когда он повторил:

— Ты брось. Не обращай внимания... Иди спать ложись как ни в чем не бывало... Ну, иди...

Васек, ослабевший от горя, усталый и прозябший, не сопротивлялся.

А Мазин, обняв его за плечи и легонько подталкивая к дому, говорил:

— Придешь — и ложись... Накройся с головой и не думай. Мы тебя выручим.

Он подвел Трубачева к двери, сам дернул звонок:

— Ну, прощай!

— Подожди! — Васек выпрямился. — Мазин... Я ничего не боюсь... я... — Голос у него прервался, он отвернулся и обоими кулаками забарабанил в дверь.

— Ну, бояться еще... Мы им... знаешь... — смущенно пробормотал Мазин.

По лестнице застучали шаги. Дверь открылась.

Мазин засунул руки в карманы и вышел за ворота. Редкие прохожие оглядывались на одиноко шагавшего мальчугана и качали головами.

Сдвинув на затылок шапку и расстегнув навстречу ветру пальто, Мазин шагал посреди улицы и громко пел:

Человек проходит, как хозяин...

Он хорошо знал теперь, что он сделает, и совесть его была чиста.

Глава 26. Петя Русаков

У ворот беспокойно вертелся Русаков. Он то поглядывал на свои окна, опасаясь,

что вот-вот из форточки высунется отец и крикнет сердитым голосом: «Петя!», то выбегал на длинную улицу, боясь пропустить Мазина.

Ему необходимо было дождаться товарища. Еще ни разу не было такого случая, чтобы Мазин ушел куда-нибудь один, не посвятив в свои планы верного друга.

«К Трубочеву пошел! — догадывался Русаков. — Неужели про меня скажет?»

Услышав голос товарища, Русаков бросился к нему навстречу.

— Ты что, Колька, на всю улицу орешь?

Мазин спокойно допел до конца строчку «Где так вольно дышит человек». Петя с любопытством посмотрел на него.

Мазин усмехнулся:

— Слушай, я завтра при всех ребятах скажу, что мел стащил я.

— Скажешь?

— Скажу.

Русаков сморщился.

— Что, испугался? — насмешливо сказал Мазин. — Не пугайся, я не про тебя, а про себя скажу.

— Да зачем?

— А затем, что из-за нас Трубочев страдает. Из-за этого проклятого мела про него статью написали. Вся школа читать будет. Что же еще молчать-то!

— Да ведь статья из-за драки!

— А драка из-за чего? Из-за чего драка, я тебя спрашиваю?

— Из-за мела, — грустно сказал Русаков.

— Из-за мела. Что ж, я молчать буду?

— Лучше бы молчал, — нерешительно сказал Русаков.

— Что?! — Мазин приблизил к товарищу сердитое лицо. — Похож я на свинью, по-твоему?

Русаков бегло взглянул на выпяченные губы товарища, на короткий розовый нос с каплями дождя на широкой переносице, на щелочки глаз и, запинаясь,

ответил:

— Да... нет!

— А если я не свинья — значит, я человек, — решил тут же Мазин. — А ты трус!

— Я не трус! — вспыхнул Русаков. — Я тоже ничего на свете не боюсь!

Мазин медленно повернул голову и выразительно посмотрел на окна Петинной квартиры.

— Отца, думаешь, да? — заволновался Петя.

— А то нет? Ты только за себя трясешься. Тебе и товарища не жалко. Трубочева в газете протащили. С первой строки до последней все его фамилия только! Эту фамилию теперь по всей школе трепать будут, а ты... эх, испугался! Как бы отец не узнал! — с презрением сказал Мазин и, отстранив Петю с дороги, пошел к дому. — И чего я только дружу с тобой? — с горечью спросил он, оглянувшись на Русакова.

Петя молчал, яростно обгрызая свои ногти.

— Вынь пальцы изо рта! И подумай о себе... — сказал Мазин, осторожно поднимаясь на цыпочки и заглядывая в окошко первого этажа. — Мама, открой!

Когда Мазин ушел, Русаков глубоко вздохнул и поплелся домой. Он был уже у крыльца, когда свет в его окнах мигнул и погас. Вместо него на занавеске зажелтел тоненький огонек.

«Потушили. Спать легли! — с ужасом подумал Петя. — Ну, теперь будет мне. Сколько раз отец говорил, чтобы я нигде не шатался...»

Дверь оказалась незапертой. Стараясь не шуметь, Петя прикрыл ее за собой, осторожно повернул ключ и на цыпочках прошел через кухню в первую комнату. За ширмами белела его кровать. Он тихонько разделся и накрылся с головой одеялом.

«Притворюсь, что сплю, — тоскливо думал он. — Может, отец до завтра отложит».

Из второй комнаты дверь была приоткрыта. Там горела ночная лампочка и слышались голоса. Сердитый бас отца заглушался тихим, спокойным голосом мачехи — Екатерины Алексеевны. Петя приподнялся на локте и прислушался. Но слов не было слышно. Потом скрипнула дверь. Петя упал на подушку и, стараясь ровно дышать, крепко зажмурил веки. Екатерина Алексеевна, в мягких

туфлях, со свечкой в руке, заглянула за ширму.

— Он спит, — шепотом сказала она, прикрывая рукой свечу и возвращаясь к отцу. — Видишь, он спит!

— Знаю я его штучки! Спит! Нашел кого обманывать! — загремел отец.

Кровать затрещала под его грузным телом. Петя съежился в комочек.

— Григорий, я тебе последний раз говорю... я тебе серьезно говорю! — раздался взволнованный голос. — Если ты когда-нибудь тронешь его хоть пальцем, ноги моей не будет в твоём доме. Я знать тебя не хочу! Я тебя возненавижу, понимаешь?

— Да что ты волнуешься, на самом деле? Что, я его хоть раз пальцем тронул? Все только обещаю... А следовало бы разок проучить!

— Гриша, никогда я не позволю...

— Ну-ну, не волнуйся, Катюша! — снисходительно усмехнулся отец.

— Я не волнуюсь, а просто сейчас же уйду. И я не шучу, ты знаешь.

— Да замолчи ты! Сказал — не буду! — рассердился отец. — Но уж если он пакости какие-нибудь будет делать, справляйся с ним сама.

— И справлюсь! У тебя помощи не попрошу.

Петя с широко открытыми глазами сидел на постели и слушал.

«Не выдержит он — побьет меня когда-нибудь... И она уйдет... уйдет... уйдет... — с отчаянием думал он, зарываясь в подушку и обливая ее горячими слезами. — Не буду я один здесь жить! Не буду без нее...»

* * *

Утром Петя проснулся рано и сразу вспомнил вчерашнее.

«Так вот она какая! — думал он про мачеху. — Надо сейчас же Кольке рассказать!»

Он вскочил, оделся и побежал на кухню. Екатерина Алексеевна пришла со двора с пустым ведром.

— Колонка испортилась, — сказала она соседке. — Теперь, пока починят, насидимся без воды.

— Я принесу. Я знаю где! — радостно сказал Петя, хватая пустое ведро.

— Колька! Колька! — забарабанил он в окошко Мазина. Тот отодвинул занавеску и просунул в форточку заспанное лицо:

— Выпороли?

— Наоборот. Она не дала, — прижимая к груди ведро, сообщил Петя.

— Ну?

— Вот тебе и «ну»! Так его пугнула, что держись!

Русаков, оглядываясь во все стороны, передал товарищу подслушанный вечером разговор.

— Так вот оно что... — поднимая брови, протянул Мазин.

Он сидел на подоконнике в одной рубашке, с всклокоченной головой.

— А чего же тебя черти чуть свет по двору носят? Я думал, ты после порки бегаешь, — зевая, сказал он.

— Нет, я с ведром... Как бы не увидели нас вместе, — забеспокоился Петя. — Я пойду, Мазин.

— Ну, иди! А я поплю еще, — задерживая занавеску, сказал Мазин.

Петя побежал по улице.

«Где еще колонка есть, — припоминал он, — или водопровод?»

Колонки поблизости не было.

«В школе! — вдруг вспомнил Петя. Школа была недалеко от их дома. — Легче всего там! Еще рано, ребят нет, а Грозному скажу — отец послал».

Крыльцо было чисто вымыто дождем. На перилах висели половики из раздевалки. Где-то в классах грохотали передвигаемые парты. Слышно было, как Грозный выговаривал уборщице, что она плохо моет пол под партами.

Петя пробрался в умывалку, открыл кран и подставил ведро. Вода текла медленно.

«Сбегаю пока, посмотрю, повесили уже газету или нет», — решил Петя.

В коридоре у классной двери висела новая газета.

«Повесили!»

Петя на цыпочках подошел к ней. Статья Коли Одинцова под жирным заголовком «Жизнь нашего класса» действительно пестрела фамилией Трубачева.

«Вот свиньи! Ну свиньи! — возмутился Петя. — Написали бы: «один мальчик», а то полную фамилию напечатали».

Он вдруг хлопнул себя по лбу, вытащил из кармана химический карандаш, плюнул на ладонь и не раздумывая жирно замазал фамилию Трубачева, потом оглянулся и бросился бежать.

«Вот Мазин обрадуется! Скажет: молодец ты, Петька! — ликовал он, расплескивая себе на ноги воду и сгибаясь под тяжестью ведра. — И как это мне повезло так! Даже Грозный меня не видел».

По дороге он встретил Екатерину Алексеевну.

— Куда ты бегал? Уже в нашей колонке вода пошла. Иди скорей, поешь и в школу собирайся. Я сейчас приду.

«Пока она придет, я ей полным-полно воды натаскаю. На три дня!»

Петя перелил воду в бак, схватил второе ведро и побежал к колонке.

* * *

Мазин взял книги, вышел во двор и тихонько свистнул. Никто не откликнулся.

«Ушел без меня, видно! Не опоздать бы мне», — забеспокоился Мазин.

К забору подошла молодая женщина в меховой шубке и теплом платке.

Мазин сорвал с головы шапку и широко раскрыл перед ней калитку. Он узнал Петину мачеху.

Глава 27. Подозрение

В коридоре около газеты толпились ребята. Через их головы испуганно выглядывали девочки.

— Кто же это? Кто же это? — слышались взволнованные голоса.

— Жирно замазал!

— Одну только фамилию!

— Специально!

— Ох, и попадет за это!

— Одинцов, видел? Пропала твоя статья!

— Не нужно было писать ее!

— Эх, ты, испугался! «Не нужно писать»!

Одинцов молча кусал губы. Лида Зорина черными тревожными глазами об — водила все лица:

— Неужели это кто-нибудь из нашего класса?

Синицына, расталкивая всех, вынырнула из кучи ребят:

— Ой, девочки! Когда же это он сделал?

— Кто «он»? — сердито прикрикнул на нее Одинцов. — Ты знаешь? Держи язык за зубами!

— Фу! Чтой-то мне держать язык за зубами! Это ты бы не расписывался в своей заметке. А то Трубачев! Трубачев! Трубачев! — съязвила она. — Сам на своего товарища написал!

— Не твое дело! Уходи отсюда!

— И пойду... Скоро звонок. Мое дело маленькое. Кто замазал, тот и отвечать будет. Не хотела бы я быть на его месте!

— А я не хотела бы быть на твоём месте, Синицына, — тихо сказала Валя Степанова, складывая под подбородком ладони и крепко зажмуривая веки. — Ни за что, ни за что не хотела бы я быть на твоём месте!

— Скажите, какая артистка нашлась! «Ни за что! Ни за что»! Почему это? — передразнила ее Синицына.

— Потому что ты говоришь, как чужая, — твердо сказала Валя Степанова.

- «Чужая»... — протянула Синицына, глядя на нее злыми глазами. — А ты своя?
- Она своя! Она наша! — крикнула Надя Глушкова. — И потому ей всех жалко. А тебе никого не жалко.
- А кого мне жалеть? Вот еще! Не надо было фамилию замазывать! Я за других не отвечаю. И нечего ко мне придирааться.
- Да кто к тебе придирается? Отстань, пожалуйста! — с досадой отмахнулась Валя Степанова.
- Ладно, ладно! Я все понимаю... И насчет стихов тогда придрались. Завидуете мне — вот и все!
- Завидуем? — Девочки удивленно переглянулись.
- Да, завидуете! А больше я ничего не скажу! И кто замазал — не скажу! — крикнула Нюра.
- Синицына, на кого ты думаешь, говори прямо! — подбежала к ней Зорина.
- На кого думаю? Это мое дело! — сказала Синицына, уходя в класс.
- Бормочет какие-то глупости, — пожала плечами Валя.
- Я знаю, про кого она говорит, — хмуро сказал Медведев, поглядев вслед Синицыной. — Ладно, Митя скорей нас разберется! А я прямо скажу: довели человека до зла. Одинцов не имел права...
- Нет, имел!
- Если дружишь, так не подводи товарища, вот что!
- Одинцов звеньевой... да еще редактор!
- А Трубачев — председатель совета отряда!
- Ну и пропал он теперь!
- Девочки собрались в кучку и шепотом разговаривали между собой.
- Лучше прямо сказать, чем за глаза, — слышался взволнованный голос Лиды Зориной.
- Конечно, это обидно... Надо прямо спросить, — соглашалась с ней Степанова.
- Нет, нет! Не надо! Лучше подождать. Он и сам сознается, если это он! —

горячо возражали им девочки.

В коридоре показался Мазин.

Он замедлил шаг, нагнул шею, крепкой головой раздвинул ребят и уставился на газету. Потом поднял руку, почесал затылок, глубоко вобрал воздух, шумно выпустил его и, глядя себе под ноги, сказал:

— Эх, жизнь!

И тут только заметил Петю Русакова.

Петя стоял в сторонке и растерянно улыбался товарищу. Но Мазину было не до него.

— Трубачев пришел? — шепотом спросил он.

— Нет еще.

Мазин сел за свою парту: «Если сейчас сказать про мел? Не поможет Пропадет заряд... Как же это он? Сгоряча, верно... Эх, ты!.. Что же теперь делать-то? Я же ему сказал: выручу, а он давай фамилию черкать. А теперь вовсе каюк будет...»

Мазин встал и, засунув руки в карманы, направился к Одинцову.

Коля Одинцов, окруженный кучкой ребят, горячо спорил с кем-то:

— А если товарищ мой человека убьет, я тоже молчать должен?

На лбу у него выступили капли пота, лицо было серое, нос заострился.

Мазин взял его за локоть:

— Ты это ладно... потом объяснять будешь. А сейчас давай-ка... сними статью. Пусть Белкин заново переписет. Одинцов повернулся к Мазину.

— Ты это что, с ума сошел? — заикаясь, спросил он.

— Нет еще, не сошел. Это ты... — Мазин с презрением посмотрел прямо в лицо Одинцову, но сдержался и только глухо сказал: — Давай Белкина!

— Мазин, ты что, еще хуже хочешь сделать? — стискивая зубы, сказал Одинцов.

— Все обманом? А пионерская честь у тебя где?

— Эх ты, пионер! Пионер — это товарищ, а ты кто? — остро поблескивая глазами, сказал Мазин.

В класс вбежал Саша. Он кого-то искал.

— Одинцов! Одинцов!

— Булгаков, видел? — подбежали к нему ребята.

— Видел... Где Одинцов?

— Саша! — Одинцов спрыгнул с парты и подошел, к товарищу.

Саша крепко сжал его руку:

— Там фамилия зачеркнута.

Одинцов усмехнулся.

— Ты думаешь, это он? — шепотом спросил Саша.

Одинцов кивнул головой.

— Что же будет, Коля? Ведь это же... совсем уже... — Саша запутался в словах.

— Наверно, на сборе вопрос будет...

Саша умоляюще взглянул на Одинцова.

— Я не знаю, что делать, Саша... Понимаешь, он, верно, сгоряча, со зла, что ли, — с отчаянием сказал Одинцов. — Надо с Митей поговорить. Все равно он узнает.

— И Сергей Николаевич узнает. Вся школа будет знать, — с испугом сказал Саша и вдруг горячо зашептал: — Я с ним в ссоре, но это ничего не значит, я буду защищать его... Я скажу, что он хороший председатель, что ребята любят его. А ты, Одинцов?

— Я тоже, конечно! Надо просить, чтобы ему только предупреждение сделали в случае чего, понимаешь?

У Саши покраснели веки.

— Ему это ужасно... Он гордый очень.

В класс вошел Сева Малютин. В синей курточке с тугим воротником он казался очень тоненьким и бледным. На щеки его не то от длинных черных ресниц, не то от больших синих глаз ложилась голубоватая тень. Он оглянулся на чей-то голос и громко сказал:

— Это неправда! Он сам скажет всем, что это неправда! — Сева тяжело дышал, но голос у него был сильный и звонкий.

На минуту в классе все стихло.

— Ручаешься? — спросил чей-то насмешливый голос.

— Ручаюсь!

Надя Глушкова подбежала к Севе:

— Малютин, не спорь! Тебе нельзя...

Петя Русаков втянул голову в плечи и боком подошел к Мазину:

— Коля, мне нужно тебе сказать что-то...

Мазин даже не взглянул на него:

— Сядь на место, не до тебя мне!

Петя замолчал и тихонько сел на место.

«Сказать или не сказать Мазину? Ведь я же лучше хотел сделать! Я же не знал, что так выйдет, — тоскливо думал он, искоса поглядывая на Мазина. — Пусть лучше он меня по шее стукнет!»

Он снова близко придвинулся к другу:

— Мазин, слушай...

— Ты что лезешь ко мне? У меня и так в голове все вверх тормашками! — повернулся к нему Мазин. Лицо у него было красное, сердитое.

«Потом скажу, — решил Петя. — Сейчас он, верно, придумывает что-то».

Мазин не придумывал, он думал: «Дело пойдет дальше... вопрос поставят на сборе. Тогда я и про мел скажу. Честно. Из-за чего дело вышло».

В классе было очень шумно. Ребята кричали, спорили, нападали на Севу.

— Нам его не меньше твоего жаль! — кричал Медведев. — Но раз это он сделал, нечего на других тень наводить.

Лицо Севы вспыхивало от волнения, он часто кусал сухие губы:

— А я говорю, что это не он! Трубочев этого сделать не мог! Он не трус! И это

сделал не он!

— А кто же — ты? — крикнул кто-то из ребят и осекся.

Васек Трубачев остановился на пороге, откинул со лба волосы и встретился глазами со всем классом.

Стало очень тихо.

Васек посмотрел на Мазина: «Выручил, нечего сказать!» Он сел за свою парту и снова посмотрел на лица ребят: «Еще подумают, что это я сделал!»

Никто не говорил ни слова, никто не смотрел в его сторону. Молчание было так тягостно и напряженно, что Лида Зорина не выдержала. Она поднялась с места и громко сказала:

— Трубачев! Мы хотим тебя спросить всем классом: кто зачеркнул твою фамилию в газете?

Мазин сделал Ваську предупреждающий знак бровями. Он хотел сказать: «Подожди сознаваться! Может, я еще что-нибудь придумаю».

Но Трубачев понял этот знак по-своему. Он вспомнил, как Мазин ждал его вечером у крыльца, какое было у него виноватое и трогательное лицо, и решительно ответил:

— Я не знаю, кто это сделал!

И вдруг ясно понял, что именно его, Васька Трубачева, подозревает весь класс в этом трусливом поступке. Он вспыхнул от новой неожиданной обиды, вскипел от злобы, но... посмотрел на Мазина и опустил глаза.

— Он! — тихо и отчетливо сказал кто-то на задней парте. Звонок заглушил эти слова, но Васек слышал их, и, когда Сергей Николаевич вошел в класс, он даже не поднял головы.

— Я знаю, что у вас большая неприятность, — сказал Сергей Николаевич, избегая смотреть на Трубачева. — Но сейчас мы ее обсуждать не будем. Такие вещи разбираются на пионерском сборе организованно, по-товарищески, сообща... А пока успокойтесь, и будем заниматься.

Он начал вызывать к доске.

В число вызванных попал Петя Русаков. Он ничего не боялся и даже был рад, что Сергей Николаевич вызвал его, так как считал, что хуже случившегося ничего уже не может быть. Кроме того, занятия в землянке действительно

укрепили его знания, и Русаков отвечал спокойно и уверенно. Сергей Николаевич остался доволен им.

Петя сел на свое место и толкнул локтем Мазина, ища его улыбки и одобрения. Но Мазин только с досадой пробурчал себе под нос:

— Давно бы так!

Он был занят Трубачевым. Васек несколько раз поймал на себе его внимательный взгляд и горько подумал: «Боится, что я его выдам... Эх, Мазин!»

Он хорошо понимал, что оправдаться, не выдав Мазина, ему невозможно, но о том, чтобы выдать товарища, совершившего этот поступок ради него, не могло быть и речи. И с каждой минутой камень на душе Трубачева становился все тяжелее.

Васек сидел тихо, не поднимая головы. Он знал, что все, не исключая Сергея Николаевича, думают, что это он, председатель совета отряда Васек Трубачев, зачеркнул из трусости свою фамилию в газете.

На перемене он ждал вопросов, шума, крика. Но один только Мазин подошел к нему и тихо, с сожалением сказал:

— Эх, сгоряча! Зря это...

Васек улыбнулся жалкой, растерянной улыбкой:

— Не бойся, Мазин...

После второго урока он потихоньку собрал свои книжки и шел из школы.

А в классе после его ухода стало тихо и тревожно, как в семье, когда кто-нибудь близкий внезапно тяжело заболел. У всех был один вопрос: что делать? И все чувствовали себя в чем-то виноватыми.

Уроки кончились. Школа быстро пустела.

Слышно было, как по коридорам с шумом пробежали ребята, хлопали двери, затихали голоса. Из четвертого «Б» расходились медленно и неохотно. Дольше всех оставались девочки. Окружив Лиду Зорину и Валю Степанову, они высказывали свои догадки и предположения, то осуждая Васька, то сочувствуя ему.

— Ой, девочки! Как ему теперь быть? — спрашивала всех Надя Глушкова.

— Он хотя бы нам-то сознался! Хотя бы нам-то! — кричала в ухо Зориной

девочка с толстым вязаным шарфом на шее.

— И куда он пошел? Вот так взял и пошел, — жалобно повторяла толстушка с красными щеками, затягивая ремни на книжках. — Мы бы тут что-нибудь придумали все вместе...

— Уж вы бы придумали! — передразнила ее Синицына. — Он только в класс вошел, как на него все глаза вылупили, как на зверя какого!

— Ничего не вылупили, а только смотрели!

— Вы всегда так! Нападете на человека... На меня тоже сколько раз нападали!

— Нашла с кем себя сравнивать — с Трубачевым! — возмутились девочки.

— Перестаньте! — остановила их Валя Степанова. — Мы с Лидой решили пойти к Мите.

— К Мите? Он уже ушел!

— Пойдемте тогда к нему домой!

— Верно! Правильно! Пойдемте все! Девочки гурьбой вышли из школы.

— Только вы не заходите, постоит во дворе, а то нас много, — предупредила Лида.

Митя жил далеко. Было сыро и холодно. В мокрых варежках зябли руки. Резкий ветер трепал платки и шапки, забирался под воротники.

Быстро наступали сумерки. Разговор становился тише. На одной из улиц несколько девочек повернули к себе домой.

— Все равно всем нельзя войти... А на дворе стоять холодно...

— Я боюсь, меня мама заругает!

— А я, девочки, очень кушать хочу! — созналась толстушка.

— Идите, — отпустила их Лида.

Надя Глушкова долго не решалась уйти и, уткнув в муфту красный, замерзший нос, плелась рядом.

— Иди домой, Надя, — говорила ей Степанова. — Ты совсем замерзла.

— А вы как же?

Она долго смотрела им вслед.

Нюра Синицына шла до самого дома Мити.

— Нюра, ты не ходи! — строго сказала ей Лида. Синицына осталась ждать во дворе. Засунув в рукава пальто красные пальцы и постукивая замерзшими ногами, она вытягивала шею, заглядывала в освещенное окно Митиной комнаты и прохаживалась мимо крыльца.

Митина мама, невысокая женщина, открыла девочкам дверь:

— Нету, нету Мити! Вон товарищи у него сидят. Они небось знают... Где у вас, ребята, Митя-то? Девочки спрашивают.

За столом два Митиных товарища играли в шахматы.

— Он в клубе. А чего надо-то? — лениво пробасил один. — Мы сейчас туда пойдем, можно передать.

— А в чем дело, девочки? — весело спросил другой, отодвигая шахматы.

— Мы из школы. Митя наш вожатый... — смущенно начала Лида.

— А, из школы! Ну, говорите!

Девочки замялись:

— Нам с Митей нужно...

— Да постойте! Сядьте-ка!

Товарищи придвинули девочкам стулья. Лида и Валя присели вместе на один стул.

— Может, у вас случилось что? Набедокурил кто-нибудь? Говорите начистоту! Ну, кто посмелее?

— Мы не боимся... — начала Валя.

Лида поспешно перебила ее:

— Ничего у нас не случилось! И никто не бедокурил! Ничего подобного! — Лида дернула тесемки меховой шапки и глядела прямо в глаза. — У нас вообще... Вот пусть Валя скажет...

Валя встала:

— Наша школа самая лучшая... (Товарищи незаметно толкнули друг друга.) А к Мите мы по одному делу... Пойдем, Лида! До свиданья!

Она потянула за собой подругу.

— Ах, ах, в эдакую погоду!.. — закрывая за ними дверь, сокрушалась Митина мама.

Девочки вышли на крыльцо.

— Я так боялась, что ты скажешь, — зашептала Лида.

— Ну что ты! Про свой класс?.. Мити нет, — сказала Валя Синицыной.

— Куда же теперь?

Девочки стояли на улице. В домах уже зажглись огни.

— Если нам прямо к Трубачеву пойти, — предложила Валя.

— Нет! Там у него тетя... она ничего не знает, — протянула Лида.

— Домой к Трубачеву? — Синицына замахала руками. — Вы с ума сошли! Да он нас выгонит! Он злой сейчас...

— «Злой, злой»! — с раздражением оборвала ее Лида. — Ты всегда о людях плохое говоришь! Ты сама злая!

— Почему... я злая? — растерялась Синицына. — Я ведь как лучше хочу. Я ведь...

— Она запнулась и вдруг со слезами закричала: — Вы всегда на меня нападаете! Я у вас и злая и чужая! Ну и не надо! Идите сами, когда так!

Она повернулась и быстро побежала по улице.

— Ну и лучше, — неуверенно сказала Лида. (Валя молчала.) — Она всегда так — закричит, закричит, как будто ее обидели...

Валя с укором взглянула на подругу:

— Она заплакала...

— Ну, заплакала... А так тоже нельзя — все ей прощать да прощать!

— Пойдем в школу, спросим: был Митя? — сворачивая за угол, сказала Степанова.

— Подожди... — Лида остановилась и, прикрыв от ветра глаза, оглянулась. — Может, еще догонит?

— Синицына? Нет!.. Пойдем скорее! У нас в детском доме сейчас ужин, наверно. Тетя Аня будет беспокоиться.

В школе Грозный встретил девочек не приветливо:

— Вы по какому такому расписанию являетесь?

— Иван Васильевич, Митя был?

— Был, был! Отправляйтесь по домам!

Прощаясь, Валя сказала подруге:

— Знаешь, не говори больше Нюре, что она злая. И я не буду.

На крыльце Лиду встретила мама. Она была в пальто и теплом платке.

— Ну, Лида, можно ли так делать? Я уж не знала, куда бежать.

— Ой, мамочка, сколько всего случилось в этот день! — прижимаясь к теплomu маминому платку, тихо сказала Лида.

А в большой спальне детского дома на кровати сидела Валя и, опираясь локтем на подушку, шепотом рассказывала что-то своей воспитательнице.

— Постой, постой! Кто это Трубачев и какая Синицына? — переспрашивала тетя Аня.

Глава 28. Мачеха

Петя Русаков избегал Мазина. Он не мог ни на что решиться. Он знал, что товарищу сейчас не до него, что он занят одной мыслью: как выручить Трубачева.

«И что ему Трубачев?» — ревниво думал Петя, но его самого грызло сознание своей вины перед Трубачевым.

После школы, когда они шли вместе, Мазин, что-то уточняя про себя, сказал загадочные слова:

— Сначала дурак, а потом трус...

Петя испугался и даже не стал спрашивать, что это значит, и успокоился только тогда, когда после долгого молчания Мазин добавил:

— Не похоже на Трубачева.

Значит, он думал не о Пете.

Дома Екатерина Алексеевна была одна.

— Давай скорее обедать, Петя. Я ужасно хочу есть, еле дождалась тебя!

— А вы бы обедали без меня.

— Я не люблю одна. Мой скорей руки и садись!

— А папа поздно придет? — чтобы выказать ей внимание, спросил Петя.

— Папа большую партию обуви сдает... спешил, нервничал утром, — озабоченно сказала Екатерина Алексеевна, наливая Пете суп. — Он ведь хочет везде первым быть, наш папа!

— А я сегодня хорошо по русскому ответил, — ни с того ни с сего сказал Петя.

— Да что ты! Вот порадуем отца, а то он все беспокоится... А по какому предмету у тебя плохо? Ты мне покажи — можно разделить на небольшие кусочки и подогнать понемножку, — просто сказала Екатерина Алексеевна.

Голос у нее был спокойный, серые глаза смотрели на Петю дружески-ласково. Петя понял, что она совсем не собирается говорить ему надоедливые и неприятные слова: лентяй, лодырь, неблагодарный... Он стал рассказывать, принес учебники. Про арифметику он сказал с гордостью:

— Это у меня хорошо. Я задачи любые решаю.

— А я, помню, как мучилась с ними, — засмеялась Екатерина Алексеевна. — Прямо плакала иногда!

Она стала рассказывать о школе, в которой училась, вспоминала разные случаи.

И Петя вдруг увидел, что она еще совсем не старая. Ему даже стало смешно, что она называется мачехой и что он мог ее бояться.

После обеда они вдвоем мыли посуду.

— Это твой товарищ, толстячок такой? — спросила Екатерина Алексеевна. — Я его во дворе видела. Хороший мальчик, приветливый такой, вежливый!

Петя удивился. Никто еще никогда не говорил так о его друге.

— Это Мазин! — гордо сказал он. — Я его позову как-нибудь, можно?

— Конечно. Комната большая — можете и почитать и позаниматься тут. И мне веселее будет.

— Может, сейчас его позвать? — обрадовался Петя.

— Когда хочешь! — расставляя в шкафу посуду, отозвалась мачеха.

Петя вышел во двор. По старой привычке, он сейчас же, немедленно передал бы Мазину весь этот разговор, но теперь у него на душе скребли кошки.

«Надо мне все обдумать самому, как быть. Если сознаваться, то сейчас, сию минуту... Хотя теперь уж все равно поздно... Надо было в школе...»

Петя не пошел мимо окон Мазина, он обогнул сарай и вышел на улицу с другой стороны двора, через старую калитку. Вдоль улицы бежал широкий мутный ручей. Петя вытащил из кармана обрывок бумаги, наverts его на щепку, пустил по ручью и пошел за ним. Мысли у Пети были невеселые.

«Если сказать Мазину, он скажет Трубачеву. А может, даже заставит сознаться перед всеми. Да еще трусом назовет и презирать меня будет. А на сборе, когда все узнают, скажут: чего молчал? И начнут прорабатывать... А там еще отца в школу вызовут... и отец...»

Петя похолодел. Щепка с размокшей бумагой давно уплыла с мутной, серой водой.

«Если бы отец выпорол где-нибудь... не дома, чтобы она не знала...»

Петя вспомнил ясные серые глаза Екатерины Алексеевны, их сегодняшний разговор об уроках, о Мазине.

Он вдруг представил себе, как она надевает свою шубку, повязывает пушистый платок и, не оглядываясь, бежит к двери.

И он, Петя, опять остается один на всю жизнь...

— Ты что в самую лужу залез? Вот мать тебе покажет за это! — проходя мимо, сказала какая-то женщина.

Петя пошел домой.

— Постой, у тебя в калошах вода хлюпает. Сними их в кухне. И ботинки сними, — сказала мачеха. — Да где ты болтался? На, мои шлепанцы надень! — Она бросила ему войлочные туфли и строго сказала: — Это не дело, Петя, так насмерть простудиться можно!

— А кому я нужен? — улыбнулся Петя.

— Такой глупый никому не нужен, — сказала Екатерина Алексеевна, присаживаясь с ним рядом и стаскивая с его ноги мокрый чулок. — А вообще никогда не смей так говорить! Не обижай папу и меня.

— Я не буду! — сказал Петя и тут же решил никогда, ни за что не сознаваться в своем поступке. Что бы ни было!

Глава 29. Надо посоветоваться

На тихой улице в маленьком домике с тремя окошками всегда далеко за полночь светился огонь. Люди, идущие на ночную смену, привыкли к этому огоньку, как привыкают к обычному уличному освещению. А когда огонь погасал, какая-нибудь соседка, зевая, говорила:

— Учитель свет погасил. Видно, дело к рассвету.

Сергей Николаевич сидел за своим письменным столом. Сбоку лежала горка журналов; под тяжестью книг сгибались полки; из портфеля выглядывала стопка тетрадей. Толстая книга с несколькими закладками лежала перед ним. Он медленно перелистывал ее, отмечая карандашом какие-то строчки, и, положив подбородок на скрещенные пальцы, думал.

Учитель учился.

Рядом, в маленькой комнатке, спал его старик-отец. Седая голова его покоилась в теплой ямке подушки, одеяло со всех сторон было заботливо подвернуто.

Было часов одиннадцать. Под окнами еще слышались шаги прохожих и обрывки фраз, когда Сергей Николаевич сел за свой письменный стол. Он перевернул несколько страниц книги своего любимого педагога Ушинского, отложил книгу

в сторону и долго сидел задумавшись.

«Готовых рецептов, видно, нет. В каждом отдельном случае свои причины и вытекающие из них действия... Правильное решение зависит от правильного понимания ребенка...»

Думая так, Сергей Николаевич машинально ставил на листе бумаги какие-то черточки, потом так же машинально написал три фамилии: Трубачев, Одинцов, Булгаков. Осторожно соединил их стрелками, потом зачеркнул Трубачева и поставил его отдельно. И, откинувшись в кресло, устало моргая и морща лоб, он стал решать про себя какую-то трудную задачу. Ответ на нее напрашивался простой: рассердился на статью и зачеркнул свою фамилию. Но этот ответ не удовлетворял учителя. Подавленный вид Трубачева тоже ни в чем не убеждал его.

— Нет, это не так просто... не так просто, — тихо говорил он себе, вспоминая Трубачева другим: с открытыми, смелыми глазами, с горящим, огненным чубом на загорелом лбу. Сергей Николаевич, ловил себя на особой симпатии к этому ученику. — Может, я невольно пытаюсь оправдать его, потому что он мне симпатичен больше других?

Лицо его стало строгим. Во всяком случае, мальчишке не хватает дисциплины. Ушел из класса, ушел с редколлегии.

Учитель нахмурился и протянул руку к стопке тетрадей. На одной из них было старательно выведено: «В. Трубачев». Тем же почерком чисто и старательно написаны целые страницы. Сергей Николаевич улыбнулся. Ему почему-то представилось, что когда Трубачев пишет, то обязательно высовывает кончик языка и болтает под столом ногой. И все же отличник... Самолюбивый. Умеет заставить себя заниматься. Пользуется авторитетом в классе. Выбран председателем совета отряда...

Мысли учителя снова возвращались к классной газете и зачеркнутой фамилии.

«Может, именно поэтому и сорвался, что самолюбив и горд? А может, это сделал кто-нибудь другой, например Одинцов, не выдержавший роли беспристрастного редактора?..»

Сергей Николаевич вспомнил Одинцова. Нет, бледный и расстроенный Одинцов не считал себя виноватым. В нем чувствовалось сознание своей правоты, несмотря ни на что... Булгаков?

Учитель тепло улыбнулся:

«Этот весь — раскрытая книга. Простая, искренняя душа. Все написано на его доброй, круглой физиономии».

В соседней комнате тихо и уютно тикали ходики. Они почему-то напоминали домовитого сверчка под теплой печкой.

Сергей Николаевич прислушался к дыханию отца.

«Надо бы чаще гулять ему, — озабоченно подумал он. — Если бы мне выкроить время как-нибудь после уроков и куда-нибудь пойти с ним».

Он вынул из кармана записную книжечку. Родительское собрание... Педсовет... Методическое совещание... Партийное собрание. Скоро учительская конференция.

Он закрыл книжечку и глубоко вздохнул: «Нет, гулять не придется. А эти дни вообще все заняты... Прежде всего трубачевскую историю надо распутать».

В окошко кто-то осторожно постучал. Сергей Николаевич увидел приплюснутый к стеклу нос и молодое встревоженное лицо.

Он помахал рукой и пошел к двери.

— Вы извините, Сергей Николаевич! Уже поздно, но такой случай... Я думаю, посоветоваться надо.

— Хорошо, Митя. Я ждал вас. Завтра сбор вы назначили?

— Ясно! — Митя пожал плечами. — Вот какая ерунда получается! Просто безобразие! Может, я сам виноват, Сергей Николаевич. Выдвинули мы такого неустойчивого парнишку, сделали его председателем совета отряда, а он черт знает что делает! — запальчиво сказал Митя, с шумом придвигая к столу табурет.

Сергей Николаевич показал на приоткрытую дверь в соседнюю комнату:

— Там у меня старик спит.

— Ой, простите! — шепотом сказал Митя. — Но я просто готов хоть сейчас бежать к этому Трубачеву.

Учитель улыбнулся:

— Подождите. Не принимайте скороспелых решений. Прежде всего нужно все хорошенько обдумать. Митя поднял брови и виновато улыбнулся:

— Это точно. Но тут случай такой, что просто голова кругом идет. На каждом сборе про эту дисциплину долбишь, долбишь... — Он махнул рукой и отвернулся. Потом вытащил клетчатый платок, шумно высморкался и с испугом покосился на дверь: — Ой, извините! Опять забыл...

— Постараемся разобраться вместе. Случай этот, может быть, очень простой, а может быть, и очень сложный. Его интересно обсудить на сборе. Если вы хотите, чтобы ребята что-нибудь прочно усвоили... здесь и дисциплина и всякие другие насущные вопросы... только не долбить! — Сергей Николаевич ближе придвинулся к Мите. — Только через подобные случаи, через опыт их собственной жизни, на ошибках, на хороших примерах... Вспомните себя, Митя. Поставьте себя на место Трубачева, Одинцова и других. — Сергей Николаевич взял Митю за руку. — Вожатый — это самый близкий товарищ.

— Сергей Николаевич! Я, вы знаете, все готов... Но эта история... — Митя развел руками.

Учитель перебил его:

— Подождите. Всяко бывает. Давайте-ка обсудим эту историю спокойно. У меня есть свои предположения...

Сергей Николаевич говорил, Митя слушал...

Далеко за полночь не гас в окошке учителя привычный огонек, освещая ровным, теплым светом тихую улицу.

Глава 30. Одиночество

Тетка беспокоилась. Выдерживая характер, она редко заговаривала с Васьком, зато часто жаловалась Тане:

— И что это Павел Васильевич не едет? А тут мальчишка чудить начал. И мне грубостей наговорил, и сам как побитый ходит... То ли возраст у него ломается, то ли обижает его кто, только и с лица и с изнанки совсем не тот парень стал. А приедет отец — с меня спрашивать будет.

— Обязательно спросит, — качала головой Таня.

— Да что же, я за ним плохо смотрю, что ли?

Таня набралась храбрости:

— Плохо не плохо, да все сердитесь на него, а он на ласке вырос.

— «На ласке вырос»! То-то и смотрит волком на всех... «Плохо не плохо»! Ишь, яйца курицу учат! — сердилась тетка.

Но, учитывая про себя Танины слова и вглядываясь в потемневшее, осунувшееся лицо племянника, она решила изменить свою тактику и пойти на мировую.

* * *

Васек бродил по городу, не зная, куда себя деть. Ему казалось, что все, взрослые и дети, смотрят на него и удивляются, почему он не в школе. Вот-вот кто-нибудь спросит.

Васек прятал под мышку сумку и старался держаться отдаленных улиц. Он чувствовал себя пропащим, конченным человеком и с горечью думал об отце: «Знал бы он все — не сидел бы там...»

Положение, в которое попал Васек, казалось ему безвыходным. Единственно, что могло бы оправдать его, — это полное признание Мазина.

«А Мазин сам меня боится, — думал Васек. — Он не знает, что я скорей умру, чем выдам его».

Народу на улице было мало: первая смена рабочих еще не кончила работу, все ребята сидели в школах, одни домашние хозяйки, громко переговариваясь между собой, расходились с рынка.

По дороге рядом с санями, нагруженными кирпичом, лениво потряхивая вожжами, шагали возчики в серых фартуках поверх теплых стеганок. Лошади, упираясь на передние ноги, вытягивали задние и, тяжело дыша, останавливались. Над боками у них поднимался теплый пар. Возчики забегали вперед, кричали, хлестали лошадей вожжами. Дорога была немощеная, талый снег густо смешивался с грязью, полозья попадали в глубокие колеи или, поскрипывая, ползли по голой земле.

Одни сани застряли, очевидно, давно. Лошадь была вся в пене и не двигалась с места. Она вздрагивала под ударами и бессильно вскидывала морду с падающей на глаза челкой. На санях, покрытых брезентом, высилась целая гора аккуратно сложенных кирпичей.

— Ишь, наложили! Чтобы скорей свезти да отделаться. Бессовестные этикие! —

сказала, проходя мимо, старушка.

Васек остановился и с жалостью смотрел на выбившееся из сил животное.

— Дяденька, помоги ей, подтолкни сзади! — крикнул он возчику.

— Сама потянет, — откликнулся возчик, прикуривая у товарищей папироску.

Васек подошел ближе.

— Тогда не бейте! — попросил он. Возчик затаился дымом, сплюнул в сторону и взмахнул вожжами:

— Н-но! Отдохнула! Н-но, дьявол тебя возьми!

Лошадь напрягла мускулы. Под мокрой шкурой у нее пробежала дрожь. Она дернулась и остановилась. Возчик забежал вперед и с размаху ударил ее по морде.

— Брось! — подскочил к нему Васек и, подняв сумку, загородил от ударов морду лошади. — Не смеешь так бить! Я милицию позову!

— Пошел, пошел отсюда, а то и тебе попадет! — пригрозил возчик. — Не мешайся тут!

— Не уйду! По глазам бьете! — загоразивая собой лошадь, кричал Васек.

— Защитник нашелся! Тебя самого представить в милицию надо!

— Ты кто такой есть? Почему не в свое дело лезешь? — подошел к Ваську рослый парень, товарищ возчика.

— Я в свое дело лезу! — сказал Васек, закидывая вверх голову. Шапка его съехала на затылок, глаза посинели от злобы. — Я пионер! Председатель совета отряда!.. Наша лошадь, государственная! Бить не дам!

— Ого! Ишь ты, председатель!.. Слыхал, Вань? — подмигнул своему товарищу возчик.

По обеим сторонам улицы останавливался народ, сбегались мальчишки. Подходили мужчины. Возчики сбавили тон:

— Ну что ж, Вань, может, отложить кирпичу маленько?

— А где ты его отложишь?

— Да вот около дома. А тогда заедем, возьмем, — предложил товарищ возчика.

— А какое вы имели право такой груз класть на одни сани? — строго спросил подошедший гражданин, вынимая из портфеля бумагу и самопишущую ручку. — Вот мы сейчас на вас акт составим. Лошади эти мне известны, возчиков я запишу. Там, где надо, вас научат, как такой груз накладывать да еще по глазам лошадь хлестать.

Он написал несколько строчек:

— Кто подтвердит, граждане?

Охотников подписать нашлось много. Васек тоже протянул руку. Он хотел подписать: «Трубачев, председатель совета отряда», но вдруг раздумал и тихо отошел в сторону. Ему показалось, что с тех пор, как он ушел из школы, прошло очень много времени, что за это время в школе уже решилась его судьба и что он теперь уже, наверно, не председатель совета отряда, а просто школьник, осрамивший свой класс грубым и недостойным поведением.

А Мазин? Что же Мазин? Как же он молчал?.. Как он допустил это? Ведь Мазин поступил с ним еще хуже, чем Одинцов. Зачем же тогда, вечером, он пришел к нему как товарищ, как друг? Разве он не пионер? Разве не дорожит своей честью?

Васек почему-то вспомнил, как в прошлом году он с отцом ездил в Москву. Они долго стояли на Красной площади и смотрели на Кремль. Васек стоял с красным галстуком на шее, как стоит на посту часовой. Он боялся пошевелиться. Мысленно он давал себе клятву свершить какой-нибудь небывалый подвиг во славу Родины. И не один! Васек видел себя на воде и на суше бесстрашным моряком и раненым командиром, он побеждал и умирал в жестокой схватке с врагом. Он стоял без шапки, с затуманенными глазами, и, когда отец тронул его за рукав, он молча пошел за ним, унося в душе свое торжественное обещание.

И сейчас, вспомнив об этом, он выпрямился, стряхнул прилипший колбу чуб... Нет, он, Васек Трубачев, еще покажет себя, он не опустит голову перед этой первой бедой в его жизни! И товарища он себе найдет! И оба они будут сражаться за Родину и вместе победят или вместе умрут на поле битвы. И тогда все ребята узнают, что такое настоящая дружба!

Васек не заметил, как миновал несколько улиц и очутился у своего дома.

Тетка увидела, что глаза у Васька блестят, и подумала про себя: «Прежний задор появился. Уж не знаю, что хуже, что лучше».

За обедом она торжественно сказала:

— Геройская картина идет. Сходим с тобой под вечер?

Но Васек вдруг поскучнел и тихо сказал:

— Спасибо, тетя, только у меня голова болит. «Не хватало еще, чтоб меня в кино видели!» — с испугом подумал он.

— Ну, голова твоя пройдет, — успокаивала тетка.

— Не пройдет!

— Как так — не пройдет?

— А так, не пройдет — и все! — упрямо сказал Васек и, не глядя на тетку, снял с вешалки отцовский пиджак и, бросившись на кровать, укрылся им с головой.

— Ну, коли так, завтра пойдем, — добродушно сказала тетка.

Васек не ответил. Он и сам не знал, что будет с ним сегодня... завтра... И только отцовский пиджак со знакомым запахом паровозной гари и табака успокаивал его сердце.

* * *

Васек не пошел в школу и на другой день. Митя приходил в класс, о чем-то говорил с учителем. Ребята волновались:

— Митя, а как же сбор? Ведь сегодня сбор, а Трубачева нет.

Сбор был назначен на шесть часов вечера.

После уроков Сергей Николаевич вызвал в учительскую Одинцова и Булгакова.

— Вот что, ребята! — сказал он, перебирая на столе какие-то бумаги. — Сегодня, часиков в пять, зайдете за Трубачевым...

— Я не пойду, — быстро сказал Саша.

— Зайдете за Трубачевым, — как бы не расслышав Сашиных слов, продолжал Сергей Николаевич, — и скажете ему, что сегодня сбор... и что я тоже к нему зайду перед сбором. Понятно?

— Понятно, — пробормотал Одинцов.

Саша молчал.

— Да прихватите с собой Лиду Зорину. И никаких лишних объяснений... Одинцов, полагаюсь на тебя, — быстро сказал учитель, когда Саша вышел.

— Есть никаких объяснений! — ответил Одинцов. Он не понимал, зачем понадобилось Сергею Николаевичу послать их к Трубачеву. Его взволновало и то, что учитель сам придет к Трубачеву.

Выйдя из учительской, он догнал Сашу. Лицо Саши выражало протест и упрямство.

— Так я и пошел! Лучше и не просил бы.

— А он и не просил, — оглядываясь на учительскую, ответил Одинцов. — Он приказал.

— Мне это приказать никто не может.

— Тише! Ты что? Он же учитель, он же хочет как лучше сделать...

Саша смолк.

Одинцов пошел договариваться с Зориной.

— И никаких объяснений там. Понятно, Зорина? Полагаюсь на тебя.

Лида Зорина кивнула головой. Она тоже была озадачена поручением учителя.

— Он, верно, хочет, чтобы вы все помирились? — шепотом спросила она.

— Не знаю. Я не ссорился. Одним словом, пообедай и приходи в школу. За Сашей я сам зайду, и вместе пойдем!

Глава 31. Гости

День у Васька был мучительный, не похожий ни на один прежний будний день. Он валялся на кровати до десяти часов. На все вопросы тетки кратко отвечал:

— Сегодня нет занятий.

— Да почему же это нет занятий? — удивлялась тетка. — Все ребята в школу бегут!

— А нас отпустили.

— Чудно! А с чего же это ты в постели валяешься? — снова подступила тетка к племяннику. — Заболел, что ли?

— Да нет...

— И в кино не пойдешь?

— Не пойду.

Тетка обиделась и говорила Тане в кухне так, чтобы слышал Васек:

— Все капризы какие-то у него являются. А в кино мы и сами пойдем. Уж очень, говорят, картина геройская идет!

Васек слышал и молчал. Ему было не до кино. Его мучила мысль о школе: «Что-то там теперь делается?»

После обеда тетка решительно подошла к Ваську, потрогала его лоб, заставила смерить температуру. Все было нормально.

— Здоров, — снимая с носа очки, объявила вслух тетка. — Просто свое «я» показываешь! Ну и сиди один!.. Таня, пойдем!

— Еще рано, Евдокия Васильевна, — нехотя сказала Таня.

Ее не на шутку беспокоил Васек, но она побаивалась тетки и не решалась при ней заговорить с Васьком.

«Ты мне все воспитание сбиваешь», — уже однажды упрекнула ее Евдокия Васильевна.

— Пойдем, пойдем! — поджимая губы и туго закручивая на затылке узел, торопила тетка. — Мороженого покушаем, получше места займем!

— Да места все равно согласно взятым билетам, — со вздохом сказала Таня, надевая пальто.

Когда они вышли, Васек подошел к окну и стал смотреть на улицу. По улицешли школьники и школьницы.

«Из школы идут! Поздно. Наверно, совет отряда был у них, — подумал Васек. — У нас тоже часто бывал совет отряда... я сам объявлял ребятам об этом!»

Васек прислонился лбом к холодному стеклу. Потом быстро отодвинулся. На улице стояли три знакомые фигуры. Одна из них отделилась и быстро ушла; Васек узнал Булгакова. «Зачем он приходил?»

На лестнице слышались шаги и голос Лиды Зориной:

— Здесь даже дверь не заперта... Трубачев, ты дома?

Из-за плеча Зориной выглядывал Одинцов.

— Я дома, — сказал Васек, вопросительно глядя на обоих. — Идите в комнату.

— Здорово! — развязно сказал Одинцов и тут же смутился.

— Здравствуй! Мы пришли узнать, как твое здоровье, — поспешила на выручку Лида и вдруг заметила измятые подушки и свисающую с кровати куртку: — Ой, какой беспорядок! Это убрать надо. Сейчас Сергей Николаевич придет.

— Сергей Николаевич? — Васек сдвинул брови и посмотрел на Одинцова. — Зачем?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю.

— Нет, знаешь. И говори. А то опять... сам пришел, а сам...

— Честное пионерское... — торжественно начал Одинцов.

Но Лида решительно перебила его:

— Никаких объяснений! Сказал — приду! И все. Понимаешь?.. А у тебя беспорядок, на полу обрезки какие-то. Давай щетку!.. Одинцов, раздевайся.

Лида сняла шубку и платок:

— Васек, на, повесь! И не стой с раскрытым ртом. Смотрите, что кругом делается!

В комнате действительно был беспорядок. С утра тетка ходила расстроенная и

в первый раз оставила комнату неубранной. На стуле было брошено ее шитье, на письменном столе Васька валялись какие-то инструменты.

— Скорей, скорей! Ужас что делается! — заткнув за пояс полотенце, говорила Лида. — Одинцов, собирай в ящик инструменты!.. Васек, прибери стол! Он же первым делом на твой стол посмотрит!

Мальчики, не рассуждая, принялись за работу. Поправляя постель и взбивая подушки, Лида говорила:

— Надо, чтобы все прилично было!

Васек прибрал свой стол. Одинцов сгреб со стула ворох материи:

— А это куда?

— Это теткино! — испугался Васек. — Не тронь, а то спутаешь ей все, она сердиться будет!

— Подожди! — Лида накрыла все газетой. — Нехорошо, но уж раз теткино...

— Мы за тетку не отвечаем, — решили ребята. — Надо только просто так сказать, что это ее.

На обеденном столе на чистой скатерти стояла плетеная сухарница.

— Сюда бы хорошо такую салфеточку... — сказала Лида.

Васек пошарил в комод и вытащил что-то белое, с кружевами.

— Можно этим, — сказал он.

— Это ж косынка! — возмутилась Лида.

Васек полез в буфет.

— Вот! — с торжеством сказал он, вынимая оттуда вышитую салфеточку.

— Теперь хорошо! Совсем другое дело! — отходя от стола и склонив голову набок, радовалась Лида. И вдруг всплеснула руками: — А что, если учитель захочет... чаю?

Мальчики оторопели.

— Ну, как это захочет... — протянул Одинцов, глядя на Ваську.

Тот пожал плечами:

— Я думаю — нет. Он дома напьется.

— А я вам говорю, может и тут захотеть. Он же в гости придет. Вот возьмет да и скажет: «Я хочу чаю».

— Не морочь голову! — рассердился Одинцов и передразнил девочку: — «Хочу чаю»! Ведь он же учитель.

— Здравствуйте! — насмешливо сказала Лида. — Если учитель, так и чаю не пьет?

— Нет, пьет, конечно, — озабоченно сказал Васек и вспомнил: — У нас печенье есть.

— Давай! — строго приказала Лида. — Все давай, что есть!

Васек снова полез в буфет:

— Держите: сахар, масло...

Через полчаса ребята торжественно сидели за столом, открыв в кухне входную дверь, чтобы учитель не споткнулся на лестнице. На столе стояли четыре стакана с блюдцами, сухарница с печеньем, масленка с маслом и сахар. Чайник с кипяченой водой на всякий случай был уже приготовлен.

История с зачеркнутой фамилией, ожидание сбора — все отодвинулось на задний план. Васек и Одинцов радовались возможности снова попросту говорить друг с другом, не касаясь недавней размолвки.

И хотя Васек боялся прихода учителя, но в обществе Одинцова и Лиды чувствовал себя спокойнее. А Лида вся ушла в роль хозяйки. Переставляя на столе то масленку, то сухарницу с печеньем, она отходила в сторону и любовалась сервировкой стола.

Одинцов радовался, что у Васька в отношении к нему уже не было враждебности. Беспокоило Одинцова только то, что Саша послушался Сергея Николаевича и от самого дома Васька решительно повернул обратно.

— Чтоб я еще унижался перед Трубачевым! Этого мне никто приказать не может! Идите сами!

«Упрямый! — подумал Одинцов, сознавая себе, что, будь он на месте Саши, он тоже не пошел бы к Ваську первый. — Учителя не знают, какие ребята. У нас

ведь сроду никто первый не подойдет, если поссорились!»

Ребята говорили шепотом, прислушиваясь к каждому шороху.

— Тише, — сказала вдруг Лида. — Идет!

На лестнице действительно послышались шаги. Все трое наперегонки бросились туда.

— Пожалуйста, пожалуйста! — кричала Лида.

— Входите! Здесь десять ступенек, — беспокоился Васек. Одинцов держал настежь раскрытую дверь. На пороге показалась... тетка.

— Ой! — пискнула Лида.

— Это... тетя, — сказал Васек.

Тетка подозрительно оглядела всю компанию:

— Здравствуйте, дорогие гости!

— Здравствуйте, — поспешно сказал Одинцов, подтягиваясь и поправляя на груди галстук.

— Здравствуйте... Простите, пожалуйста, мы тут хозяйничали, — смущенно улыбаясь, поясняла Лида, идя за теткой и показывая ребятам глазами на сервированный стол.

Тетка быстро оглядела с ног до головы Лиду, так же внимательно — Одинцова, потом подошла к столу и подняла вышитую салфетку.

— Чаем поить гостей будешь? — обернулась она к Ваську.

— Да, хотим чаю, — сказал Васек.

Тетка поманила его пальцем и, выйдя на кухню, прикрыла за собой дверь:

— Приличные дети. Брат и сестра, что ли? Это чьи же такие будут?

— Это одного знатного стахановца ребята! — выпалил Васек.

Тетка высоко подняла брови и одобрительно кивнула головой:

— А-а, оно и видно. Не то что твой давешний толстяк. Поздороваться как следует не умеет... Ну, дружи, дружи! Только что ж мне сказать-то побоялся, что гости у тебя нынче? Я бы пирожков хоть спекла!

Васек усмехнулся:

— Так себе...

— То-то «так себе»! — с ласковым укором сказала тетка. — А теперь я должна идти. Там Таня с билетами сидит. Я зашла... думаю, может, сошел с тебя каприз — так побежишь.

— Нет.

— Теперь уж что, раз гости!.. Погоди, я орешков вам положу.

Она прошла в комнату, по пути погладила тугие косички Лиды, улыбнулась Одинцову. Насыпала полную тарелку грецких орехов.

— Ну, играйте, угощайтесь. А я нынче в кино иду. Очень геройская картина! До свиданья, деточки! Вашим родителям привет передайте. Скажите, что очень рада знакомству!

— Спасибо, спасибо, — смущалась Лида.

Одинцов забежал вперед и ловко распахнул перед теткой дверь.

«Что за уважительные ребята! — подумала тетка, выходя на улицу. Отложной воротничок Одинцова, тугие косички Лиды и разглаженные пионерские галстуки на обоих приятно подействовали на тетку. — Достойная семья. Подходящая компания».

Как только за теткой закрылась дверь, Лида прижала руки к бьющемуся сердцу:

— Ой, как я испугалась!

— Я тоже, — сознался Одинцов. — Я забыл, что у тебя тетя есть. Мы тут хозяйничали вовсю!

— Ничего. Я ей сказал, что ваш отец — знатный стахановец.

— А она что?

— Говорит: какие воспитанные...

Васек засмеялся. Ребята тоже расхохотались.

— А Одинцов-то, Одинцов! Как-то ногой шаркал! — заливалась Лида.

— Это я с перепугу, честное пионерское.

— Ха-ха-ха!.. С перепугу!

В шуме никто не заметил, как вошел учитель.

— О, да тут все товарищество! — пошутил он.

Ребята вскочили.

— Садитесь! Садитесь!

— Ну, зачем же я так сразу сяду, — улыбнулся учитель. — Дайте осмотреться сначала. — Он подошел к круглому шкафчику, с интересом оглядел его, потрогал на этажерке книги и, обратив внимание на накрытый стол, лукаво посмотрел на ребят. — Вот теперь я сяду. И даже выпью стакан чаю, если вы меня угостите.

Все трое сразу сорвались и убежали в кухню.

— Подогрей, подогрей! — шептал Одинцов, накачивая изо всех сил потухавший примус.

— Что? Я говорила, я говорила! — торжествовала Лида.

— Хорошо, что печенье и орехи есть, — захлебываясь от волнения, шептал Васек.

А учитель, оставшись один, улыбался. Глаза у него блестели. За чаем он шутил и смеялся. Рассказывал о своем детстве. Одинцов и Лида с восторгом слушали его. Васек тоже слушал, но его мучила неотвязная мысль: зачем пришел учитель? Что он думает о нем, что скажет?

Забывшись, он тревожно смотрел на Сергея Николаевича, но тот ничем не отличал его от Лиды и Одинцова. Посидев полчаса, он взглянул на часы и поднялся:

— Ну, а теперь пойдете на сбор! Опаздывать пионерам не полагается. И учителю тоже не полагается...

«Вот оно!» понял Васек.

Он надел шапку, пальто и остановился на пороге. Учитель, проходя мимо, легонько обнял его за плечи:

— Пошли.

Глава 32. Митя

Митя сидел в своей маленькой комнатке и сосредоточенно думал. Мысли были тревожные. Он сожалел, что раньше не пошел к Трубачеву и по-товарищески не поговорил с ним. В дружеском разговоре, один на один, всегда находятся такие простые и нужные слова. Тут и голос другой и глаза смотрят в глаза, прятаться и что-то скрывать делается невозможным. Разве мало было у Мити таких случаев? Никто в школе и не знал о них. Митя откинул со лба волосы и устремил в одну точку взволнованный взгляд.

«Он пионер, я комсомолец. Я сам только что вышел из пионеров; таким же, как он, был. Ошибки у всякого человека бывают — это что же, без этого не обходится. Но тут самое главное что? Чтобы он понял... Он парень неглупый... — Митя грустно покачал головой: — Эх, опоздал я... Без этого дружеского разговора теперь и на сборе не то будет. Как-то и сам не подготовлен, и парнишка внутренне не подготовлен...»

Митя стал думать о сборе: «С чего начать? Если прямо с заметки Одинцова? И непосредственно перейти к дисциплине? Ударить по этому вопросу!»

Он вспомнил совет Сергея Николаевича:

«Вы только не торопитесь... Не выводите поспешных заключений. Дайте ребятам высказаться, поспорить... Трубачев, возможно, заупрямится...»

«Не возможно, а наверняка, — усмехнулся Митя. — Я этого парня как свои пять пальцев знаю. Если он сразу не пришел ко мне и не рассказал, в чем дело, значит, что-то тут есть, чего он, хоть убей его, не скажет. А что? Поди вот, разбери! Верно, кто-нибудь еще впутан в это дело. Эх, пошел бы я к нему — все было бы проще!»

— Митенька, — окликнула его из-за перегородки мать, — обедать-то сейчас будешь или с отцом?

— С отцом, с отцом... — рассеянно ответил Митя и вдруг, прислушавшись квозне за перегородкой, побежал в кухню. — У тебя что, мама, пирожки? Дай мне один. Вот так, в рот прямо... Во! Есть! Еще один! Для бодрости, так сказать. Еще, ладно?.. Стой, стой, хватит!

Он вернулся в комнату, держа на ладони пышные горячие пирожки, и, отправляя их в рот один за другим, кричал матери:

— Здорово ты их делаешь! Просто замечательно!

— Ну вот и покушай! — отвечала из-за перегородки мать. — А то все, слышу, бегаешь, бегаешь по комнате... Не ладится, что ли, у тебя что, Митенька? — просовывая в дверь голову, с беспокойством спросила она.

— Ничего, мама, все сладится. У нас да не сладится! — весело ответил Митя.

Он снова мысленно представил себе сбор, всех ребят, Трубачева и решительно стукнул кулаком по столу:

«Вожатый не должен допускать ни малейшего ослабления дисциплины! Трубачев — председатель совета отряда. По нему равняются другие ребята. Надо так крепко начать, чтобы сразу почувствовалось мое отношение к этому делу... со всей строгостью!»

Митя подошел к окну.

«Если б найти такие живые, настоящие слова! Ребята-то, в общем, народ чуткий. Только б начать. А потом они сами... Да, Сергей Николаевич прав!»

Митя взглянул на часы и стал собираться. Почистил лыжную куртку, пригладил волосы, поправил на груди комсомольский значок.

Пора!

Он вышел на улицу и зашагал к школе.

Глава 33. На сборе

Сбор был назначен в пионерской комнате. Ребята стояли кучками, о чем-то тихо переговариваясь между собой. Девочки сидели на скамейках, подобрав ноги и сложив на коленях руки. Не было обычного шума, острот и поддразнивания друг друга.

Митя беглым взглядом окинул собравшихся, поздоровался и сел за стол.

Приход учителя вызвал движение среди ребят. Здоровались негромко, усаживались, стараясь не скрипеть стульями.

Васек Трубачев стоял рядом с Одинцовым. Саша незаметно для себя придвинулся ближе к Ваську. Мазин, засунув руки в карманы, стоял в стороне. Глаза у него были тусклые, лицо равнодушное.

Рядом с ним Петя Русаков со своим серым личиком был похож на мокрого воробушка. Он ежился и натягивал рукава курточки.

Лида Зорина, усадив свое звено на скамейку, сидела сбоку с напряженным, страдальческим выражением лица, склонив набок черную, гладко причесанную головку. Синицына, расталкивая локтями соседок, уселась посередине скамейки и смотрела на Митю и учителя так, чтобы они могли прочесть на ее лице, что она ни в чем не виновата. За ее спиной слышалось короткое, взволнованное дыхание Малютина — он только что спорил с кем-то из ребят и никак не мог успокоиться.

— Малютин, сядь! — шептала ему Валя Степанова.

Когда наступила полная тишина, Митя порывисто встал, с шумом отодвинув стул:

— Ребята! На сегодняшнем сборе мы должны обсудить поведение председателя совета отряда Трубачева. Ни для кого не секрет, что последнее время Трубачев ведет себя плохо...

По комнате пронесся неясный шум — все повернули головы в сторону Трубачева. Трубачев двинулся вперед. Лицо у него побелело, и рыжий чуб загорелся на лбу.

«Эх, жалко парня!» — с досадой подумал Митя и тут же, рассердившись на себя, крепко стукнул кулаком по столу:

— Да, плохо! Недостойно пионера! Срывает дисциплину в классе, самовольно уходит с уроков, не является в школу и в конце концов зачеркивает свою фамилию в статье Одинцова...

— Я не зачеркивал! — с силой выкрикнул Васек.

Кучка ребят дрогнула и сдвинулась тесней. Кто-то из девочек громко вздохнул. Валя Степанова смахнула со лба разлетающиеся ниточки волос и крепко сжала

ладони. У Нади Глушковой на круглом лице выступила легкая испарина. Лида не шелохнулась.

— Трубачев! Подойди сюда поближе!

Васек подошел к столу и стал перед Митей.

Сергей Николаевич вдруг вспомнил, как доверчиво и решительно пошел с ним Трубачев на этот сбор — может быть, он надеялся, что учитель будет защищать его.

Сергей Николаевич поднял голову и посмотрел на ребят.

«Если бы они знали, как мне больно за этого мальчишку», — с горечью подумал он, переводя на Трубачева спокойный и строгий взгляд.

Этот взгляд говорил: «Ты виноват — отвечай!»

Но Васек не искал поддержки учителя. Он не отрываясь смотрел в лицо Мити и только иногда повторял: «Я не зачеркивал фамилии».

Митя внимательно посмотрел на него:

— Допустим, что так. Мы это разберем. Но это не снимает с тебя ответственности за другие поступки. Ты ссоришься с Сашей Булгаковым, обижаешь товарища, которого мы все уважаем за то, что он помогает своей матери. О помощи в семье мы здесь говорили не раз, а ты позволяешь себе бросать какие-то глупые насмешки. — Митя смел со стола попавшуюся ему под руку промокашку. — Это поступок нетоварищеский и неприонерский. Я не знаю, как ты себя ведешь дома по отношению к своим домашним... (Васек вспомнил сморщенное обиженное лицо тетки и густо покраснел.) Об этом нужно тебе подумать, Трубачев! И крепко подумать! Стыдно! Ты меня понимаешь?..

Васек молчал, упрямо сдвинув брови.

— Я говорю не с дошкольником, а с человеком, который должен отвечать за себя. Я говорю с пионером, председателем совета отряда, Трубачев!

Васек крепко прижал к бокам опущенные руки.

— Есть... — чуть слышно сказал он.

— Хорошо. Это не все. Я хочу знать еще, Трубачев, как ты смел уйти самовольно с урока и на другой день не явиться в класс? Что это тебе, шутки, что ли?.. — Митя второпях не подобрал другого выражения и, снова рассердившись на себя, напал на Трубачева: — Учебу срываешь, нарушаешь дисциплину, роняешь свой

авторитет в глазах товарищей! Мы тебя выбрали председателем совета отряда!.. Что это, Трубачев?

Васек молчал.

— Я спрашиваю тебя: почему ты ушел с урока? — настойчиво повторил Митя.

— Я ушел, потому что все думали на меня...

— Что думали на тебя?

— Что я зачеркнул фамилию...

— Не понимаю, — нетерпеливо сказал Митя, — объяснись... Ребята зашумели, задвигались. Сбоку, оттирая от стола Трубачева, поспешно вырос Мазин.

— Надо разобраться... — хрипло сказал он. — С самого начала. Тут виноват мел, понятно?

Ребята вытянули головы:

— Чего, чего?

Митя нахмурился:

— В чем дело, Мазин?

Сергей Николаевич с интересом смотрел на крепкую, коренастую фигуру Мазина, на живые, острые щелочки его глаз и спокойное упорство в лице.

— Из-за чего вышла ссора в классе? Из-за мела. Вот он! — Мазин вытащил из кармана кусок мела и положил его на стол.

Девочки ахнули и зашептались. Ребята заглядывали через головы друг другу — каждому хотелось посмотреть на тоненький, длинный кусочек мела.

— Вот он, проклятый мел! Трубачев тут ни при чем. В тот день Русакова должны были вызвать, а он не знал... как это... глаголов, что ли... И я стащил мел, чтобы Русакова не успели спросить... Это раз. — Он обернулся, поглядел на испуганное лицо Пети и усмехнулся: — Ладно, я все на себя беру... А насчет ссоры... Это тоже надо разобраться. И Булгакову нечего обиженного из себя строить. Если ко всему придирается, так мы друг другу много насчитать можем. А по мне так: взял да ответил хорошенько, а то и другим способом расквитался за обиду, а цацкаться с этим... — Мазин презрительно скривил губы и пожал плечами. Разбираться так разбираться. Вот Одинцов статью написал и все на Трубачева свалил, а Булгаков тоже не молчал. Он сам Трубачева обозлил! Ты,

говорит, весь класс подвел, а тому, может, это хуже всего на свете! И мел он клал? Клал. А я стащил... И дело с концом...

— Ты все сказал? — спросил Митя.

— Нет, не все. — Мазин заспешил: — Одинцов тоже... не разберется, а пишет. А потом кто-то фамилию зачеркнул, и опять все на Трубачева... — Мазин кашлянул в кулак, говорить ему было больше нечего. — Проклятый мел! — пробормотал он, не выдержав пристального взгляда учителя.

— Мазин, сядь! Мы с тобой еще поговорим. Просто стыдно перед Сергеем Николаевичем, какие возмутительные вещи тут открываются!

— Прошу слова! — крикнул кто-то из ребят.

Митя поднял руку.

— Я еще не кончил. Когда кончу, кто хочет — возьмет слово... Так вот, Трубачев, я хочу, чтобы ты ответил мне сам: почему ты ушел с урока? Если даже тебя заподозрили в том, что ты зачеркнул свою фамилию, а ты, скажем, этого не делал, так неужели ты не мог найти способ выяснить это? Почему ты не пришел ко мне, к Сергею Николаевичу?

Трубачев молчал.

— Я не думаю, Трубачев, что ты трус, но я боюсь, что ты и в этом виноват. Я думаю, что если ты не сам зачеркнул свою фамилию, то ты хорошо знаешь, кто это сделал.

— Я не знаю, — твердо сказал Трубачев, сжимая зубы. «Пусть Мазин сам сознается, если хочет», — подумал он.

— Трубачев, ты знаешь, — тихо и настойчиво сказал Митя.

Трубачев опустил голову.

Ребята заволновались:

— Трубачев, признавайся!

— Трубачев, говори!

Малютин протиснулся через толпу и вытянул вперед худенькую руку.

— Я прошу слова, Митя! Митя, слова! — прорываясь к столу, кричал он.

— Дайте ему слово, — шепнул Мите учитель.

— Сергей Николаевич, это не он! Митя правильно сказал. Я Трубачева знаю — про себя он бы сразу сказал. Это кто-то другой... Ребята! — Сева повернулся к молчаливым, взволнованным ребятам. — Если сейчас здесь сидит человек, который сделал это, и если он молчит, то этот человек... последний...

Петя Русаков вдруг вынырнул из кучки ребят и бросился к Малютину:

— Ты... не твое дело... Я не последний человек... Я сам скажу... — Петя поискал глазами Мазина. — Мазин! Мазин! Это я зачеркнул фамилию! Я хотел сделать лучше, я не думал, что скажут на Трубачева!..

Петя весь дрожал, поворачиваясь во все стороны. Мазин, расталкивая ребят, подошел к нему и обнял его за плечи.

— Не реви, — сказал он, отводя его в сторонку и смахивая с его щек слезы. — Ну, не реви...

Васек стоял ошеломленный и смотрел им вслед. Тишина внезапно прорвалась шумом голосов. Ребята поднимали руки, требовали слова. Митя быстро взглянул на учителя и сел:

— Степанова, говори!

— Ребята, я хочу сказать... — голос у Вали сорвался, она глубоко вздохнула, — что мы мало знаем друг друга...

— Что? Почему? Как? — зашумели ребята.

Валя поправила на лбу волосы, перекинула через плечо косу.

— Потому что вот Мазин и Русаков сейчас как-то так хорошо поступили, что у меня просто... ну... Я их обоих как будто знала и раньше, в классе, а по-настоящему узнала только сейчас... Но я... мне... — Она остановилась, подыскивая слова.

— Говори! Говори! — одобрительно зашумели опять ребята.

— И все равно мне многое непонятно. Например, почему Русаков фамилию зачеркнул? И еще... Знал или не знал об этом Трубачев? Если не знал, то почему он как-то странно молчал? Как будто что-то скрывал, что ли... Вот, ребята, если кто понял, — скажите, или пусть Трубачев сам все расскажет!

— Верно! Верно!..

— Трубачев, говори!

— Мы тоже не поняли!

— Я и сам ничего не понял, — неожиданно сказал Васек, все еще глядя на Русакова и Мазина. — Я сейчас все начистоту расскажу, как было. Я пришел, а фамилия зачеркнута... А вечером... ну, перед этим... Мазин меня около дома ждал, поздно уже... Я после редколлегии так себе гулял... А он пришел ко мне и говорит: «Мы тебя выручим». Я и думал, что это он выручил. — Васек грустно усмехнулся и посмотрел на ребят. — Не мог же я про него говорить.

— Ты про меня думал? — вдруг отозвался Мазин. — А я про тебя! Эх, жизнь! — Он хлопнул себя ладонью по щеке и засмеялся. — А это Русаков Петька!

— А при чем Русаков?

— Пусть Русаков говорит!

— Разбираться так разбираться!

— Тише!

— Говори, Петя!

Митя и учитель сидели молча, с интересом слушая разбор дела. Ребята разгорелись, заспорили, останавливая друг друга:

— Тише! Тише!

— Не мешайте! Пусть сами скажут!

Кто-то тихонько подтолкнул к столу Петю Русакова.

— Это я... — Петя взмахнул длинными ресницами в сторону Мазина. — Для Мазина я это сделал... И еще потому, что из-за нас у Трубачева ссора вышла. И про него статью написали. — Петя развел руками. — Только я, ребята, когда зачеркивал, не думал, что на него подумают.

— А что же ты думал? — крикнул Белкин.

— Просто... ничего не думал... Я хотел выручить.

Кто-то засмеялся. Петя махнул рукой и отошел от стола.

— Что у нас только делается! — всплеснула руками Синицына. — Один за другого... один за другого... И все виноваты. — Она всхлипнула в платочек и, заметив взгляд Вали Степановой, быстро отвернулась.

В комнате снова поднялся шум:

— Подожди, Русаков!

— Спросите его, почему он в классе молчал?

— Почему Мазину не сказал сразу?

— Русаков, почему ты молчал, когда мы на Трубачева думали? — крикнул бледный от волнения Одинцов.

Петя покраснел и опустил голову.

— Я не мог... Я боялся...

В комнате стало тихо.

— Эх! — с презрением бросил кто-то. — Боялся! А товарища подвести не боялся?

Петя вспыхнул, сморщился, губы у него задрожали. Надя Глушкова взволновалась, вскочила с места:

— Ребята, нехорошо так! Он же сознался все-таки!

— Не защищай! — строго сказала Лида Зорина. — Пусть сам скажет.

— Он сам ничего не скажет, — вступился Мазин. — Потому что тут история другая. Степанова правильно сказала: мы мало знаем друг друга. Как Петька живет, что у него есть и чего он боится, — это из всего класса знаю один я.

Ребята притихли.

Сергей Николаевич написал на клочке бумаги: «Это обвинение нас тоже касается».

Митя прочитал, скомкал бумажку. Он был расстроен, светлые волосы липли к его мокрому лбу. Он силился вспомнить домашнюю обстановку Пети Русакова и сердился на себя и на Мазина, который знал больше, чем он, Митя.

А в наступившей тишине ребята уже решали по-своему вопрос о Пете Русакове:

— Мазин знает, что говорит! И кончено!

— А ты, Петя, на нас не обижайся! — Ребята сорвались с мест и окружили Петю.

— Тише! — крикнул Митя. — Сергей Николаевич будет говорить.

Ребята затихли.

— Я не буду разбирать всю эту историю в подробностях. Мне кажется, всем вам уже ясно, как произошло то, что Трубачев, председатель совета отряда, оказался в таком тяжелом положении. Вас, конечно, интересует больше всего вопрос, кто виноват. Ну, виноваты тут многие. Прежде всего и больше всего, несмотря ни на что, сам Трубачев. Потом, конечно, Мазин — в этой пропаже мела — и Русаков...

— И Одинцов тоже, — подсказал кто-то.

— Одинцов? — переспросил Сергей Николаевич.

— Одинцов! Одинцов! — крикнул Мазин.

— Не вижу вины Одинцова. В чем ты его обвиняешь? — спросил учитель Мазина.

— Я уже говорил. Он не разобрался и написал. Да еще про своего товарища.

— Что он не разобрался, куда делся мел, то в этом его обвинять нельзя, потому что мел лежал у тебя в кармане и этого Одинцов предполагать, конечно, не мог. А что он совершенно точно и честно описал все происшедшее в классе, несмотря на то что в этом участвовал его лучший товарищ, то за это, по-моему, Одинцова можно только уважать. Как вы думаете?

Белкин вытянул вперед руку.

— Пусть ребята думают как хотят, а я скажу про Одинцова так... что мы, когда... вообще... это было, думали: Одинцов вообще не напишет про своего товарища... И решили считать его... ну, вообще, если напишет — честным пионером, а если скроет — нечестным. И вот он написал. И мы считаем — это честно! — волнуясь, сказал Белкин.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Скажи ты, Малютин!

— Мне кажется, что он поступил честно, но как-то не по-товарищески все-таки. Потому что Трубачев не ожидал, а когда пришел на редколлегию, то сразу

увидел, и это на него тоже подействовало.

— Верно! — крикнул Мазин. — Предупреди, а потом пиши. Да разберись раньше, где мел. А не знаешь, где он, — так не пиши!

Кто-то засмеялся.

Одинцов поднял руку:

— Я не писал про мел. Я всегда пишу то, что вижу и слышу. И потом, думал так: если не напишу, то какой же я пионер, а если напишу, то какой же я товарищ?

— Одинцов посмотрел на всех. — Я все думал... А тут ребята меня спросили прямо в упор. И я сразу как-то понял, что должен написать. Только я не предупредил Трубачева... Это верно. Мне не пришлось как-то с ним поговорить.

— В этом ты, конечно, неправ, Одинцов. Такие вещи надо делать открыто, — сказал Сергей Николаевич. — Но все-таки из виноватых мы тебя исключаем!.. Верно? — улыбнулся он.

— Верно, верно! — закричали ребята, обрадованные его улыбкой.

Сергей Николаевич взглянул на часы.

— И так как теперь уже очень поздно, то давайте пока буду говорить я один, и уж только в том случае, если моим противником окажется такой отчаянный спорщик, как Мазин, мы дадим ему слово, — пошутил учитель. — Так вот что я хотел вам сказать — и это, по-моему, самое главное. Для меня сегодня выяснилось, что вы неправильно понимаете слова «товарищество», «дружба». Отсюда и поступки у вас неправильные. Например, Мазин выручает Русакова, чтобы я не обнаружил, что Русаков лентяй, что он плохо учится, не знает урока... Мазин хочет, очевидно, чтобы Русаков с его товарищеской помощью остался на второй год... Подожди, Мазин, я все знаю, что ты хочешь сказать.

— Мазин, не мешай! — крикнула Зорина.

— Я хочу сказать! — Мазин выставил вперед одну ногу, но, увидев Митин взгляд, убрал ногу и махнул рукой. — Я, Сергей Николаевич, еще докажу, какой я товарищ! — крикнул он, отходя от стола.

— Это очень хорошо, — спокойно сказал Сергей Николаевич, — но то, как ты сейчас доказал нам, это плохо, это называется ложным товариществом. И, к сожалению, вся эта история построена на ложном товариществе. Русаков зачеркивает фамилию Трубачева — глупо и не нужно, он тем самым ставит Трубачева в тяжелое положение подозреваемого. А почему Русаков это делает? Я уверен, что из любви к товарищу... Так вот что я хочу сказать вам, ребята!

Учтите это на будущее. Есть прямое, честное пионерское товарищество — и есть мелкое, трусливое, ложное вырочательство. Это вещи разные, их никак нельзя путать. К товарищу надо относиться бережно и серьезно... Ну вот, я все сказал, что хотел. Подумайте над этим хорошенько. Думаю, что даже Мазин со мной согласен сейчас... А, Мазин? — улыбаясь, спросил Сергей Николаевич.

Никто не засмеялся. Лица у ребят были серьезные. Расходились молча. Каждый торопился домой, чтобы обдумать про себя что-то очень важное и необходимое.

В коридоре Васек столкнулся лицом к лицу с Сашей Булгаковым. Одинцов схватил обоих за руки.

— Помиритесь, ребята! Васек! Саша! — умоляюще шептал он, стараясь соединить руки товарищей.

— Я с ним не ссорился, — сказал Васек.

— Ты не ссорился? — вспыхнул Саша, вырвал свою руку и побежал вниз по лестнице.

* * *

Митя шел с учителем. Перед ними маячила одинокая темная фигурка, то возникающая при свете фонаря, то исчезающая в темноте улицы.

— Трубачев... — усмехнулся Митя. — Домой бежит... Тяжко ему пришлось сегодня, бедняге.

Сергей Николаевич вздохнул полной грудью свежий вечерний воздух:

— Трудно растет человек...

Митя ждал, что учитель скажет еще что-нибудь, но тот молчал. Сбоку его твердый, резко очерченный подбородок и рот с сухими, крепко сжатыми губами казались чужими и холодными.

«Недоволен мной, ребятами? — взглядывая на учителя, пытался угадать Митя. — «Трудно растет человек»... Конечно, трудно... Так чего же он хочет от ребят?»

От обиды нижняя губа у Мити чуть-чуть припухла. Молчание становилось тягостным.

— Вы не думайте, они все-таки неплохие ребята...

Сергей Николаевич повернулся к нему и с живостью сказал:

— Хорошие ребята! Особенно этот... Трубачев и его товарищи.

* * *

Васек шел один. После сбора в темной раздевалке его поймал Грозный и, легонько потянув за рукав, шепотом спросил:

— Прощтрафился, Мухомор?

— Прощтрафился, Иван Васильевич!

— Да, прочесали тебя, брат, вдоль и поперек... Раньше, бывало, ремнем учили, попроще вроде, а теперь — ишь ты! Ну, авось обойдется... Ступай домой. Макушку в подушку, а утром на душе легче.

Васек попрощался со стариком и вышел на улицу. Он устал, в голове было так много мыслей, что ни на одной не хотелось останавливаться.

В конце своей улицы Васек увидел тетку. Она, суетливо и неловко обходя лужи, шла вдоль забора, придерживая обеими руками концы полушалка. Васек вспомнил, что тетка плохо видит, и бросился к ней навстречу:

— Тетя!

— Васек! Батюшки! Где ты запропал? Девятый час пошел...

— Я на сборе был... Нас вожатый собирал.

— «Вожатый, вожатый!»! С ума он сошел, твой вожатый! Детей до полуночи держать!

— Да он не виноват. Дела у нас такие были... пока разберешься... Не сюда, не сюда, тетя. Давай руку!

— Погоди, не тащи... Это чего блестит?

— Тут лужа, — держа ее за руку, говорил Васек. — А вот камень... ставь ногу...

— Ишь ты, глазастый. А я шла, небось забрызгалась вся... Ну, какие же у вас дела разбирали? — благополучно минуя лужу, спросила тетка.

— Кто что натворил, — уклончиво сказал Васек.

— Кто что натворил... А ты бы домой шел.

Васек засмеялся.

— Да меня, тетя, больше всех ругали там, — сознался он. — За поведение и всякие разные слова дурацкие... за грубость...

— А-а, — подняв кверху брови, протянула тетка, — за грубость?

— Ну да. Вот и тебя я тоже обидел.

— Ну... это что... Мы свои — не чужие! — заволновалась тетка. — А вожатый, он, конечно, знает, что делает. Коли задержал, значит, нужно было... это на пользу.

Васек крепко прижал к себе теткину руку.

— Ладно, ладно... Идем уж. Там тебе ужин приготовлен, а под тарелочкой... — Она остановилась и подняла вверх палец: — Суприз!

Глава 34. Р.М.З.С

Мазин сидел на берегу пруда и напевал свою любимую песенку:

Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

Он смотрел, как у края берега в темной воде отражаются набухшие почками ветки березы, как, переплетаясь с ними, вытягиваются тонкие иглистые сосны и громадной тенью ложатся мохнатые лапы старой ели. Теперь под этой елью чернеет глубокая яма, залитая водой. Это бывшая землянка Мазина и Русакова. Когда снег начал таять, в нее хлынули со всех сторон ручьи. Хорошо, что к тому времени у мальчиков появился новый приют...

Мазин вспомнил, как они с Петей шли домой со сбора. Петя ждал, что Митя вызовет в школу отца. Наказания он не боялся — он боялся потерять свою новую мать.

— Она уйдет! — тоскливо повторял он всю дорогу.

— Не уйдет! — лениво утешал его Мазин: ему не хотелось заниматься Петькиными делами. Он хотел разобраться в настоящем товариществе, о котором говорил учитель, а потому, не глядя на расстроенное лицо Русакова, нехотя бубнил, идя с ним рядом: — Птичья голова у тебя, Петька... И вообще, ты только о себе одном думаешь. Брось ты с этим делом нянчиться... Уйдет — так другая найдется!

— Другая? — Петька даже остановился. — Другая?! — От волнения у него перехватило горло. — А ты себе другую мать хочешь, Мазин?

— При чем тут это? — тоже останавливаясь, недовольно спросил Мазин?

— А при том, что ты... ничего не понимаешь в моей жизни, — с усилием сказал Петя, — а я... один. И ты лучше ничего не говори, если так...

— Как — так?

Петя молчал. Мазин почувствовал, что Петька вдруг отделился от него со всеми своими горестями и теперь уже будет решать свои дела тихо, про себя, не обращаясь за помощью к товарищу.

— Ладно, — сказал он прежним снисходительным тоном. — Я пошутил. Сей — час придумаем что-нибудь...

— Не надо.

— Что — не надо? Собери ее вещи и спрячь, а пока она будет искать, отец сам уговорит остаться. Понял?

— Не надо, — тихо повторил Петя. — Ничего не надо мне, Мазин! Это не такое, чтобы придумывать что-нибудь. — Он отвернулся и сломал голую ветку у забора. — Этого ты не можешь... и не надо.

— Да ну тебя! — рассердился Мазин. — «Не можешь, не можешь»! Я все могу!

Когда Петя ушел, Мазин долго стоял во дворе и смотрел на его окна.

«Есть прямое, честное товарищество, а есть мелкое, трусливое вырочательство», — вспомнил он слова учителя.

«Эх, жизнь! Пойду завтра к его мачехе и напрямки начну действовать», — решил Мазин.

* * *

За ночь решение окрепло. Мазин застал Екатерину Алексеевну одну. Она сидела за работой — подшивала Петины брюки. Из рта ее торчали булавки, а в длинных ловких пальцах мелькала иголка. Мазин поздоровался и, оглядев новые Петины брюки, вежливо сказал:

— Симпатичные брючки.

Мачеха засмеялась с закрытым ртом, булавки запрыгали на ее губах.

«Еще подавится!» — с тревогой подумал Мазин и сказал:

— Выньте изо рта булавки. Я к вам по делу пришел.

С тех пор как Петя первый раз привел к себе Мазина, прошло много времени. Екатерина Алексеевна уже хорошо знала этого смешного, толстого, спокойного мальчика, товарища Пети. Она с интересом прислушивалась к коротким фразам, которые бросал Мазин Пете во время игры или занятий. Ей нравился Мазин, но где-то про себя она опасалась того влияния, которое он имел на Петю.

«Если хорошенько братья за Петю, то сначала нужно взяться за Мазина», — нередко думала она, наблюдая их вместе. Но до сих пор Мазин был неуловим, никогда не обращался к ней с вопросами и сам отделялся короткими ответами.

— Какое же у тебя ко мне дело? — опуская на колени шитье, спросила Екатерина Алексеевна.

— А вот какое. — Мазин придвинул стул и сел прямо против нее. — Я, как настоящий товарищ Пети Русакова, считаю, что нам надо прямо и честно объясниться. — Он заметил смешливые искорки в глазах Петинной мачехи и насупил: — Вы не смейтесь. Это не такое, чтобы смеяться. Это такое, что заплакать можно, если вы для Петьки как мать родная. Мазин вспыхнул и рассердился: — Мне тоже, как товарищу, не очень-то легко!

Екатерина Алексеевна сложила руки на коленях и умоляюще посмотрела на него:

— Коля, если что-нибудь случилось, ты говори сразу... ну, сразу!

— Не бросайте Петьку никогда, если даже отец его выпорет! Понятно? — выпалил Мазин.

* * *

В темной воде один за другим исчезали камешки, брошенные Мaziным. От

камешков расходились ровные спиральные круги.

«Плакала, — вспомнил Мазин. — И Петька плакал... — И, удивленно поглядев на свое отражение в воде, Мазин скорчил гримасу. — И я плакал... Эх, жизнь!»

Но зато не только Петина мачеха осталась навсегда в Петинном доме, а и все имущество из землянки перекечовало в русаковский дом, который стал теперь самым прочным местом на свете. И даже Русаков-отец потерял свой грозный вид.

«Не то он был черный, а стал каштановый; не то он раньше с бородой ходил, а теперь усы у него. Петьку по плечу хлопает, смеется, шутит. Одним словом, наверно, его фабрика сто пар ботинок в секунду делает. Придется и нам себя показать, — озабоченно подумал Мазин, устраиваясь поудобнее на бревне и отводя глаза от темной глубины пруда. — Даешь учебу!»

Он вытащил из кармана свернутую в трубочку тетрадь. Но поучиться ему не пришлось.

Около прежней землянки слышались тихие голоса.

— Я думаю, что это нора лисы, — сказала девочка в белом фартуке, с пучком подснежников, торчащих из кармана на животе.

— А я думаю — медвежья, — серьезно ответил, приседая на корточки, стриженный мальчик с круглой головой и черными глазами. — Я даже сейчас потыкаю медведя палкой.

— Не надо. Он затонул, — сказала девочка.

Но мальчик достал прут и наклонился над ямой.

— Эй, ты, упадешь! — крикнул Мазин и, перескочив через бревно, пошел к детям. — Вам что тут надо? Это не нора, а землянка. Убирайтесь отсюда!

— Мы сейчас уберемся, — сказала девочка.

Но мальчик продолжал сидеть на корточках.

Мазин поднял его за шиворот и поставил подальше от ямы.

— А чья землянка? — спросил мальчик, несколько не смутившись.

— Это землянка, — сказал Мазин, скрестив на груди руки, — двух знаменитых следопытов: Русакова и Мазина — Р. М. З. С. Понятно? А теперь ступайте отсюда оба к своей бабушке!

Когда малыши удалились, Мазин вынул перочинный ножик и на толстом стволе березы вырезал четыре буквы: Р. М. З. С.

Полюбовавшись своей работой, Мазин сделал еще один глубокий надрез на белом стволе березы и припал к нему губами.

Он напился свежего березового соку, вытер рукавом рот и смачно сказал:

— Эх, жизнь!

Глава 35. Отец

«Супризом» тетки была телеграмма от отца. Павел Васильевич приехал ночью. Васек долго ждал, сидя одетый в уголке широкой кровати, и прислушивался к каждому шороху на дворе. Тетка тоже не спала, она все что-то прибирала и хлопотала в кухне.

— Ты ляг. Я тебя тогда разбужу, — уговаривала она племянника.

— Ничего. Я не хочу спать, — с трудом приподнимая отяжелевшие веки, говорил Васек.

Ему хотелось первым встретить отца на пороге. Но он все-таки не выдержал и заснул, ссутулившись и уткнувшись головой в спинку кровати. Ему снился дремучий лес и колючие ветки, снилось, что он ползком пробирается через поваленные бурей деревья и занозил себе коленку.

И вдруг теплые большие руки осторожно прижимают его к себе и мягкие усы, похожие на зеленые водоросли, щекочут лицо.

— Ну, Рыжик... Глянь-ка на меня, Рыжик!

Васек еще крепче зажмуривает веки, потом сразу открывает их и горячи — ми от сна руками гладит отца по заросшим, небритым щекам. И оба они мол — чат, потому что нет слов, которые можно было бы сказать в такую минуту.

— Скажи пожалуйста, ведь какой парень привязчивый! Это что! — бормочет в кухне тетка, тихонько сморкаясь в платочек.

Прежние, светлые дни наступают для Васька. В длинные вечера уже все

переговорено и рассказано, все пережито сначала вместе с большим, настоящим другом — отцом. Ему не надо много говорить — он все понимает с первого слова.

Ссора Васька с Сашей взволновала Павла Васильевича. Он никак не мог успокоиться и все повторял:

— Как же так? Такой парнишка хороший...

Васек хмурился:

— Я, папа, этот сбор никогда не забуду!

— Ничего, ничего, сынок! Теперь нам нужно будет себя во как поднять! Мы это сделаем, сделаем... — задумчиво говорил Павел Васильевич, даже не замечая, что вместо «ты» говорит «мы».

Один раз Васек сказал:

— Я, папа, теперь с Мазиным и Русаковым занимаюсь. Мы вместе к экзаменам готовимся. Они, знаешь... — Васек нагнулся и зашептал отцу на ухо: — Должны на «отлично» выдержать. Мазин хочет Сергею Николаевичу доказать, какой он товарищ. Понимаешь?

— А!.. — таинственно кивнул головой отец. — Это надо, надо.

— А я им помогаю... Я тоже хочу доказать. Мне хочется, чтобы они оба лучше всех на экзамене ответили.

— Себя-то, смотри, не упусти с ними, — забеспокоился отец.

— Нет, нет, что ты! Я ведь и сам в это время учусь.

Васек отогнул пальцы и сосчитал:

— Две недели осталось. Вот еще только Первое мая отгуляем, а тогда будем друг дружку по всей программе гонять.

Глава 36. Экзамены

Первое мая отгуляли весело. Вся школа вышла на демонстрацию. Шли стройными колоннами, несли большие портреты вождей, украшенные первыми полевыми цветами. Несли знамена.

— Шире, шире разворачивайте, чтобы такой красивой, широкой лентой они были!
— возбужденно командовал Митя, поворачивая к ребятам сияющее веснушчатое

лицо.

Ребята старались шире развешивать знамена и не сбиваться с ноги. А из всех домов торжественно и весело присоединялись к ним люди, на ходу подхватывая знакомый мотив любимой песни:

Широка страна моя родная...

Васек Трубачев, воодушевленный всеобщим праздником, пел вместе со всеми, а Мазин, шагая с ним рядом и устремив на голубое небо глаза, пел громче всех, не считаясь с общим хором и забегаая далеко вперед:

Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!

Маленький городок утопал в зелени. На всех подоконниках стояли первые весенние цветы. Кусты в палисадниках кудрявились и в полдень, отяжелев от набухших почек, ложились на забор. На ночь люди настежь открывали свои окна, чтобы дышать свежим, ароматным воздухом. Это было время весеннего праздника, когда все люди кажутся особенно добрыми и приветливыми.

Васек Трубачев шел к Русакову. Там сегодня была назначена репетиция экзаменов. Учениками были он, Мазин и Петя Русаков, экзаменатором — Екатерина Алексеевна.

Трубачев торопился. Он только что встретил Митю и узнал от него замечательную новость: сразу же после экзаменов начнется подготовка к походу.

К походу! Ура!

Васек бежал по улице, взволнованный этим сообщением. Если бы хоть с кем-нибудь скорее поделиться своей новостью! Но никто не попадался навстречу... И только из одних ворот прямо на него вышел Саша.

«Булгаков! Эй, Булгаков!» — хотел крикнуть Васек, но запнулся и неловко замедлил шаг. Саша тоже остановился. Они посмотрели друг на друга и отвернулись. Потом каждый пошел своей дорогой. На душе у Васька померкла радость, и даже ноги в легких сандалиях стали цепляться за все бугорки. Дойдя до угла, он оглянулся. Саша тоже оглянулся.

Васек тяжело вздохнул и пошел к Русакову. Круглое, доброе лицо Саши с открытыми черными глазами было так знакомо и близко ему. Почему-то вспомнились даже руки Саши, с заусенцами около ногтей, такие ловкие и быстрые в работе.

У Русаковых уже все было приготовлено к экзамену. На середину комнаты был выдвинут большой стол, на стене висела чистая фанера, а под ней лежал кусок мела. За столом торжественно сидела Екатерина Алексеевна в темном платье с белым воротничком. Лицо у нее было такое, как будто она всю жизнь экзаменовала школьников.

Мазин и Русаков в чистеньких новых костюмчиках, приготовленных для экзаменов, шепотом переговаривались между собой в ожидании Трубачева.

— Ты что же? Иди скорей! — встретил его в дверях Петя. — Смотри, она сидит уже, — кивнул он в сторону мачехи.

Васек почувствовал всю торжественность обстановки, чинно поклонился и сел на скамейку рядом с Мaziным и Русаковым.

Первым отвечал Петя.

— Русаков! — вызвала Екатерина Алексеевна.

Петя взял со стола билетик и, прочитав его, сказал:

— Это я все знаю! Можно другой?

— Можно.

— Это я тоже знаю! — радостно крикнул Петя. — Смотрите, разбор по частям речи! — Он оглянулся на мальчиков.

— Отвечай, — сказала Екатерина Алексеевна. — Дай пример.

Петя написал на доске: «Не бросай товарища в беде» — и начал бойко разбирать. Екатерина Алексеевна кивала головой. Петя закончил стихами Пушкина к няне:

Подруга дней моих суровых,

Голубка дряхлая моя...

В дверь тихо просунулась мощная фигура. Русаков-отец на цыпочках подошел к столу и сел рядом с женой. Петя вспыхнул и взволнованно продолжал:

Одна в глуши лесов сосновых

Давно, давно ты ждешь меня...

Пушкин в детстве был очень одинок. Самым дорогим и близким человеком ему была его няня, Арина Родионовна, — рассказывал Петя, глядя прямо в глаза своим экзаменаторам.

Петю похвалили. Вторым вышел Мазин.

Он спокойно брал один за другим билеты и со словами: «Знаю, знаю...» — бросал их на стол.

Русаков-отец вопросительно посмотрел на жену и, наклонившись к ее плечу, шепнул:

— Что за система?

Но она сделала ему знак не вмешиваться. Наконец Мазин выбрал себе билет и ответил по нему все, кроме стихов.

— Стихи не знаю, надо будет выучить, — спокойно сказал он.

Трубачев отвечал бойко, с видимым удовольствием.

Русаков-отец спросил:

— Если обыкновенные мастера в смену выполняют сто процентов задания, скажем пять пар обуви, то сколько пар обуви сделают стахановцы, выполняющие двести пятьдесят процентов задания.

— Это вопрос из арифметики, — смутился Трубачев.

— Это вопрос из жизни, — ответил Русаков-отец. — Ну, кто сообразит?

— Я! — крикнул Петя. — Двенадцать с половиной пар!

— Верно, сын, — сказал Русаков.

После экзамена по русскому начался экзамен по другим предметам. Мальчики разошлись усталые, но довольные собой.

* * *

Школа притихла. Она стояла торжественная, праздничная, полная цветов и света. В коридорах ходили на цыпочках, говорили шепотом. В классах сидели учителя и какие-то новые, приезжие люди с большими портфелями. Мягкая ковровая дорожка устилала лестницу и спускалась с крыльца, на котором стоял Грозный в черном сюртуке, с новым галстуком в голубых горошинах.

В школе шли экзамены. Они шли уже не первый день. Митя, с торчащей из кармана зеленой тюбетейкой, взволнованно спрашивал ребят из четвертого класса «Б»:

— Ну, как у вас тут дела?

— Хорошо! Хорошо!

— Ой, Митя! Русаков на «отлично» по русскому!

— Мазин тоже! И Белкин! И Синицына! — шептали ему девочки.

— Ничего, Митя! Не подкачаем! — храбрились ребята.

— Ну-ну! Старайтесь, старайтесь, ребята! — торопливо отвечал Митя. (Для него самого наступило страдное время экзаменов.) — Я побегу... У меня вот... — Митя хлопал ладонью по учебнику. — А вы тут смотрите... Трубачев, чтобы все в порядке было!

— Есть все в порядке!

Школа стояла тихая и торжественная, но вокруг нее громко и весело пели птицы, кричали и ссорились воробьи, в листьях шумел ветер и звал далеко-далеко — в поле, в лес, на речку, на вольную лагерную жизнь.

* * *

Одинцов лежал на кровати и слушал, как на крыльце бабушка уговаривала снести большую рябую курицу:

— Накормлена, напоена и гребень красный, а ходишь, бездельница, пустая!

Одинцов засмеялся, нырнул под одеяло и сладко потянулся.

«Теперь пойдут чудесные дни! В воскресенье поход! А там, может быть, лагеря... Вчера сам директор поздравил четвертый «Б» с отличным завершением учебного года... Он так и сказал: «С отличным!» — с гордостью

вспомнил Одинцов и посмотрел на этажерку, где на четвертой полке были уже аккуратно сложены его учебники за четвертый класс.

Пятая полка еще была пуста. На ней только к сентябрю появятся новые книги, а пока еще только май.

— Бабушка! — закричал Одинцов, вскакивая и подбегая к окну.

У крыльца шумно кудахтали куры, стуча по тарелке с пшеном твердыми клювами.

Бабушка вошла в комнату, держа на ладони теплое, свежее яичко.

— Уговорила? — обрадовался Одинцов.

— Усовестила!.. — ответила бабушка. — Тебе в мешочек сварить али всмяточку?

— В мешочек, в мешочек! — чмокнув ее в сморщенную щеку, закричал Одинцов и, шлепая по полу босыми ногами, побежал умываться.

Брызгая водой, он без умолку говорил о походе, о товарищах и о том, что теперь можно ни о чем не думать и бить баклуши до сентября.

— Бабушка, ведь мы пятиклассники! Понимаешь, пятиклассники!

— Ну, дай бог, дай бог! — повторяла бабушка, глядя на внука светлыми голубыми глазами.

Глава 37. Приготовления к походу

Поход был назначен на воскресенье. Ребята целую неделю готовились к нему и одолевали Митю вопросами:

— Кто пойдет? Какие классы? Какие учителя?

— Повторяю, — охрипшим голосом кричал Митя, — пойдут три отряда! Четвертый и пятый классы. Задание каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути, руководствуясь указателями.

— Топографические знаки! — с восторгом крикнул Белкин.

Митя кивнул головой.

— Дальше. От четвертого «Б» в походе примет участие Сергей Николаевич.

— Ура! Ура! — Ребята вскочили с мест и окружили Митю. — С нами? Пойдет?

— Сергей Николаевич и я будем принимать отряды в назначенном месте у костра. Понятно? — кричал Митя. — В четвертом «Б» командиром назначен Трубачев, а комиссаром — Булгаков, — закончил он при общем ликовании. — Сбор во дворе школы в десять часов.

— Митя! Митя! Подожди!

— Трубачев с Булгаковым в ссоре!

— Митя, они же давно в ссоре! — зашептали со всех сторон девочки.

— Что? — нахмурился Митя и громко сказал: — Ничья ссора нас не касается. В общем деле не может быть личных интересов. Понятно?.. Трубачев, ты слышал, что я сказал?

— Слышал.

— А ты, Булгаков?

— Слышал.

— Так принимайте задания!

— Есть! — твердо ответили оба.

* * *

В воскресенье Васек вскочил с постели и, отдернув занавески, зажмурился. Луч солнца мягко скользнул по его щеке и прыгнул на пол.

— Есть поход! — прошептал Васек и оглянулся на спящего отца.

Было еще очень рано, но теткина постель была пуста. Васек заглянул в кухню.

На столе были уже приготовлены отцовская фляжка, несколько отборных картофелин, соль и каравай хлеба. На табуретке лежал рюкзак.

— Не буди отца, — шепотом сказала тетка, разглаживая утюгом новый матросский костюм. — И чего вскочил ни свет ни заря! Поди полежи еще!

Васек примерил рюкзак, осмотрел фляжку и лег, крепко зажмурив глаза от солнца. Но спать было невозможно. Ему уже представлялись запутанные тропинки в лесу; знаки, тщательно замаскированные; выложенные из камешков стрелы; сломанные ветки...

«Надо в оба смотреть... на деревьях, на земле, на кустах. А пропустим — назад вернуться. Быстро, молча. Болтать не позволю... Вперед пушу Одинцова, Мазина и Русакова. Булгаков со мной рядом пойдет... Он слышал, что Митя сказал. Ну и вот... Зорину со Степановой тоже вперед пушу. А Малютин пусть сзади идет. Он невоенный человек. Синицыну — в хвост, чтобы не болтала...»

Васек представил себе отряд, движущийся в тишине леса. Себя впереди, Булгакова рядом... Командир и комиссар!

Ему стало жарко. Откинув ногами одеяло, он вскочил, отдал кому-то честь.

Отец спал, отвернувшись к стене.

На столик с маминой карточкой падало солнце.

— Есть поход! — неслышно пошевелил Васек губами, глядя в лицо матери, улыбавшейся ему с портрета знакомой, памятной улыбкой.

— Встаю, встаю, сынок! — забормотал отец, садясь на кровати и приглаживая рукой растрепанные волосы. — Ты что тут шебуршишься, сынок?

— А ты забыл? — спросил, подбегая к нему, Васек. — У нас поход нынче.

— Нет, как же забыл! Ни в коем случае не забыл, — заторопился Павел Васильевич. — Сейчас, сейчас собираться будем!

— Да погоди, еще восьми нет — ты, может, не выспался.

— Ну, выспался не выспался — беда не велика! А ты вон погляди: я тебе вчера топорик смастерил — может, понадобится в лесу.

Он вытащил из-под кровати топорик с отточенным светлым лезвием.

Васек схватил его и заткнул за трусики.

— Себе-то живот не пропори, — засмеялся отец. В половине десятого Васек вышел из дому. Он шел не оглядываясь, но знал, что отец стоит на крыльце и смотрит ему вслед.

Глава 38. Поход

Завидев Трубачева, ребята ахнули. Ремни от рюкзака оттягивали назад его плечи, красный шелковый якорь блестел на рукаве, из-под тубетейки выбивался на лоб рыжий завиток.

— Вот командир так командир!

Девочки сейчас же подбросили записку:

«Трубачев, ты очень похорошел!»

— В общем деле не может быть личных интересов! — вспомнив слова Мити, важно сказал Васек, скомкал записку и громко скомандовал: — Отряд, стройся! Справа налево рассчитайсь!

На школьном дворе стояли три отряда, готовые к походу. Васек осмотрел с головы до ног каждого из своего отряда. Все были подтянуты, торжественны, не размахивали руками и не болтали зря.

Васек был доволен.

* * *

Три отряда стояли как вкопанные.

Митя давал последние указания:

— Повторяю: задача каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути по указательным знакам. Будьте внимательны! «Первый отряд идет через улицу Чехова, шоссе. Указатель на полкилометра от леса. Второй отряд...» — читал Митя.

Васек ждал. Саша Булгаков стоял рядом с ним и не отрываясь смотрел Мите в рот.

— «Третий отряд... — Митя повернулся лицом к ребятам Трубачева: — Черкасская улица, переход через шоссе. Стрелка, показывающая направление на первой тропинке, сворачивающей в лес». Понятно?

— Понятно! — выпалили все три отряда.

Митя махнул рукой:

— Вперед!

— Шагом марш! — скомандовал Васек Трубачев.

Отряд вышел из школьных ворот и зашагал по улице. Два других отряда со своими командирами свернули в боковые переулки.

— Скорей! Скорей! — заволновались девочки. — Перегонят!

— Не бежать! — нахмурился Васек.

— Бежать хуже. Прозеваем указатель и все спутаем, — сказала Лида.

Шли ровным быстрым шагом. Дорога была всем знакома.

— Красиво идем! — шептали девочки.

— Ребята! По мостовой потише, у меня тапочки новенькие, — беспокоилась Синицына.

— Повесь их себе на нос, твои тапочки!

— Не из-за тапочек, а из-за Малютина потише надо. Здесь камни, и солнце печет очень, — тихо сказала Валя Степанова, трогая рукой свою макушку.

Васек оглянулся. Сева Малютин шел сзади. На спине у него был рюкзак, на боку — полевая сумка. На покрасневшее от солнца лицо падала тень от низко надвинутой на лоб панамки.

— Леня Белкин, возьми у Малютина рюкзак, — сказал Васек, — ему тяжело.

— Есть! — бойко отозвался Леня Белкин, подождал Севу и, не слушая его возражений, перекинул через плечо Севин рюкзак. — Иди, иди! А то устанешь сразу... А мне нипочем!

Улица вдруг кончилась. За шоссе открывался зеленый ряд елок. Они стояли как нарисованные, а за ними живой стеной поднимались дубы, березы и ели. Пахло хвоей и нагретым листом. По небу плыли белые пушистые облака.

Отряд остановился.

— Здесь! — взволнованно сказал Васек.

— Вот она, вот! — закричало сразу несколько голосов. На траве искусно выложенная мелкими камешками стрелка указывала на тропинку.

Ребята почувствовали важность этой минуты.

— Начинается! Начинается! — зашептали они.

— Пошли! — бодро крикнул Васек.

Он шел впереди, оглядывая каждый кустик и чуть притоптанную траву по бокам тропинки. Ребята, затаив дыхание, гуськом шли за ним.

— Сейчас тропинка сама ведет, а как выйдем из елок, надо смотреть в оба, — уговаривались Одинцов и Саша.

Елки кончились. Тропинка, сделав полукруг, сворачивала обратно на шоссе. В лесу было свежо и тенисто, в густой траве качались белые ромашки и нежно-голубые колокольчики.

Сквозь заросли крапивы пробивались кусты дикой малины.

— Ищите здесь, — сказал Васек. — Далеко не отходить, кусты не ломать, смотреть под ноги!

Ребята, низко пригнувшись к земле, всматривались в каждый уголок.

Девочки, заправив под панамки непослушные волосы и стараясь не мять цветы, продвигались вперед на цыпочках, напряженно и молча оглядываясь вокруг. Мазин и Русаков держались вместе. Все места пригорода были ими исхожены зимой на лыжах.

— Вот тут следы зайца были, помнишь? — припоминал Русаков.

— Ладно, не болтай. Не до зайца сейчас, — хмуро останавливал его Мазин. И тут же, указывая на молодую белоствольную березу, опоясанную маленькими окошечками, говорил: — Дятловы кольца. Березовым соком остроносый лакомился! Я тоже пил. Эх, хорошо!

— А помнишь, как мы... — оживлялся Петя.

— Хватит, ищи стрелу! — сурово останавливал его Мазин.

Васек подбежал к старому пню. Около него валялись сломанные ветки елки. Он присмотрелся к ним ближе. Елка была так обломана, что ствол с двумя ветками напоминал стрелу.

На земле были рассыпаны иглы, очевидно счищенные перочинным ножом.

— Булгаков, Одинцов, сюда! — боясь ошибиться, позвал он товарищей.

— Куда направление? Куда направление? — волнуясь, спрашивал Саша.

— Да, направление в лес! Ясно — это указатель, — сказал, поднимаясь с колен,

Одинцов.

— Вперед!

Ребята весело двинулись в указанном направлении.

Лес становился гуще. Валежник царапал коленки, цеплялся за платье. В тоненькие пушистые волосы Вали Степановой вцепилась зеленая колючка. У Лиды Зориной через всю коленку тянулась красная полоса. У многих девочек от крапивы распухли руки, но никто не жаловался. Одна Синицына тихо ворчала, попадая то в крапивное место, то на острый сучок. Ее никто не слушал.

Васек, покрасневшись от напряжения, старался не снижать строгого командирского тона, чтобы не уронить дисциплину. Сам он, так же как и все ребята, уже чувствовал тревогу. Всем казалось, что прошло уже много времени и другие отряды давно опередили их. Шли молча. Вдруг Синицына нагнулась над муравьиной кучей и, выхватив оттуда три палки, подняла их вверх.

— Стрела, честное слово, стрела! — торжествующе крикнула она. — Вот так лежала!

— Положи! Положи! — в ужасе закричали ребята.

— Трубачев, она подняла!

— Она спутала направление!

Синицына испуганными, круглыми глазами смотрела на подходившего Васька. Он вырвал у нее из рук палки и наклонился над муравейником. Там остался глубоко вдавленный след, обозначающий стрелу. Васек выпрямился:

— Указатель найден!.. Синицына, становись в задние ряды!

У ребят отлегло от сердца.

Пристыженная, Нюра Синицына пошла в задний ряд.

Дальше стрелы стали попадаться чаще. Глаза, привыкшие нащупывать их, не пропускали ничего.

Васек шел впереди. Найдя стрелу, он молча показывал на нее рукой и торопился дальше.

— Давайте бегом! Нас же много — авось не пропустим, — предлагали некоторые ребята.

— На «авось» нельзя! — доказывала Лида Зорина.

— Мы и так быстро идем! — утешал Саша Булгаков.

Все шло благополучно. Последняя стрела, вырезанная на дереве перочинным ножиком, вдруг указала направление в такую чащу, где колючие кусты шиповника, сухие ветки и торчащие во все стороны сучья бурелома совершенно загоразивали дорогу. Впереди виднелся овраг. Может, не сюда?

— Трубачев, верно мы идем? — заволновались ребята.

— Все в порядке. Вперед! — скомандовал Трубачев, медленно пробираясь через чащу и защищая рукой лицо от колючих веток.

Ребята беспрекословно двинулись за ним. Овраг был крутой. На дне бежала лесная речушка, неширокая, но быстрая. В темной воде не было видно дна.

— Брр... Тут глубоко, — неуверенно сказал кто-то.

— Смеряйте глубину! — зашептали девочки. Коля Одинцов вытащил из хвороста длинную палку, наклонился и стал мерить глубину. Палка, не достигнув дна, вырвалась у него из рук и уплыла по течению. Он поднялся, обескураженный.

Валя Степанова заглянула в темную воду и сняла тапочки.

— Надо так надо, — тихо сказала она, ожидая приказа.

— Обследовать берег! — сказал Трубачев и, пройдя несколько шагов, вытащил из земли белую, свежесвыструганную галочку. Это была стрела, воткнутая в землю.

— Направление в землю, — недоумевающе сказал кто-то за плечом Васька.

— Трубачев, куда направление? — спросил, нахмурившись, Одинцов.

Васек кусал губы, глядя на запачканную в земле стрелу.

— Направление в землю, — сообщил он сгрудившимся вокруг ребятам.

— Ничего особенного... Значит, что-то в земле, — заявила Зорина.

Булгаков присел на корточки и стал разрывать руками рыхлую землю. Вместе с комьями земли вылетела спичечная коробка.

— Дай сюда! — протянул руку Васек.

В коробке лежала записка — приказ по третьему отряду. Ниже стояли: точка-тире-точка-тире...

— Что это? Что это? — заволновались ребята.

— Морзе! — ахнул Саша.

— Азбука Морзе! Азбука Морзе! — зашумели ребята.

Васек растерялся. Точки и тире запрыгали у него перед глазами.

— Ничего, сейчас разберем... — неуверенно сказал Саша. — Давай сигнал для сбора!

Васек свистнул. Отряд живо собрался вокруг своего командира.

— Найдена записка. Азбука Морзе. У кого есть перевод?

— У кого перевод? У кого есть перевод? — кричал Одинцов.

Все молчали.

— Что же вы? Мы время теряем! — торопил Саша, потрясая запиской.

— У меня дома есть... — уныло сказал Белкин.

— Ну и беги за ним домой! — оборвали его ребята. Мазин вытянул голову, хмуро посмотрел на записку и почесал затылок:

— Эх, жизнь! Что же мы-то с тобой, Петька!

— Вот так история! — развел руками Медведев.

— Ребята, ну что же вы, ребята? — обращаясь то к одному, то к другому, умоляла Лида Зорина. — Неужели вы азбуки Морзе не знаете?

— Сама попробуй прочти! — накинулась на нее Синицына.

Васек не знал, на что решиться. Идти наугад? Искать следующий знак?

— Смирно! — прикрикнул он, чтобы прекратить разгорающийся спор.

Сева Малютин, осторожно прокладывая себе дорогу между ребятами, подошел сбоку:

— Трубачев, я немножко знаю. Можно посмотреть?

Саша поспешно протянул ему записку. Малютин раскрыл полевую сумку,

вытащил оттуда карандаш и записную книжку.

— Пиши на моей спине, — предложил ему Одинцов.

— Не надо, — сказал Сева. Он внимательно посмотрел на записку, потом заглянул в записную книжку, покусал губы и потер лоб.

— Забыл! — насмешливо сказал Мазин.

— Нет. Сейчас! — просветлел вдруг Малютин. — Вот первые слова: «Переправа на берегу...»

— Ура! — подпрыгнули ребята.

— Читай дальше! — нетерпеливо сказал Васек. Малютин пошевелил губами:

— Дальше я не могу разобрать.

— Хватит! Ищите переправу! — закричал Васек и, пригнувшись, побежал вдоль берега.

— Есть! — раздался из кустов голос Русакова. Красными, обожженными крапивой руками он с торжеством вытащил из-под валежника две крепко сбитые доски.

— Перекладины! Столбики с рогульками, живо! — командовал Васек.

Но ребята уже и без команды яростно тащили сваленные в кучу сухие жерди, обтесанные топорами колья и в жидкую грязь на берегу вколачивали столбики.

— Готово! Цепью! За мной!

Ребята один за другим перешли речку.

Васек смерил глазами крутой подъем и тревожно оглянулся на Малютина.

Мазин поймал его взгляд, вытащил из кармана веревку, закрутил один конец себе повыше локтя и подмигнул Ваську: «Поднимем... ничего!»

Васек кивнул головой.

— Ребята, держись за веревку!

Все схватились за веревку. Сева Малютин оказался между Валею Степановой и Петей Русаковым. Мазин крякнул, натянул постромки и полез по крутому склону.

— Малютин, держись крепче, — беспокоилась Валя Степанова, глядя на

порозовевшее лицо Севы.

— Малютин, не трать силы. Ты только ногами перебирай, — озабоченно советовал Петя Русаков.

— Молодец, Малютин, всех выручил! — кричали сверху ребята.

Сева, крепко держась за веревку, глядел на товарищей счастливыми глазами.

— Ну, айда! Пошли! Пошли! — натягивая изо всех сил веревку и набирая высоту, кричал Мазин.

Васек Трубачев, не обращая внимания на осыпавшуюся под ногами землю, цепляясь за кусты, выскочил из оврага первый. Стоя на пригорке, он выпрямился и протянул вперед руку.

Между деревьями возвышалась куча хвороста, издали похожая на шалаш. Около нее мелькало что-то зеленое, как птица с зелеными перышками.

— Костер! Митя!

— Ура! Ура! — грянул подоспевший отряд.

— Подойти в порядке! Построиться! — крикнул Васек.

Но его уже никто не слушал. Ребята бросились врассыпную на последний знак — зеленую Митину тюбетейку.

Отряд Трубачева пришел первым!

* * *

— Ай да Мухомор! — любовно говорил Грозный, складывая у костра хворост. — В самый раз поспел! Небось в хвост и в гриву погонял, а?

— Да нет, ничего, — рассеянно отвечал Васек, поглядывая в сторону, где сидел Сергей Николаевич и о чем-то разговаривал с ребятами.

Ваську очень хотелось подойти, но он боялся, что учитель подумает: «Вот привел отряд первым и ждет, чтобы его похвалили». И он, делая вид, что ищет что-то в своем рюкзаке, отстал от ребят.

Второй отряд уже показался на дороге. Ребята шли, размахивая паннами и поднимая столб пыли.

— Вторые! Вторые! — кричали им из отряда Трубачева.

— Где проплутали? — крикнул Митя, идя навстречу задержавшемуся отряду.

Командир отряда, долговязый парнишка, снял тюбетейку и вытер ладонью потный лоб.

— Пропустили стрелу — и давай наугад шпарить. А потом — стоп! — видим, дело плохо. Назад вернулись.

Ребята завистливо поглядывали на отряд Трубачева.

— Мы в другой раз будем знать, — смущенно сказал их командир. — А то ребята все кричат: «Бегом, бегом!» Вот и пропустили.

— А ты командир. Надо дисциплину держать, — строго сказал Митя и посмотрел на часы. — Где же первый отряд?

— Загадочная картинка! — сострил Одинцов.

Учитель улыбнулся и подозвал Трубачева.

— Ну, командир, рассказывай, как шли.

Он подвинулся и указал ему на место около себя. Васек, покраснев до ушей, начал с жаром рассказывать. Ребята помогали ему припоминать все мелочи.

— ...И вдруг письмо...

Васек поискал глазами Малютина.

— Кто же прочитал? — спросил учитель.

— Все читали, жутко прямо! — сказала Синицына.

— Неправда, неправда! — закричали ребята.

— Никто не умел, — сказал Васек. — Вот он только... три слова разобрал. — Васек кивнул на Малютина.

Сева подошел к ним.

— Ты знаком с азбукой Морзе? — спросил учитель.

— Я немножко, чуть-чуть.

— Это очень важно. А что было бы, если бы Малютин не сумел разобрать? — спросил Сергей Николаевич.

Васек почувствовал досаду, но поборол ее и обнял Севу за плечи.

— Если бы он не прочел, мы могли бы опоздать, — честно сказал он.

Ребята захлопали в ладоши:

— Молодец! Молодец!

— Молодец! — подтвердил учитель.

* * *

Митя все еще ждал первый отряд. Грозный хлопотал по хозяйству. Он вместе с ребятами приладил над костром котел с картошкой. Послал еще за хворостом. Васек принес охапку сухих веток и, отряхивая костюм от приставших к нему листьев, увидел, что разорвал штаны.

— Разорвал, Трубачев! Эх, ты, новый костюм! — сочувствовали ему ребята.

— Зашить надо, — сказал Митя. — У кого есть иголка с ниткой?

Саша Булгаков отвернулся и стал ковырять носком ботинка сухую землю.

— У Саши есть, — робко сказала Лида и прикусила язык.

— Булгаков, ты, говорят, человек запасливый. Одолжи командиру иголку, — пошутил Митя.

Саша нашарил иголку под воротником своей куртки и стал раскручивать длинную нитку.

Васек быстро подошел к нему.

— Булгаков, — сказал он, заикаясь и краснея до слез, — не сердись на меня больше... за то...

— Я — нет... что ты... — пробормотал Саша, поднимая на него влажные глаза. — Я всегда... На вот иголку, — радостно заторопился он, — вместе зашьем.

— Трубачев, давай я! — вскочила Лида Зорина.

— Нет, мы сами! — крикнул Васек, увлекая за собой Сашу.

— Мы сами! — оглянувшись, с гордостью сказал Саша.

Митя взглянул на учителя. Сергей Николаевич смотрел вслед обоим мальчикам.

— Помирились, вот здорово! — с восхищением шептал Петя Русаков. — Мазин, видал?

— Вижу, — сказал Мазин. Он запрокинул голову, отпил несколько глотков из своей фляжки и весело сказал: — Эх, жизнь!

* * *

Пламя костра поднималось все выше. Сухие огненные елки трещали. Вокруг стоял шум и смех.

Командир первого отряда, круглолицый веселый мальчуган, сильно жестикулируя, рассказывал:

— Мы там все перепугались. Кто туда тянет, кто сюда! Домой никому не хочется возвращаться. А указатель давно потеряли. Ну, значит, давай наобум! Вдруг видим — дымок над лесом поднялся... Я влез на дерево: вижу — огонь! Ну, айда! Вот и нашли!

Митя встал:

— Ребята! В этом походе только один отряд показал себя дисциплинированным. И только в одном командире я не ошибся. Поговорим об этом особо. А теперь от имени директора нашей школы объявляю отряду Трубачева премию за отличную учебу, за дисциплину в походе. Эта премия... — Митя остановился, обвел глазами ребят и торжественно закончил: — поездка на Украину, в колхоз «Червоны зирки»!

Ребята зашумели, но Сергей Николаевич сделал им знак молчать.

— Экскурсия состоится в начале июня. Поедет весь класс четвертый «Б» с Сергеем Николаевичем, — Митя обернулся с улыбкой в сторону учителя, — и со мной!

Последние слова были заглушены радостными криками ребят:

— На Украину! Ура!

— С Митей! С Сергеем Николаевичем!

Девочки прыгали, обнимались, тормошили Лиду Зорину:

— Всем классом! Всем классом!

Васек обнял Одинцова и Сашу:

— Поедем вместе! Поедем?

— Еще бы! — сказал Одинцов. — А ты, Булгаков?

— Куда вы — туда и я, — широко улыбнулся Саша.

Солнце уже заходило. За деревьями широкая красная полоса все суживалась, и наконец от нее осталась только розовая ленточка, низко протяну — тая по земле. Деревья сразу почернели, одни березы белели в темноте.

Раскрасневшись от костра и горячей картошки, ребята жадно слушали учителя.

Сергей Николаевич, острым концом обструганной палочки доставая картошку из котла и очищая ее, говорил:

— Украина — это моя родина. От колхоза «Червоны зирки» километрах в тридцати я родился, там живет моя сестра... У нее в саду черешни, яблони, груши, сливы... Вот куда мы с вами в гости поедем! Полакомимся...

Костер затянулся до позднего вечера. Домой шли кратчайшей дорогой, по шоссе. Ярко светились окна домов. У Трубачевых дверь была не заперта. Васек вихрем ворвался в комнату.

— Папа, отряд Трубачева премирован поездкой на Украину! — одним духом выпалил он.

Глава 39. Проводы

Быстрые и ловкие, с тонкими коричневыми от загара ногами, ребята заполнили весь перрон.

— Как опята! Как опята из лесу выскочили! — сказала какая-то женщина, указывая на сбившиеся в кучку панамки.

Вокруг школьников столпилась вокзальная публика.

Сквозь толпу с сияющими, размягченными лицами пробирались матери, отцы и хлопотливые, беспокойные бабушки.

— Фляжку-то, фляжку, голубчик, не забудь!

— Открытки возьми! Карандаш... Там на какой-нибудь станции напишешь...

— Ладно, ладно! Не беспокойся — напишу.

Около сложенного горкой пионерского имущества стоял Коля Одинцов и еще несколько ребят.

Тут же на чьем-то вещевом мешке сидела бабушка Одинцова:

— Ты гляди, Коленька, не растеряй все по дороге-то. Мало ли какие люди в вагоне будут!

— Да у нас свой вагон, бабушка! И учитель и Митя с нами.

— Ишь ты, весь вагон себе закупили! Миллионеры, да и только, — улыбалась бабушка.

— Не миллионеры, а пионеры! — шутил Одинцов.

Митю и Сергея Николаевича со всех сторон атаковали родители. Сыпались вопросы: какой маршрут, где будут ребят кормить, выедет ли за ними колхозная машина. Учитель объяснял, рассказывал, успокаивал. Митя, поглядывая через головы родителей на длинный состав поезда, нетерпеливо отвечал:

— Все будет хорошо, товарищи родители! Просим не беспокоиться! Будет и кормежка, и машина, и письма отправим, и телеграммой сообщим о прибытии — все будет как надо!

«Ох, уж эти мне родители! — думал про себя Митя. — Хоть бы скорей погрузиться в вагон!»

— Митя, тебя твои папа с мамой ищут! — крикнула Валя Степанова. — Вон они!

Митя хлопнул себя по щеке: «И мои старички прибыли!» На его живом веснушчатом лице выразилось явное удовольствие.

— Сюда, сюда! Мама! — замахал он рукой.

Васек Трубачев крепко держал обеими руками большую руку отца и, глядя ему в лицо сияющими глазами, торопливо говорил:

— Я тебе, папка, каждый день писать буду! Каждый день!

— Да врешь ты, Рыжик! Там тебе не до этого будет. И не обещай лучше, да и не надо мне этого. Как захочешь, так и пиши, — любовно оглядывая сына, говорил Павел Васильевич и, понизив голос, лукаво прибавил: — Вот тетке не забывай приветы слать. Она, знаешь, обидчива у нас.

Васек кивнул головой.

— Ну, а там и опять вместе будем! — заранее радуясь встрече, улыбался Павел Васильевич.

— Трубачев, кто тебя провожает — папа? А меня мама! — радостно сообщила Лида Зорина. — Хочешь твоего папу с моей мамой познакомить?

— А мы уже и без вас познакомились, — шутил, здороваясь, Павел Васильевич.

— Да мы постоянно на родительских собраниях встречались с вами, — напомнила Лидина мама. — А вот товарища твоего, Лидуша, я давно не видела. Настоящий командир он у вас!

— Они все командиры дома! — подмигнул сыну польщенный Павел Васильевич. — Вот посмотрим, как себя в самостоятельной жизни покажут.

— А мы не будем в самостоятельной жизни. Мы с Сергеем Николаевичем и Митей! — весело сказала Лида. — Петя Русаков, иди сюда!

— Я с матерью, — сказал Петя, держа за руку высокую полную женщину с серыми глазами и ясной улыбкой.

Лида обхватила за шею свою мать и что-то оживленно зашептала ей на ухо.

— Не шепчи, Лидочка, — неприлично, — делая строгие глаза и потирая ухо, остановила ее мать.

По перрону прошел Сева Малютин с худенькой, бледной женщиной. Они тихо разговаривали, не обращая внимания на общую сутолоку.

— Я тебе, мама, разных-разных цветов засушу... Помнишь, когда я болел, ты приносила мне мяту. И руки у тебя пахли мятой... На даче, помнишь?

— Помню. Только не вздумай привезти мне мяту, — засмеялась мама, — ее и здесь много. И по сырым местам не лазь, Сева, а то промочишь ноги и заболеешь, а мамы там не будет с тобой, — улыбнулась она и вдруг тревожно поглядела в синие глаза сына. — А может... не ехать тебе, Севочка? Еще не поздно...

— Ну, мамочка! — засмеялся Сева. — Ну что ты, трусишка какая! Я же не один — со мной товарищи...

Мимо, нагруженный всем дорожным снаряжением, прошагал Мазин.

Рядом с ним семенила его мать — рыхлая, болезненная женщина.

— Дай же мне что-нибудь, Коленька, ведь я с пустыми руками иду! — уговаривала она сына.

— Да уже дошли. Стой тут, я вещи сложу. Вот здесь, у колонны, на эту корзинку сядь, а то толкнет кто-нибудь, — беспокоился он, снимая с плеч вещевой мешок. — Я сейчас... Эй, Булгаков! Где Одинцов? — закричал он, заметив на перроне Сашу Булгакова.

— Он около вещей!.. — крикнул Саша, разнимая сестренку и братишку, которые вдруг о чем-то сильно заспорили. — Ну что у вас тут?

— Саша, я этого следопыта первая узнала, а он говорит — он первый узнал.

— Я первый его узнал! — толкая сестренку, сердился мальчик.

— Тише, тише! — погрозила им пальцем мать. — Что это вы брата перед всеми товарищами срамите!

— Ничего, — сказал Саша, поднимая на руки толстого Валерку и глядя на мать грустными глазами. — А тебе, мама, трудно с ними без меня будет...

— Ну что ты, Сашенька! Отдыхай от нас, голубчик, и ничего такого даже не думай. У отца отпуск скоро...

— А у тебя, мама, когда отпуск? — вздохнул Саша.

— А куда же я денусь? Мне без них и дня не прожить, Сашенька... За тебя-то все сердце изболит, сыночек...

— Граждане! Граждане! Приготовьтесь к посадке! Через две минуты подходит поезд, — громко объявили по радио.

На перроне все задвигалось, зашумело.

— Пионеры, к вагону стройся!

— Родителей просим на минутку отойти! — пробегая, кричал Митя.

— Ну, ну, — заторопились родители, наскоро обнимая детей, — бегите, бегите!

Черный массивный паровоз, тяжело ворочая колесами, подошел к перрону.

За ним потянулись новенькие свежее-зеленые вагоны.

Началась посадка.

Через полчаса платформа вокзала опустела.

Поезд медленно отходил.

Из всех окон высовывались сияющие, взволнованные лица ребят.

— Мама, подойди сюда! Мамочка! — кричала Лида, посылая воздушные поцелуи.

— Лидок, не высовывайся, дорогуша...

— Папка, пиши, слышишь? — кричал через головы товарищей Васек шагавшему рядом с поездом отцу.

— Петя, перейди на нижнюю полку — ты разбрасываешься во сне. Слышишь, Петя!

— Сергей Николаевич, вы уж за нашей Нюлочкой последите, пожалуйста, — обмахиваясь платком, бежал за поездом отец Сеницыной.

— Мама, не скучай, мама! — просил Сева Малютин.

— Валерка, до свиданья, расти большой... Маму слушайся! — кричал Саша.

— Бабушка, не беги! — грозил из окна Одинцов.

— Коленька! Да... ах, батюшки, пирожки-то остались!

— Мама, будь здорова... Не плачь, ну, мама... Эх, жизнь! — отходя от окна, махнул рукой Мазин.

Паровоз круто завернул и дал полный ход.

— До свиданья, до свиданья!

Замахали платки, панамы, галстуки.

На вокзале остались осиротевшие родители.

— Ведь вот, как они дома — и ругаем мы их, и надоедают они нам, а как оторвутся куда — так и сердце за ними рвется, — смеясь и плача, говорила чья-

то мама.

— Да уж это вы, женщины, чувствительный народ, — шумно сморкаясь, говорил чей-то папа. — А в общем, в чем дело? Великолепная экскурсия, с вожатым, с учителем, все условия — о чем же тут слезы лить?

— Верно, верно! — соглашались с ним родители. — А все-таки трудно расставаться.

— Ну, кому куда? Кто со мной по пути? Дальние проводы — лишние слезы. Эдак и заночевать на вокзале можно! — шутил Павел Васильевич. — Пошли, пошли, товарищи родители!

Глава 40. Украина! Украина!

Свежий ночной ветер врывается в открытые окна вагонов. Он шевелил рыжий чуб спящего Васька; обвевал прохладой спокойное лицо Мазина с упрямой нижней губой и по-детски пухлыми щеками; трогал длинные ресницы Пети Русакова, разметавшегося на нижней полке; гладил доброе, озабоченное лицо Саши, заснувшего с мыслью о матери; трепал светлые волосы Одинцова и заглядывал в бледное лицо Малютина, а потом, шаловливо перебегая в соседнее купе, начинал трепать выбившиеся прядки волос в черных косичках Лиды Зориной, пробежал по раздумавшемуся во сне лицу Синицыной и по серьезному личику Вали Степановой, сложившей под щекой ладони...

Ребята крепко спали, утомленные сборами и прощанием с родными. А поезд мчался в темноту ночи; черный блестящий паровоз по-хозяйски отстукивал километры, увлекая за собой длинную цепь вагонов.

В отдельном купе так же спокойно, как ребята, спал старик — отец учителя. Сергей Николаевич стоял у раскрытого окна. Митя, свесив голову с верхней полки, смотрел на учителя.

— Вы знаете, Митя, это изумительное чувство — ощущение своей Родины! Эта непостижимая любовь человека к своей земле! И как это хорошо, взволнованно звучит:

Как невесту, Родину мы любим,

Бережем, как ласковую мать!

Яркое, солнечное утро разбудило ребят. Поезд мчался мимо золотых полей пшеницы, мимо зеленых лугов со стадами. Коровы, лежа в густой траве, лениво жевали жвачку. Прыгали, высоко вскидывая задние ноги, молочно-желтые

телята. Пастушок, сдвинув на затылок картуз, щелкал длинным бичом.

Цвела розовая гречиха, густел овес, сиреневые шарики клевера сливались в один пушистый ковер. Синел лес, под мостом покачивались на воде кувшинки...

Мелькали железнодорожные будки, белые хаты с густыми вишневыми садочками, а на маленьких станциях врывались в окна свежие, задорные голоса с мягким украинским выговором:

— Черешен! Черешен!

— Меду! Меду!

— Ось кому молочка свеженького!

— Ряженки!

— Сюда, сюда! — кричал Митя, принимая из загорелых рук босоногих девчонок крынки с молоком, затянутые густой розовой пенкой, лукошки с черными, горячими от солнца черешнями и кувшины с медом.

Ребята пригоршнями ели черешни, залетавшие в вагон пчелы лезли к ним в миски с медом.

Украина! Украина!

Это был июнь 1941 года.